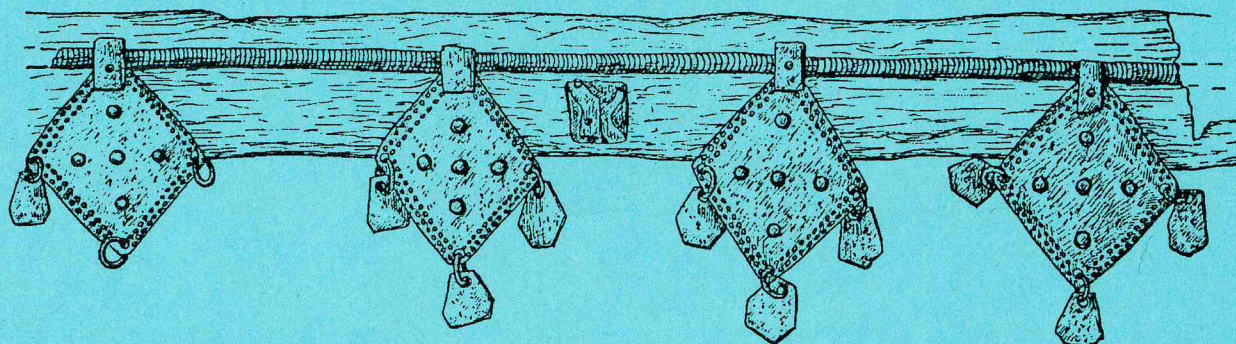
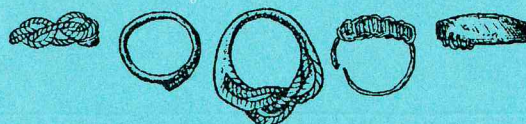

ALA KVIATKOVSKAJA

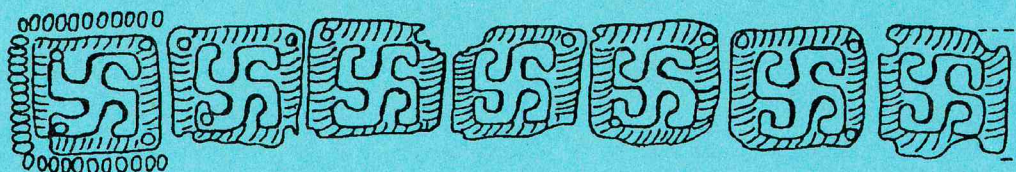
JOTVINGIŲ KAPINYNAI
BALTARUSIJOJE

(XI a. pab. - XVII a.)

ЯТВЯЖСКИЕ МОГИЛЬНИКИ
БЕЛАРУСИ

(к. XI—XVII вв.)

LIETUVOS ISTORIJOS INSTITUTAS

Ala Kviatkovskaja

JOTVINGIŲ KAPINYNAI BALTARUSIJOJE
(XI a. pab. - XVII a.)

DIEMEDŽIO
LEIDYKLA
VILNIUS
1998

УДК 903(=882:476)
К 32

Vyr. redaktorius *Danas Kaukėnas*
Konsultantas *dr. Gintautas Zabiela*
Dizainerė *Nijolė Vaitekoniėnė*
Dailininkas *Jonas Rudzinskas*
Stilistika *Nida Dalmantaitė*
Korektūra *Elena Matiukienė*

ISBN 9986-23-042-X

© Ala Kviatkovskaja, 1998
© Lietuvos istorijos institutas, 1998
© „Diemedžio“ leidykla, 1998

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЛИТВЫ

А. В. Квятковская

**Ятвяжские могильники Беларуси
(к. XI—XVII вв.)**

1998

С о д е р ж а н и е

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ. МЕТОДИКА РАСКОПОК	15
История исследований каменных могильников территории Беларуси	15
Методика раскопок	22
ГЛАВА II. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ И АРЕАЛ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ. УСТРОЙСТВО КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ И ТИПЫ МОГИЛ	25
Общая характеристика каменных могильников территории Беларуси и ареал их распространения	25
Устройство каменных могильников и типы могил	41
ГЛАВА III. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД	48
Каменные кладки как отражение погребального обряда	48
Деревянные обставки и конструкции домовин	51
Ориентировка погребений и положение скелетов	55
Погребения двоянные, пустые и детские	56
Типология погребального обряда	58
Другие черты погребального обряда и культа умерших	65
ГЛАВА IV. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ	67
Инвентарь женских погребений	68
Инвентарь мужских погребений	105
Инвентарь детских погребений	138
Внемогильный инвентарь	144
ГЛАВА V. ХРОНОЛОГИЯ КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ. ХАРАКТЕР И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ИНВЕНТАРЯ	159
ГЛАВА VI. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЫВОДЫ	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
ЛИТЕРАТУРА	192
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	198
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	199
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ	202
ПРИЛОЖЕНИЕ. ТАБЛИЦЫ 1-14	206
Таблица 1. Размеры и форма каменных надмогильных кладок конца XI-XVII вв.	207
Таблица 2. Размеры могильных ям. Положение и ориентировка скелетов	213
Таблица 3. Типология погребального обряда каменных могильников Беларуси конца XI-XVII вв.	238
Таблица 4. Бляшки от головного убора	242
Таблица 5. Височные кольца	244
Таблица 6. Серьги	246
Таблица 7. Бусы	248
Таблица 8. Браслеты	250
Таблица 9. Перстни	251
Таблица 10. Топоры	254
Таблица 11. Датировки предметов погребального инвентаря каменных могильников Беларуси	255
Таблица 12. Состав и датировки закрытых комплексов каменных могильников Беларуси конца XI-XVII вв.	260
Таблица 13. Каменные могильники инвентарные, частично инвентарные и безинвентарные	290
Таблица 14. Хронология каменных могильников Беларуси конца XI-XVII вв.	292
JOTVINGIŲ KAPINYNAI BALTARUSIJOJE (XI a. pab. - XVII a.). Santrauka	306

В В Е Д Е Н И Е

Светлой памяти А. И. К. и А. Г. К.,
происхождением из тех, о ком
пишу, печалюсь разлукой

п о с в я щ а ю

Автор

На территории Беларуси располагаются средневековые погребальные памятники, которые в археологической литературе получили название "каменные могильники" или "каменные могилы" из-за конструктивных особенностей: каменных кладок над захоронениями. Эти конструктивные особенности в комплексе с погребальным обрядом и инвентарем послужили основанием для выделения памятников в особый тип древностей.

Каменные могильники занимают широкую территорию: Верхнее Попельманье; на юге – верховья Ясельды (левый приток Припяти); на юго – западе – притоки Западного Буга: Мухавец, Лесную. На западе они распространяются в пределы Польши. На северо – востоке каменные могильники зафиксированы по реке Вилии (Нярис) и Березине (Днепровской) и далее на северо – восток известны по левым притокам Западной Двины: Дисне, Ушаче, Улье, а также в районе Лепельских озер. На северо – западе каменные могильники распространяются в пределы Литвы.

Хронологические рамки бытования каменных могильников – конец XI – XVII вв. Основной ареал распространения каменных могильников (за исключением реки Вилии (Нярис), Березины Днепровской и земель по

левым притокам Западной Двины) совпадает с территорией, на которой, согласно с мнением ряда русских и польских историков, проживали ятвяжские племена (Финно, 1987, с. 413), которые оставили каменные курганы с трупосожжениями. На протяжении XI – XII вв. обряд трупосожжения в каменных курганах постепенно сменяется обрядом трупоположения. Одновременно происходит и эволюция погребального сооружения: вместо курганов распространяются грунтовые (бескурганные) захоронения с каменными кладками на поверхности.

Вопрос о принадлежности ятвягов к западной ветви балтских племен не является сегодня дискуссионным.

На север от ареала распространения каменных могил располагаются восточно – литовские курганы, которые оставили предки литовцев. Их памятники сконцентрированы по реке Вилии (Нярис) и ее притокам (в Беларуси) и далее на запад распространяются в пределы Литвы. Население, которое оставило эти памятники, принадлежало к восточной ветви балтских племен.

На северо – восток от ареала каменных могильников располагались курганы кривичей, к этому времени уже имевших в своей среде славянский этнический компонент. На юго – востоке – курганы дреговичей, – смешан-

ною балто – славянского населения (Юу А. В., 1992, с. 25–36), а на юге – вольняне.

В конце X в. земли Среднего Побужья и Верхнего Понеманья попадают в водоворот большой политики и становятся объектом внимания со стороны славянских князей, которые совершают сюда многочисленные походы с целью завоевания края. В русских летописях содержатся известия о походах киевских князей на ятвягов в 983, 1038, 1112, 1196 гг. и позднее. В XIII в. галицко – вольнские князья часто вместе с польскими великими рати на ятвягов. Итогом этих походов было опустошение Ятвяжской земли и уничтожение части её населения. В X–XII вв. славяне пробовали захватить и литовские земли, которые граничили с ятвяжскими. Так, киевский князь Ярослав Мудрый в 1040 г. совершил поход в Литву. В начале XII в. Литва числится в списке народов, дающих дань Руси. В 1131 г. на Литву ходил киевский князь Мстислав Владимирович вместе с Всеволодом Гродненским и другими князьями. Однако в середине XII в. Литва втягивается во внутренние конфликты Полоцкого княжества, а с конца XII в. начинает самостоятельное наступление на Русь.

Свидетельством проникновения славян в Побужье и Понеманье в конце X–XI вв. является возведение ими опорных пунктов колонизации — городов. Особенностью этого процесса было то, что поселения эти первоначально были крепостями, в которых проживали дружины.

В начале XI в. при впадении реки Мухавец в Западный Буг возникает крепость – город Берестье. Вольнскими князьями на месте небольших поселений были построены крепости – города: Кобрин и Каменец. Первый в XI–XII вв. при впадении реки Кобринки в реку Мухавец, а второй на берегу реки Лесной в XI в.

Ряд древних городов возникает и по левым притокам Немана. Впервые они упомянуты в Ипатьевской летописи: Гродно под 1128 г., Новогрудок в 1238 г. (под 1235 г.), Волковыск, Здитов в 1250 г. (под 1252 г.), Турейск – в 1252 г. (под 1253 г.) (Ипатьевская, 1908, т. 2, ст. 292, 776, 816, 818). Археологическими раскопками установлено, что эти города возникли ранее, чем известия о них попали в летописи. Гродно – в конце XI в. (Воронин Н. Н., 1954, с. 45), Волковыск и Новогрудок – в конце X в. (Зверуго Я. Г., 1975, с. 18–20; Гуревич Ф. Д., 1981, с. 116; Гуревич Ф. Д., 1982, с. 6), Слоним – в XI в. (Зверуго Я. Г., 1989, с. 73), Здитов – XI в., Турейск – в конце XI – начале XII вв. (Зверуго Я. Г., 1989, с. 74–75) (см. рис. 1.).

Археолог В. В. Седов отождествил древнерусский город Острейо с Остринским городищем вблизи д. Кульбачино (Щучинский район, Гродненская область). Остатками Вевереска В. В. Седов считает городище на окраине д. Костенево (Щучинский район, Гродненская область). Он полагает, что оба городища – крепости являлись наиболее северными опорными пунктами славянской колонизации края, и допускает, что оба городища погибли в результате нашествия татаро – монгольской рати Бурундая в 1258–1259 гг. и после этого жизнь на обоих городищах не возобновлялась (Седов В. В., 1974, с. 27–30).

Раскопками городища на берегу озера Острие в Пековской области выявлены материалы древнерусского и более позднего периодов. В свете этих данных С. А. Пивоварчик считает необходимым отказаться от локализации Остреи в Понеманье. Неправильным считает он и отождествление В. Седовым Вевереска с Костенево. Исследователь высказал мысль о том, что эти городища, скорее всего,

возникли первоначально как опорные пункты славянской колонизации правобережья Немана, а позднее превратились в сторожевые крепости Гродненского или Новогрудского княжества. В XIII в. оба поселения были уничтожены в результате военных столкновений галицко – вольнских и местных князей (Пивоварчик С. Д., 1992, с. 75).

Как отмечала Ф. Д. Гуревич, славяне, основавшие города в Понеманье, “были выходцами не только из южных, северных, но и из западных древнерусских земель, которые перемешались с местным населением” (Гуревич Ф. Д., 1982, с. 8).

Походы славянских князей на земли балтов и возведение ими крепостей – городов заставили балтские племена объединяться, а роль инициатора объединения принадлежала Литве. В это время складывается военная организация для отпора славянской агрессии. А следом за военной организацией начинается и государственная организация. Таким образом, необходимость в ускоренном государственном объединении племен или племенных союзов балтов диктовалась внешними причинами: эти племена оказались в окружении враждебных славянских племен, а затем и немецких феодалов, которые стремились завладеть важной в военно-политическом отношении землей.

В XII–XIII вв. земли Верхнего и Среднего течения Немана и его левого притока Щары с возведенными здесь городами получили название Черной Руси (Гистория, 1972, с. 115). В первой половине XII в. здесь сложилось отдельное Гродненское княжество, позднее – Новогрудское и Волковысское (Гистория, 1972, с. 115).

Земли по среднему течению Западного Буга сложились в Берестейскую землю с главными городами Берестье, Дрогичин, Кобрин, Каменец. В XI–XII

вв. она находилась в сфере влияния киевских и вольнских князей. С конца XI до середины XII вв. Берестейская земля входила в состав Турово – Пинского княжества, зависимого от Киева. На этой земле на протяжении долгого времени (XI–XIII вв.) сталкивались интересы киевских, турово – пинских и галицко – вольнских князей с польскими феодалами, которые пробовали в конце XII – начале XIII вв. захватить Берестейщину. Однако попытки эти были безуспешными и в начале XIII в. Берестейская земля снова стала составной частью Галицко – Вольнского княжества (Гистория, 1972, с. 114–115).

С начала XIII в. между немецкими отрядами и прибалтийскими племенами начинается непрерывная упорная война, а с конца XIII в. – планомерное завоевание Прибалтики немецкими феодалами. Начиная со второй половины XIII в. объединенные силы литовско – ятвяжских дружин и дружин из Гродно, Новогрудка и других городов сдерживали натиск тевтонцев на земли Литвы и Черной Руси (Гистория, 1972, с. 119). Крестоносцы упорно стремились захватить Понеманье. В 1284 г. крестоносцы, под руководством магистра Конрада Тирберга, разграбили Гродно. В последующие годы (1295–1296) они снова нападали на Гродненскую землю. В хронике П. Дусбурга говорится, что в 1306 г. магистр Конрад Зак послал войско, которое “сожгло посад Гродна, захватило огромную добычу и много пленных”. В 1314 г. рыцари прорвались в земли Черной Руси и осадили Новогрудок, но безуспешно. В середине XIV в. агрессия крестоносцев принимает угрожающие размеры. В 1348 г. в пределы Литвы ворвалась сильная армия рыцарей и 2 февраля на реке Стресе (правый приток Немана) состоялась битва. Крестоносцы были вынуж-

лены покинуть пределы Литвы. Упорная борьба против немцев продолжалась и позднее (Гісторыя, 1972, с. 119–121).

В середине XIII в. татаро – монгольские ханы пробовали захватить земли балтов. Зимой 1258 г. многочисленные войска Бурундая совершили тут огромное опустошение. “Того же лета, – говорится в летописи, – взяша татарове всю землю Литовскую, и со многим полоном и богатством идоша в свояси”. Летописи и другие письменные источники содержат известия о походах татар в Литву в 1275, 1279, 1288, 1289, 1315, 1325, 1338 гг. Однако завоевать и подчинить себе эти земли татаро – монголам не удалось (Гісторыя, 1972, с. 121, Ватўа R., 1975, р. 118–219).

С именем князя Миндовга связана борьба за укрепление центральной власти и концентрация её в одних руках. Происходит процесс формирования раннефеодального Литовского государства. В результате этой борьбы Миндовгу удалось заложить основы единого государства.

Начиная с первой четверти XIII в. литовские князья предпринимают настойчивые попытки расширить территорию княжества. Первой в подчинении литовских князей оказалась Черная Русь. Это произошло, скорее всего, еще до татарского нашествия в результате договора, заключенного литовскими князьями с галицко – вольнскими в 1219 г. против Польши. Возможно, что в 1238 г. в Ипатьевской летописи вместе с Миндовгом упоминаемый князь Изяслав был его союзником или вассалом. Достоверно известно, что с 40-х годов XIII в. всё Принеманье с городами Гродно, Слонимом, Волковыском, Новогрудком, а также территория, расположенная на юг со Здитовым, находились под властью Миндовга. В середине – второй половине XIII в. галицко –

вольнские князья пробовали вновь захватить эти земли, но безуспешно (Гісторыя, 1972, с. 125–126). Согласно договору, который заключил Миндовг с Вольнью в середине 50-х годов XIII в. Черная Русь оставалась за Литвой, в ней правил сначала Роман Данилович, подчинившийся Миндовгу, затем сын Миндовга – Войшелк. Этот договор был подкреплён браком вольнского князя Шварна Даниловича с дочерью Миндовга (История, 1978, с. 34, Насевіч В. Л., 1993, с. 43, 46).

Стремление Миндовга и последующих князей объединить земли балтов в единое государство диктовалось не только и не столько внутренними, но прежде всего внешними причинами. А чтобы молодое государство было жизнеспособным, необходимы были территория и силы для отпора агрессорам.

В 1251 г. Миндовг принял католическую веру, а в 1253 г. получил от папы королевский венец (История, 1978, с. 34).

С середины XIII в. в сферу политического влияния Литвы все более подпадала Полоцкая земля, которая разделилась на мелкие княжества. С конца 50-х годов XIII в. до 1263 г. в Полоцке, по приглашению веча, княжил племянник Миндовга Товтивил (Гісторыя, 1972, с. 126). Полоцкое боярство, ослабившее власть местной княжеской династии, не смогло создать прочную государственную организацию. Оно боялось активности горожан и агрессии крестоносцев, и потому пошло на компромисс с литовскими князьями, пригласив их в город. В 1307 г. литовский князь Витень, к которому обратились полочане с просьбой помочь им очистить их землю от немцев, согласился на включение Полоцкой земли в Великое Княжество Литовское (далее – ВКЛ). Вхождение Полоцкой и Витебской земель в состав ВКЛ

происходило на добровольной–договорной основе. Великие князья литовские, как свидетельствуют земские привилеи, утвердили автономный статус этих земель в составе ВКЛ. Черты этой автономии проявлялись, во–первых, в праве полочан и витеблян высказывать свое мнение при назначении наместников и воевод в своих землях и которое обязательно должен был учитывать великий князь Литовский. Во–вторых, автономность земель предусматривала ограничение судебной власти наместников и воевод. В–третьих, функционирование полоцкого и витебского веча, на которых решались многие вопросы местного самоуправления. Монопольное право полоцкого и витебского боярства на все должности местного управления также было фактором автономного статуса этих земель в составе ВКЛ (Нарысы, 1994, с. 115–116). Таким образом, согласно договору великие князья в полоцких и витебских землях обязаны были придерживаться принципа: “старинны не рушить, новины – не вводить”.

Неизвестны обстоятельства включения Менского княжества в состав ВКЛ. В 1326 г. среди литовских послов в Новгороде Великом находился “Василь менски князь”, который был вассалом Гедимина. Однако известия о Менске исчезают в конце XII в., что дает повод некоторым исследователям предполагать, что уже тогда Менское княжество вошло в состав ВКЛ.

После разгрома Киева татаро – монголами турово – пинские князья начали искать поддержки и помощи в их борьбе против галицко – вольнских князей у литовского князя Миндовга. В первой половине XIV в., во времена Гедимина, в Туровской земле окончательно установилась власть литовских князей. Гедимин отдал её во владение сыну Наримунту.

В 1341 г. литовские князья расширили свою власть и на Подляшье (Берестейскую землю), а также Вольнь (Пашуго В. Т., 1959, с.391).

Таким образом, во время правления Гедимина (1316–1341 гг.) литовские князья распространили свою власть на всей территории между Западной Двиной, Припятью и Днепром, т.е. на исконных землях балтов.

В середине XIV в. территория ВКЛ на севере граничила с владениями Ливонского ордена, на северо – востоке – с Пековской и Новгородской землями, на востоке – с землей Смоленской, на юго – востоке с Чернигово-Северской и Киевской землями, на западе – по Бугу и до Гродно на Немане – с Польшей. От Гродно до Клайпеды проходила граница между литовскими поселениями и владениями Тевтонского ордена (Насевіч В. Л., 1993, с.100, карта 4).

Защитив свою землю от татарских нашествий (1275, 1279, 1282, 1289, 1315, 1325, 1338 гг.) войска ВКЛ наносят во второй половине XIV в. мощные удары ордынцам, освобождают от татаро – монгольского нашествия некоторые славянские земли. В битве 1362 г. на реке Синие Воды, левом притоке Южного Буга, войска великого князя Ольгерда разбили татарских князей Кутлубуга и Хачебоя, в результате чего Киевщина и Подолье освободились от татар и были присоединены к ВКЛ (Нарысы, 1994, с. 117).

Таким образом, новое государство с самого начала и далее объединяло в одно целое литовскую землю и земли племен, которые оказались под властью Руси, а также земли славян. Еще во времена Гедимина столицей государства становится Вильнюс. Место было выбрано очень удачное: здесь проходил торговый путь с юга в Балтийское море. Кроме того, река Вилия (Нярис)

соединяла восточные земли с западной частью Литовского государства. Город, построенный на стыке двух дорог, становился мощным экономическим и политическим центром государства.

В конце XIV в. сложились условия, которые подготовили почву для политического объединения (унии) Польши и ВКЛ. Этим государствам угрожал Тевтонский орден. Литовские князья рассчитывали при помощи унии с Польшей укрепить своё положение и ослабить влияние Московской державы. В 1385 г. в Криве были выработаны условия государственно – правового объединения Литвы и Польши. Кроме того, Ягайла с подданными обязывался в скором времени принять католическую веру. Крещение Литвы состоялось в 1387 г. В это время Ягайла основал первых 7 приходских костелов, в том числе 3 на территории Беларуси: в Криве, Гайне и Обольцах.

В 1390 г. были основаны костелы в Минске и в Бресте. В 1409 г. католической церкви передан Бездеж. В 1406 г. строится костел в Брацлаве, в 1424 г. – в Опшьянах, в 1452 г. – в Свири, в 1481 г. – в Видзах, около 1490 г. в д. Гожа (Гродненский район). В 1494 г. бернардины, а в 1495 г. виленский епископ получили земельные владения в Гродно (Гісторыя, 1972, с. 164).

Принятие христианской религии в католической ветви и отказ от язычества, явилось действительным переходом в новую веру верхов общества и части городского языческого населения. Следует помнить, что часть городского населения могла исповедовать христианство в православной его ветви. Сельские жители, а также возможно какая – то часть городского населения, как и ранее, поклонялись своим древним богам и придерживались обычаев дедов, это значит оставались язычниками.

В 1392 г. в Острове был заключен новый договор, который существенно

отличался от Кривского: фактически признавая Витовта Великим князем Литовским Островское соглашение гарантировало Великому князю Литовскому автономный государственный режим в союзе с Польшей и под верховной властью польского короля.

Укрепив своё положение в ВКЛ, Витовт добивался укрепления позиций центральной власти в белорусских и украинских землях. Сначала он ликвидировал крупные княжества. Вместо князей в эти земли начали назначаться представители великокняжеской власти. Но это еще не была полная централизация государства, потому что отдельные земли добились права на получение областных привилегий. Были сохранены и некоторые удельные княжества. В конце XIV – начале XV вв. в ВКЛ еще не созрели социально – экономические и политические условия для полной ликвидации феодальной раздробленности, для сильного объединенного государства. Однако укрепить его могущество, положение литовских феодалов в белорусских землях, возвысить великокняжескую власть Витовту удалось (Гісторыя, 1972, с. 165). В XV в. в составе ВКЛ были еще удельные княжества (напр. Мстиславское, Копыльское, Слуцкое, Пинское, Клецкое, Кобринское, Давид – Городокское и другие), которые имели автономию (Гісторыя, 1972, с. 171).

15 июля 1410 г. состоялась Грюнвальдская битва, в которой крестоносцы были разбиты наголову. После заключения Мелнского мира с крестоносцами (1422 г.) Витовт, сторонник независимости ВКЛ, стремился порвать вассальные отношения с польским королем; начинается борьба за разрыв с Польшей и стремление к полной самостоятельности ВКЛ (Гісторыя, 1972, с. 166).

Стремясь к укреплению и сохранению ВКЛ как государства нацио-

нального, балтского, Владислав – Ягайла 20 февраля 1387 г. издал грамоту, согласно которой феодальная знать католического вероисповедания в большинстве своём литовского (балтского) происхождения, получила неограниченное право владения и распоряжения своими вотчинами, высвобождалась от выполнения ряда государственных повинностей. Этой же грамотой браки между католиками и православными запрещались. Православные феодалы, на которых дарованные права не распространялись, усмотрели в этом дискриминацию в отношении себя, что породило среди них сепаратистские “антилитовские” настроения, приведшие в 30-х годах XV в. к гражданской войне в ВКЛ. Было забыто, как в XIV в., при добровольном вхождении в состав ВКЛ, они оговорили для себя право на автономный статус в рамках ВКЛ, дававший им право, с одной стороны на самостоятельность, а с другой – гарантию защиты со стороны ВКЛ в случае внешней опасности.

Желая “земли Литовские и Русские привести в порядок и дела их довести до наилучшего положения” великий князь литовский Сигизмунд в 1434 г. издал привилей, которым “русским” князьям и боярам были дарованы права свободного распоряжения наследственными имениями по примеру “других мест христианских”; право получения по наследству земельных владений женами и детьми. Привилей освобождал княжеских и боярских подданных от отдельных государственных податей и повинностей, позволял иметь в употреблении православной шляхте, наравне с феодалами – католиками, гербы и знаки шляхетства (Нарысы, 1994, с. 125–126). Но вопрос об участии православных феодалов в управлении ВКЛ этой грамотой не решался. Пункт 9-й Городельского

постановления, согласно которому православные феодалы не имели права занимать высшие государственные должности, т.е. участвовать в управлении государством, не был отменен и оставался в силе. Это дало новый толчок развитию сепаратистских настроений среди православных феодалов ВКЛ и ориентировке их на Московское княжество, с которым их к тому же роднила общность веры. В 80–90-е гг. XV в. часты случаи перехода православных феодалов “русских” земель на сторону Москвы. Например, в период с 1487 по 1493 гг. на “службу в Москву” вышли князья Воротыньские, Белевские, Мерецкие, Вяземские. Но уходили они не с пустыми руками, а вместе со своими уделами, которые с помощью русского войска присоединялись к Московскому государству (Нарысы, 1994, с. 127). Фактически в эти годы шла неофициальная война между ВКЛ и Москвой.

Тем не менее, начиная с середины XV в., стали более заметными тенденции к централизации верховной власти и единого законодательства в ВКЛ, а в начале XVI в. закончился процесс централизации государственной власти в ВКЛ. Почти все удельные княжества были ликвидированы, а те, которые остались – Слуцкое, Пинское, Мстиславское, Кобринское, Копыльское – превратились в большие феодальные вотчины, из которых Пинское и Мстиславское чуть позднее отошли к государству. И всё же власть великого князя была слабой. Магнаты, как и ранее, имели большие владения. Княжеские имения были свободны от разных натуральных повинностей, кроме замковой, дорожной, мостовой, а изредка, и подводной (Гісторыя, 1972, с. 192).

В начале XVI в. внешнеполитическое положение ВКЛ становится более сложным. На восточной его границе

крепло Московское государство, которое стремилось расширить свою территорию за счёт ВКЛ. На юге и юго – востоке нависали полчища крымского хана. С новой силой поднимается соперничество между ВКЛ и Московским государством, начинается полоса войн между ними (Гісторыя, 1972, с. 227).

На протяжении 1558–1583 гг. продолжалась Ливонская война между ВКЛ и Московским государством за выход последнего к Балтийскому морю. Сложилась очень сложная ситуация, и 1 июля 1569 г. в Люблине был подписан акт унии, в результате чего ВКЛ и Польша объединились с одно государство – Речь Посполитую или Республику обоих народов. Однако, несмотря на унию, оба государства сохранили свои названия, законы, органы власти, военные силы и до конца 1697 г. разный государственный язык. Кроме того, деньги в Короне и в ВКЛ были разделены до 1666 г. В результате унии Беларусь осталась в границах ВКЛ, а Украина отошла к Польше. Уния 1569 г. открыла широкую дорогу для польского влияния. Польское культурное влияние оторвало от народа его аристократию, которая ополчившись стала чужой для своего народа как культурная сила (Ігнатоўскі У. М., 1991, с. 115).

Во второй половине XVI в. из Западной Европы были приглашены иезуиты для борьбы против реформационного движения. Благодаря деятельности иезуитов начинается распространение христианства (католической его ветви) и среди языческого сельского населения Польши и ВКЛ.

В октябре 1596 г. в Бересте был созван собор. Сигизмунд III издал универсал, согласно которому православная церковь в Речи Посполитой провозглашалась объединенной с католической. А чтобы закрепить этот

акт светской власти, Римский папа Климент VIII издал буллу об унии. Пожертвования магнатов и шляхты, прямая поддержка правительства позволили католической и униатской церквям сравнительно быстро утвердиться во всех городах территории Беларуси (в отличие от предыдущего времени). В Гродно, Пинске, Бресте, Новогрудке, Полоцке, Витебске, Минске и их околицах в начале XVII в. развернулось строительство церквей униатов и, особенно, монастырей католических орденов бернардинов, францисканцев, бенедиктинцев, кармелитов, доминиканцев и др. (Гісторыя, 1972, с. 233–234). Начинается более глубокое восприятие идей христианства населением и его просвещение.

Так вкратце выглядит историческая эпоха (XI–XVII вв.), когда на рассматриваемой территории в результате эволюции каменных курганов и по другим причинам появляются и получают распространение грунтовые погребальные памятники – каменные могилы.

Политическая история Среднего Побужья и Верхнего Понеманья, начиная со второй половины X в., была насыщена событиями: здесь столкнулись интересы разных этносов. С одной стороны, восточные славяне под главенством киевских, а позднее галицко – вольнских князей начали захват Среднего Побужья и Верхнего Понеманья, принадлежащих балтским племенам ятвягов и Литве. С другой стороны, и западные славяне, под главенством польских князей, также стремились к захвату этих же земель. Началась полоса войн между славянскими и балтскими – литовско – ятвяжскими племенами. Пройдет немного времени и восточные и западные славяне начнут воевать, уже между собой, за господство над этими землями. Позднее в эту войну (и все

с теми же целями) включатся крестоносцы. И война приобретет двойной характер: с одной стороны – славяне и крестоносцы против ятвягов, с другой – славяне и крестоносцы между собой.

Если обратиться к карте (см. рис. 1), то можно увидеть, что на территории, где зафиксированы каменные могильники, погребальные сооружения различных типов, которые датируются XI в. и более поздним временем, располагаются следующим образом.

На территории сегодняшней Витебской области (Лепельский, Ушачский, Докшицкий, Миорский, Чашникский, Глубокский районы) каменные могильники в “чистом” виде, за очень редким исключением, не встречаются: они располагаются по – соседству с земляными курганами кривичей, образуя единые могильники. Некоторые курганы в основании обложены камнями (напр. д. Волча, Перевоз, Спигальщина и др.); погребальный обряд и инвентарь их тождественны зафиксированным в каменных могилах.

В Брестском, Ляховичском, Кобринском, Каменецком (Среднее Побужье) и Ивацевичском районах Брестской области выявлены курганы, обложенные камнями, и каменные могилы, часто в пределах одного могильника. Погребальные сооружения других типов представлены на этой территории незначительно. Курганы с каменными конструкциями в Среднем Побужье В. В. Седов относил к древностям ятвягов и славянизированных ятвягов (Седов В. В., 1964, с. 36–51), Т. Н. Коробушкина считает их дреговичскими (Коробушкина Т. Н., 1993, с. 93–107).

На территории Верхнего Понеманья захоронения различных типов в пределах одного могильника встречены только около городов. Причем, как показали исследования, на раннем этапе жизни городов умерших часто

хоронили непосредственно на площадке городищ. Например, на Шведской горе (детинец) и на территории окольного города (Замчище) в Волковыске были выявлены грунтовые захоронения. Все они – безинвентарные. Я. Г. Зверуго полагает, что захоронение умерших в пределах городских укреплений было связано с продолжительными осадами города (Зверуго Я. Г., 1989, с. 110). Аналогичную картину наблюдали исследователи в Гродно (Ворошич Н. Н., 1954, с. 54). В Новогрудке во второй половине XI в. умерших хоронили непосредственно на территории окольного города. Здесь изучены 103 погребения (Павлова К. В., 1967, с. 39). Кроме того, в околицах Новогрудка были изучены курганные могильники, материалы которых позволили исследователям сделать выводы о разнообразном составе его населения. Здесь были похоронены балты, выходцы из южно – русских областей и западные славяне. В целом, на территории Среднего Побужья и Верхнего Понеманья славянские погребальные сооружения представлены очень незначительно. Здесь более известны балтские древности. Это каменные курганы и, особенно, каменные могилы, а также восточно-литовские курганы.

Археологические исследования каменных курганов и каменных могил, впервые проведенные в конце XIX в. В. А. Шукевичем и другими, с одной стороны, обратили внимание ученых на эти древности, а с другой – породили жаркие споры и противоречивость мнений по вопросам датировок, этнической принадлежности населения, которое их оставило. Все эти дискуссии были порождены следующими обстоятельствами. Выявленные материалы никак не вписывались в круг славянских древностей, а научный анализ логично подводил исследова-

телей к выводу о их неславянской природе, следовательно, и население их оставившее, и территория – не славянские. Значит и права славян на эти земли, как на “искони” славянские, повисали в воздухе. Именно поэтому на протяжении долгого времени балтская тематика в Беларуси не разрабатывалась, её старательно обходили исследователи, а если и затрагивали, то только как что – то давно прошедшее и не существенное; уммышленно создавались и создаются многочисленные искусственные преграды в проведении исследований и пуганица в разработках по истории территории Беларуси. Но историю исказить или переписать невозможно, как невозможно и скрыть её. Несчастливое стечение обстоятельств может приостановить процесс поиска правды. Однако это уже только вопрос времени.

В предлагаемой вниманию читателей работе автор не ставил перед собой задачу написать полную историю населения, которое покинуло каменные могильники – это дело недалекого будущего. А эта работа, кстати сказать, первая в белорусской исторической науке по этой тематике, посвящена изучению и осмыслению материалов, которые были выявлены во время археологических раскопок каменных могильников в контексте истории. Впервые проведено картографирование каменных могил и определены границы их распространения в пределах территории Беларуси. На основании полученных данных выполнена классификация погребального обряда в период от конца XI до XVII вв.; определены причины, которые обусловили его изменение в пространстве и во времени, показан уровень и особенности мировоззрения рассматриваемого населения. Погребальный инвентарь позволил определить уровень развития мате-

риальной культуры населения, которое оставило каменные могильники и его экономические, культурные связи с другими народами. Рассмотрен и вопрос об этнической принадлежности населения, погребенного в каменных могилах.

В работе использованы этнографические и фольклорные материалы, как известные по литературе, так и собранные автором во время исследований путем опроса местного населения в Верхнем Понеманье и в Среднем Побужье. Эти материалы, во – первых, объясняют многие особенности погребального обряда, зафиксированного в каменных могильниках. Во – вторых, показывают, что несмотря на введение христианства, до сегодняшнего времени сохраняется дохристианская духовная культура – язычество. В – третьих, сохранение традиционной духовной культуры может свидетельствовать о том, что на рассматриваемых территориях не происходило смены или значительных притоков иноэтнического населения как в древности, так и позднее. В противном случае древняя культура не сохранилась бы в таком объеме и виде.

Рукопись книги оформлена в отделе специальных исторических наук Института истории Национальной Академии наук Беларуси. Иллюстрации выполнили художницы Н. В. Молчанова и Г. Д. Молоткова. К печати книга подготовлена в отделе археологии Института истории Литвы.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в подготовке рукописи к изданию доктору гуманитарных наук Г. Забеле, габилитированному доктору гуманитарных наук В. Урбанавичусу, доктору исторических наук, профессору Г. В. Штыхову; доктору исторических наук, профессору Я. Г. Риеру, а также всем, кто помогал советами и консультациями.

Г Л А В А I

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ. МЕТОДИКА РАСКОПОК

История исследований каменных могильников территории Беларуси

Изучение каменных могильников территории Беларуси началось в конце XIX в. благодаря раскопочным работам В. А. Шукевича. В 1883 г. на могильнике около д. Пузели В. А. Шукевич вскрыл одно погребение (Szukiewicz W., 1889, s. 33). В следующем, 1884 г., он изучил здесь 14 могил (Дело 13а/1888). В 1885 г. вскрыто погребение №15. В этом же году на вспаханной части поля В. А. Шукевич заложил несколько траншей и вскрыл могилы №16, 17, 18 и 22¹. В 1886 г. З. Глогер раскопал могилу №19, а в 1888 г. магистр русской словесности, приват-доцент Петербургского университета Э. А. Вольтер исследовал погребения № 20, 21, 23–27 (Дело 13а/1888, л. 19, 49 и об., 50). Результаты исследований этого могильника частично отражены В. А. Шукевичем в публикации (Szukiewicz W., 1885, s. 143–144).

С 1885 по 1895 гг. (с перерывами) В. А. Шукевич исследовал каменный могильник около д. Дворчаны (ур. Карначиха). На протяжении 1885–1887, 1889, 1891, 1894 гг. (Дело 13а/1888, д. 103/1890, д. 90/1894) исследователь

вскрыл здесь 14 погребений². В 1895 г. на вспаханной части поля В. А. Шукевич заложил 4 траншеи и вскрыл еще 8 погребений. (Дело 68/1895). В отчете он отмечал, что десять погребений на этом могильнике вскрыты Э. А. Вольтером (Дело 68/1895, л. 70–71).

В 1889 г. Э. А. Вольтер выявил каменный могильник около д. Вензовщина (ур. Гончариха). В июле этого же года он провел здесь исследования, вскрыл 19 погребений (Дело 43/1889).

На протяжении нескольких лет – 1889 (Дело 103/1890), 1890, 1892 гг. (Дело 63/1892) на этом же могильнике проводил раскопки и В. А. Шукевич. Он вскрыл здесь 27 погребений³. Итоги исследований этого памятника частично отражены в публикации (Szukiewicz W., 1899, s. 32–38).

В 1887 г. В. А. Шукевич вскрыл 3 погребения на каменном могильнике около д. Опановцы (сейчас Апоповцы) (Дело 13а/1888, л. 51). В 1891 г. он продолжил исследования памятника и

² Часть предметов погребального инвентаря из могильника хранится в фондах Государственного Исторического Музея (далее – ГИМ) в Москве.

³ Часть предметов погребального инвентаря, а также женский череп хранятся в НМЛ; 5 черепов из этого памятника хранятся в Музее антропологии при Московском Государственном университете имени М. В. Ломоносова в Москве.

¹ Часть предметов погребального инвентаря из указанного могильника (раскопки В. А. Шукевича) хранится в фондах Национального музея Литвы (далее – НМЛ) в Вильнюсе.

раскопал 14 могил (Дело 103/1890). В 1888 г. Э. А. Вольтер вскрыл здесь 30 погребений (Раскопки, 1888–1892), а в 1889 г. раскопал еще 21 могилу (Дело 87, л. 14).

В октябре 1888 г. В. А. Шукевич раскопал 7 погребений на могильнике около д. Шилайчяй (Литва). Исследователь отмечал, что камни с могильника были свезены, площадка распашана (Дело 13а/1888, л. 51).

В 1891 г. небольшие раскопки каменных могильников были проведены В. А. Шукевичем в следующих пунктах: около д. Сырни (ур. Баранишки) – 4 могилы (Дело 103/1890, л. 43а), около д. Воробьи (ур. Чернишки) – 6 могил, около д. Первомайская (ур. Дунич – Могилыцы) – 8 могил (Дело 103/1890, л. 40).

В 1911 г. В. А. Шукевич вскрыл 6 погребений на каменном могильнике около д. Путилковичи (Szukiewicz W., 1912, s. 221–222).

По результатам исследований каменных могильников В. А. Шукевич опубликовал несколько обобщающих статей. В публикациях, которые вышли в 1893, 1898–1899 годах (Реферат, 1893, с. 96–100; Szukiewicz W., 1898, s. 214–227; Szukiewicz W., 1899, s. 32–38) дана предварительная общая характеристика каменных могильников. Исходя из формы каменных кладок над погребениями, исследователь разделил могильники на два типа. К первому типу он относил могилы, которые имели куполообразную форму кладки, ко второму – могилы с каменной кладкой вытянутой формы и одним или двумя большими камнями, которые стояли в изголовье и в ногах погребения. В. А. Шукевич указывал, что первый тип могил более ранний, а второй – более поздний. Однако и первые, и вторые имеют много общего между собой. Он отмечал, что каменные могилы встречаются группами –

по несколько десятков в одном могильнике. Такие памятники всегда располагаются на возвышенностях с сухим песчаным грунтом. Достаточно подробно описал В. А. Шукевич погребальный обряд и инвентарь изученных им могил, особенно подчеркивал наличие в заполнении погребений угольных прослоек. Исследователь сделал попытку очертить ареал распространения каменных могильников. Он отмечал, что в древней земле ятвягов встречены погребения, похожие на те, которые есть в Понеманье. Однако способ сооружения первых могил (напр. камни в заполнении захоронений) отличают их от других, но между ними много общих черт. В связи с этим наблюдением В. А. Шукевич высказал предположение о том, что между народами, которые оставили каменные могильники над Бугом и над Котрой, могла существовать этническая связь, либо территории двух народов непосредственно соприкасались. Как отмечал ученый, недостаточная изученность памятников не позволила разрешить этот вопрос положительно.

Изучение конструктивных особенностей, погребального обряда и инвентаря каменных могил позволило ученому датировать их XI–XVI вв. При этом В. А. Шукевич высказал мысль о том, что обычай оставлять горшки на могилах и обкладывать насыпи камнями дошли в этом крае (Понеманье – А. К.), вероятно, до XVII в.

Затронул В. А. Шукевич и проблему этнической принадлежности населения, которое оставило каменные могильники. Он подчеркивал, что эти памятники не содержали в себе курганов с трупосождениями, а только курганы и могилы с трупоположениями. Исследователь сделал вывод о балтской принадлежности населения, которое

оставило каменные могильники (Szukiewicz W., 1899, s. 32–38).

В публикациях за 1906 (Szukiewicz W., 1906, s. 81–89), 1907 (Szukiewicz W., 1907) и особенно за 1918 г. (Szukiewicz W., 1918, s. 5–18) В. А. Шукевич дополнил и уточнил сведения о каменных могильниках. Он более правильно очертил ареал распространения этих памятников и отметил, что они занимают огромные пространства южной Литвы, встречаются на север от Вильнюса; на востоке выходят за пределы Березины Днепропровской; на западе распространяются в пределы Польши. Исходя из конструктивных особенностей – каменных кладок, В. А. Шукевич разделил каменные могильники на три типа, которые отличались между собой и хронологически: I) куполообразные, круглые, низкие курганы; II) овальные, с большими плоскими камнями в изголовье и в ногах; III) наиболее поздние с каменными крестами в изголовье. Исследователь отмечал, что эти последние встречены им в Борисовском повете, а на территории Седлецкой губернии изучались Т. Луневским в пунктах Лужки, Городок, Чекапов.

К сожалению, почти не имеется информации о раскопках каменных могильников Э. А. Вольтером (как исключение, отчет о раскопках у д. Вензовщина, ур. Гончариха) (Дело 43/1889). Кроме вышеупомянутых свидетельств, которые имеются в отчетах В. А. Шукевича о работах этого исследователя по изучению каменных могильников, мы имеем очень скудные данные из периодики.

В “Виленском Вестнике” за 1888 г. (№ 204) сообщается, что Э. А. Вольтер при поддержке В. А. Шукевича и Начского ксендза Соколовского раскопал 8 могил в Пузелях, 6 – в Соболюнцах, 6 – в Церемце, 32 – в

Опановцах, 8 – в Дворчанах. Перечисляются каменные могильники, которые Э. А. Вольтер выявил, но не исследовал в пределах Конявской и Эйшишской волостей (Литва).

В “Правительственном Вестнике” за 1889 г. (№ 185) сообщается о раскопках Э. А. Вольтера на каменном могильнике у д. Опановцы (вскрыто 21 погребение), а также об исследованиях древних могильников в Вензовщине (ур. Гончариха), Угольниках, Декияниках, Воробьях – Новинах.

В “Виленском Вестнике” за 1889 г. (№ 168) содержится сообщение о раскопках, начатых Э. А. Вольтером на каменных могильниках у д. Слободка (Аловский могильник) и у д. Опановцы.

В “Виленском Вестнике” за 1890 г. (№ 20) содержатся сведения о раскопках В. А. Шукевича и Э. А. Вольтера в Пузелях, Опановцах, Вензовщине (ур. Гончариха), Мядининках и Алове. В следующем номере “Виленского Вестника” (№ 21) сообщается о раскопках Э. А. Вольтера на каменном могильнике у д. Церемец. Кроме того, в заметке есть сведения обобщающего характера. Дан анализ форм каменных кладок над погребениями, которые были зафиксированы на могильниках Лидского уезда и их сравнение с каменными кладками могил Гродненской губернии (Слонимский и Бельский уезды). Подчеркиваются особенности форм каменных кладок над погребениями на могильниках Тракайского уезда (Алове и другие). Коротко отмечено, что краниологический материал из каменного могильника Алове отличается от Опановского и Пузельского, перечислены некоторые предметы погребального инвентаря, которые наиболее часто встречаются в мужских и женских погребениях.

Итоги раскопок каменных могильников, проведенных В. А. Шукевичем и Э. А. Вольтером, обобщил А. А. Спицын (Раскопки, 1888–1892). В отчете содержатся названия пунктов, где были проведены исследования, изредка указывается глубина могил и пол умерших. А в основном – это перечисление предметов погребального инвентаря, найденного в могилах.

В публикациях, посвященных каменным могильникам, исследованным В. А. Шукевичем, А. А. Спицын перечислил памятники, которые тот исследовал, по отчетам дал краткую характеристику внешнего облика могил, погребального обряда и инвентаря изученных погребений.

А. А. Спицын сообщал, что “в северных уездах: Бобруйском, Игуменском и Борисовском известны и частично исследованы жальничные погребения. Их встречал В. Завитневич, который в Вирковской группе курганов раскопал одно такое погребение. Могила была обложена сверху камнями; в яме глубиной 1,06–1,07 м лежал скелет головой на запад, без инвентаря. Г. Саночко нашел жальничные погребения в большой группе курганов между деревнями Смоляры и Метижем (Борисовский район). В раскопанном им погребении был скелет, на черепе которого лежал рядок тонких золотых тисненых бляшек, которые приблизительно можно датировать XIII–XIV вв. По сведениям графа Тышкевича, жальничные могилы обложены сверху камнями в виде овала, самый большой камень помещался в изголовье” (Спицын А. А., 1899, с. 292).

В 1892 г. во время земляных работ в северной части замка князя Сапег в местечке Гольшаны (Ошмянский район, Гродненская область) был открыт древний могильник. Г. Савицкий, который наблюдал за рабо-

тами, раскопал площадь 2,8x2,1 м. В песке, перемешанном с камнями, он выявил 3 погребения, при которых нашел медные браслеты, перстни и ключи. Ключи найдены по два в обоих случаях в руке. Скелеты лежали головой на юг и запад, положение рук разное. Все найденные предметы аналогичны найденным в каменных могилах Лидского уезда и датируются XIV в. (медные браслеты, медные ключи, медный детский браслет, медная спираль, спиральные кольца) (Каталог, 1893, с. 18–19).

В 1913–1914 гг. П. С. Рыков исследовал могильник, который включал курганы (в основании обложенные валунами) и каменные могилы около местечка Маркененты (Ошмянский район Гродненская область). Могильник располагался на левом берегу реки Клевы. В северной части располагались курганы, которые постепенно понижались в направлении на юг, где исследователь уже отмечал ровную площадку, покрытую камнями и дерном. Здесь П. С. Рыков вскрыл несколько погребений. На глубине примерно 0,2 м под камнями и около них найдено много черепков глиняной посуды разной формы, толщины и орнамента, вместе с которыми находились сожженные кости, пепел, угли и разные железные и бронзовые предметы. В одном из погребений найдены удила и бронзовые бляшки от упряжи. Среди фрагментов лепного горшка были мелкие остатки костей, топор, 2 ножа, кресало с кремнем и шпоры.

Исследователь полагал, что датировка этих погребений более поздняя, чем большинства курганов, которые он датировал VIII–X вв. (Рыков П. С., 1914, с. 14–17).

В заключении рассмотрения исследований, проведенных в конце XIX –

первом десятилетии XX вв., считаем необходимым остановиться на методике раскопок того времени.

Во время исследований каменных могильников В. А. Шукевич сделал вывод о наличии двух типов погребений: каменных курганов и каменных могил. Однако последовательного размежевания выделенных типов погребений не провел. Так, в отчете о раскопках каменного могильника в Пузелях В. А. Шукевич сообщал: “На площади в 75 кв. саженой было около 30 могил, обложенных овально и накрытых камнями, которые имели по одному стоящему камню в изголовье умерших” (Дело 13а/1888, л. 49). В то же время в публикации, посвященной раскопкам этого могильника, исследователь отмечал, что “раскопали 7 курганов”, а далее, при характеристике вскрытых погребений, называл их могилами (Szukiewicz W., 1885, s. 143–144).

А. А. Спицын в отчете писал: “В могильниках Копявском и Пузельском найдены В. А. Шукевичем литовские монеты времен Витовта, которые служат доказательством тому, что эти курганы относятся к XIV в.” (Дело 87, л. 2). В отчете о раскопках каменного могильника в Вензовщине (ур. Гончариха) В. А. Шукевич отмечал, что “внешне могилы отличаются от таких же могил на других могильниках тем, что обложены камнями не в форме овала, а куполообразно, и есть при них большие камни, стоящие в изголовье” (Дело 103/1890, л. 3). Но в публикации вскрытые погребения исследователь назвал курганами (Szukiewicz W., 1899, s. 32–38). Также сложилась ситуация и с могильником у д. Дворчаны (ур. Карначиха). В отчете В. А. Шукевич при описании внешнего вида могил сообщал: “Могилы сверху обозначены камнями,

положенными в курганы круглой и овальной формы, которые возвышались над дневной поверхностью на 0,35–0,7 м. Часто с одной стороны могилы, особенно с западной торчит в земле большой валун, подобранный плоский или даже специально обработанный” (Дело 90/1894, л. 69–70).

А. А. Спицын, который обобщил В. А. Шукевичем исследованные каменные могильники, отмечал, что “по общему описанию их главного исследователя В. А. Шукевича, могилы имеют вид невысоких курганов, неаккуратно сложенных из камней” (Спицын А. А., 1925, с. 158–159).

Недостаточная документированность исследованных каменных могильников, а в большинстве случаев ее полное отсутствие⁴, не позволяют сделать размежевание вскрытых погребений на каменные курганы и каменные могилы. Исходя из сведений о размерах и формах каменных кладок над погребениями, которые имеются в отчете Э. А. Вольтера о раскопках у д. Вензовщина (ур. Гончариха) (Дело 43/1889), можно было бы допустить, что среди исследованных каменных могил находились и каменные курганы. Такое же допущение можно было сделать и в отношении каменного могильника у д. Дворчаны (ур. Карначиха), исследованного В. А. Шукевичем. С другой стороны нельзя не учитывать и такой вывод А. А. Спицына о внешнем облике каменных могил – “могилы имеют вид невысоких курганов”.

В отчетах В. А. Шукевич и Э. А. Вольтер описывали только те могилы, которые заключали погребальный

⁴ Документация, которая включает план и зарисовки положения скелетов, имеется только по могильнику у д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича), есть также общий план вскрытых погребений на могильнике у д. Пузели.

инвентарь. Известия о безинвентарных погребениях отсутствуют. Так, при описании вскрытых погребений у д. Вензовщина (ур. Гончариха) В. А. Шукевич отмечал: “могилы 5, 6, 7, 8 заключали только скелеты” (Дело 103/1890, л. 2).

Большая часть погребального инвентаря из каменных могил, которая оставалась в личной коллекции В. А. Шукевича, утрачена. Те предметы погребального инвентаря, которые попали в фонды музеев – депортированы и сегодня, при изучении древностей из каменных могильников, могут быть использованы в качестве статистического материала.

До начала 80-х гг. XX столетия планомерные исследования каменных могильников не проводились. Разными исследователями были вскрыты единичные погребения.

В 1931 г. комплексная экспедиция Белорусской Академии Наук в составе А. Н. Лявданского, С. А. Дубинского, А. Д. Ковалени, В. Дружница, М. Конвисарова провела археологические исследования в нескольких пунктах. У д. Августово на могильнике смешанного характера, который включал курганы и каменные могилы, вскрыта одна могила. Погребение оказалось безинвентарным (Лявданскі А., 1932, с. 234).

На север от д. Путиловичи на могильнике из 57 обложенных камнями могил экспедиция вскрыла одно погребение. В могиле лежал женский скелет головой на запад. Вокруг скелета прослежены остатки дерева от гроба или деревянных обставок. На черепе находились остатки шелковой ткани от головного убора с нашитыми позолоченными бляшками. Исследователи датировали погребение концом XII–XIV вв. (Лявданскі А., 1932, с. 234).

Около д. Ствольно среди курганов экспедиция насчитала несколько ка-

менных могил. Изучено одно погребение. Найден скелет головой на запад (Лявданскі А., 1932, с. 234).

У д. Жуковец выявлен каменный могильник из 37 низких небольших курганов. Экспедиция исследовала три. В грунтовых ямах найдены скелеты, обложенные плахами и досками, головами на запад. На черепе одного (женского) скелета найдены остатки головного убора, украшенного бронзовыми позолоченными бляшками. В насыпи погребения находилась керамика. Исследователи подчеркивали “близость этих могил к погребениям у д. Путиловичи, Халхолица и др.” (Лявданскі А., 1932, с. 235).

На север от д. Халхолица на возвышении экспедиция зафиксировала грунту из 45 курганов, которые постепенно сменялись позднейшими могилами, обложенными камнями. Раскопано одно погребение. Скелет лежал головой на запад. В погребении найдены шиферный крестик, окованный по концам серебряными, орнаментированными бляшками. Исследователи датировали курганы XI–XII вв., а могилы – XIII–XIV вв. (Лявданскі А., 1932, с. 234).

Краткую характеристику исследованных экспедицией каменных могил дал В. Дружниц. Он отмечал следующее: “1) могилы эти представляют собой грунтовые захоронения, имеют небольшую наземную насыпь или без нее; 2) каменные надмогильные кладки круглоподобной или продолговатой формы; 3) могилы датируются XII–XIV вв. и отражают влияние балтских культур. Что касается их происхождения, то можно проследить определенную связь с северо – западом, где имеются подобные могилы, но более раннего времени. Вместе с тем, видно влияние южно – византийско – корсунское, откуда торговые связи прино-

сили разные предметы в самые глухие уголки Беларуси...” (Дружниц В., 1932, с. 237).

В 1936 г. на могильнике, который располагался между д. Подрось и городским поселком Красносельский, Я. Фицтке исследовал курганы и каменные могилы. В 1962 г. эти материалы опубликовала Д. Ясканис. Могильник располагался с левой стороны дороги, которая шла вдоль реки Волковыя, на возвышении, которое называлось Пискож. Он состоял из курганов с небольшими, преимущественно уничтоженными насыпями и грунтовых могил, обложенных камнями, которые располагались в южной части могильника (Jaskanis D., 1962, s. 340). В количественном отношении курганы преобладали над могилами. Опираясь на сохранившиеся части документации и погребального инвентаря, Д. Ясканис датировала могильник – и курганы и могилы XI–XIII вв. (Jaskanis D., 1962, s. 356).

В 1955 г. славяно – литовским отрядом Прибалтийской комплексной экспедиции (руководитель Ф. Д. Гуревич) на каменном могильнике около д. Клепачи (оз. Бездонное) вскрыто одно погребение. На поверхности в изголовье стоял камень неправильно – прямоугольной формы, размером 0,8–0,4 м, высотой 1 м. Под дерном находилась каменная кладка размерами 2x1,5 м, сложенная из камней, размером 25x60 см. Камни были положены в два ряда, высота кладки 0,4 м. Под кладкой в насыпном песке найдены фрагменты керамики. На глубине 1,1 м на песке лежал скелет головой на запад. Среди керамики были фрагменты трех горшков. Погребение безинвентарное (Гуревич Ф. Д., 1986/1955).

В 1962 г. на каменном могильнике у д. Дедиловичи В. Н. Рябцевич вскрыл

3 погребения. Исследователь отмечал, что на камнях, которые стояли в изголовье, выбиты кресты разной формы. Обряд погребения и инвентарь их тождественны описанным Э. А. Вольгером и В. А. Шукевичем (Рябцевич В. Н., 1965, с. 128).

В 1986 г. В. Н. Рябцевич продолжил исследования могильника около д. Горавец (Дедиловичи)⁵, вскрыл пять каменных могил. Исследователь отмечал, что данные, полученные в процессе раскопок Горавецкого могильника, позволяют датировать его XIV–XV вв.

Начиная с 1981 г. автором этой книги проводятся планомерные исследования каменных могильников Беларуси. В 1981 г. раскопаны 16 могил около д. Новоселки (одно из них по обряду трупосожжения), 2 – у д. Ростевичи и 1 – у д. Ивашковичи Зельвенского района; 4 – у д. Новоселки и 3 – около д. Миневщина Волковысского района (Квятковская А. В., д. 734). В 1982 г. изучены 66 погребений около д. Клепачи (оз. Бездонное) и продолжены исследования могильника у д. Миневщина, вскрыты 28 погребений (Квятковская А. В., д. 785). В 1986–1989 гг. на могильнике около д. Вензовщина (Борок) изучены 135 погребений (из них одно по обряду трупосожжения) (Квятковская А. В., д. 972, д. 1016, д. 1066, 1066а, 1155а, 1155б). В 1988–1989 гг. проведены исследования на могильнике около д. Кукли, вскрыты 47 погребений, 2 могилы – около д. Коматово, 1 – у д. Колпаки (Квятковская А. В., д. 1066, 1066а, 1155а, 1155б). В 1990 г. изучены 20 могил около д. Волча, 33 могилы –

⁵ Памятник располагался между деревнями Дедиловичи и Горавец. Материалы исследований 1986 г. представлены автору В. Н. Рябцевичем.

около д. Белица, 3 – около д. Снежная (Квятковская А. В., д. 1233, 1233а, 1233б).

В 1990–1991 гг. изучены 8 могил около д. Щурок. В 1991 в. раскопаны 11 могил у д. Перевоз, 3 – около д. Косовщина (Квятковская А. В., д. 1354). Все погребения по обряду трупоположения в ямах. Таким образом, на протяжении 1981–1982 и 1986–1991 гг. автором изучены 383 погребения в 16 могильниках, которые располагаются в разных частях Беларуси и отличаются хронологически.

Методика раскопок

Противоречивость в описании предыдущими исследователями и автором устройства могильников, погребального обряда заключалась в использовании разных методик при их изучении. Поэтому возникает необходимость остановиться на характеристике методов исследования каменных могильников.

При составлении археологической карты каменных могильников территории Беларуси были использованы данные, которые содержались в работах предшественников; археологических картах Ф. В. Покровского и Г. В. Штыхова, результаты разведочных работ автора. Вместе с тем, в 1982–1983 гг. была использована такая форма сбора информации, которая практиковалась в Беларуси в 20-е г. нашего столетия – анкетирование сельских Советов Гродненской области, в границах которой выявлено более всего рассматриваемых древностей. В результате были учтены известия более чем о 160 каменных могильниках.

Изучение конкретных памятников проводилось в три этапа. Первый этап – сбор архивных и опубликованных данных о предполагаемом объекте

изучения (кто и когда исследовал памятник, какие получены результаты). Вторым этапом – проведение разведочных работ с целью уточнения местоположения памятника и его состояния. Опрос местных жителей с целью получения дополнительной информации о памятнике (его местное название, легенды). Очень важна также информация о современном обряде погребения в окрестностях памятника, обычаях и верованиях населения. Третий этап – это полевые исследования. Раскопки каменных могильников проводились автором согласно общепринятой в отечественной археологической науке методике исследования погребальных памятников (Авдусин Д., 1980, с. 113–166). Вместе с тем, в неё были внесены (с учётом особенностей памятников) соответствующие дополнения и поправки.

Не принижая заслуг предыдущих исследователей по выявлению и изучению каменных могильников, учитывая все, не потерявшие сегодня актуальность и значимость их предположения и выводы, автор вынужден обратить внимание на ошибки, характерные для периода становления археологической науки.

Первые же исследования автором каменных могильников показали, что памятники этого типа лучше всего и необходимо изучать широкими площадями, изучая не только заполнение могил, но и промежутки между ними. Главный недостаток предыдущих исследователей как раз и заключается в использовании, по нашему мнению, несовершенной методики раскопок: изучение отдельных погребений вне связи с другими, что и не позволило им адекватно изучить устройство могильников и погребальный обряд. Несвершенство методики раскопок привело к ряду существенных ошибок:

неточно были определены датировки каменных могильников, возникло множество мнений при определении этнической принадлежности населения, которое оставило эти памятники. Не всегда имеется графическая и описательная документация по раскопкам В. А. Шукевича и полностью отсутствует по раскопкам Э. А. Вольтера. Предметы из исследованных могильников в большинстве утрачены, а те, которые хранятся в фондах музеев – не имеют соответствующего паспорта. Таким образом, в своем исследовании автор опирается на результаты собственных исследований, а материалы предыдущих исследователей были использованы как вспомогательные статистические материалы.

После предварительного сбора сведений об объекте исследований (этапы 1 и 2) непосредственно приступали к его раскопкам – третий этап исследования каменных могильников.

Раскопки каменных могильников проводились следующим образом. В виду того, что каменные кладки находились под дерном и не были видны на поверхности, выбирали места в пределах могильника, где было сконцентрировано много камней (макушки их всегда видны на поверхности) и закладывали раскоп размером $4 \times 4 = 16$ кв. м., $4 \times 8 = 32$ кв. м., $6 \times 10 = 60$ кв. м., или шурф – $2 \times 3 = 6$ кв. м. (если требовалось выяснить, есть ли погребения, их характер и датировку). Потом снимали дерн и расчищали каменные надмогильные кладки. Слой гумуса, который их покрывал, просматривали очень старательно, так как в нем встречались фрагменты керамической посуды и, как это наблюдали в отдельных могильниках, предметы: ножи, кресала, перстни и т. д. После фиксации, камни из кладок выносили за пределы

раскопа и разрабатывали слой гумуса на месте кладок. В нем выявлена основная масса керамической посуды и угли. Потом делали зачистку по всему раскопу на 10–15 см в глубину с целью выявления могильных пятен и следов обрядности (в нашем случае кострища между могилами). Как только могильные ямы отчетливо проступали на зачищенной поверхности, начинали разрабатывать заполнение могильных ям. Особенности размещения угольных прослоек в погребениях (над черепом и ногами, только над черепом и только над ногами, или над всем скелетом, не доходя до черепа) внесли коррективы в ту часть методики, которая касалась разработки заполнения могилы. Это значит, что мы “разрезали” могилу не поперек, а вдоль, по оси положения скелетов: череп – ноги. В противном случае прослойки угля, расположение которых указано выше, не попали бы в поле зрения исследователя и, таким образом, не были бы отражены графически. Фиксировался весь процесс раскопок: составляли ситуационный план расположения могильника с нанесенными изученными участками, план расположения каменных надмогильных кладок, план расположения могильных пятен с фиксацией кострищ, фрагментов керамики и других находок, план, на котором показано расположение каменных кладок в отношении к могильным ямам; план вскрытых погребений (положение скелетов в могилах), профили могильных ям. Вместе с графической фиксацией вели записи процесса раскопок в дневнике. Найденные в могилах предметы шифровали и составляли общий список находок – опись.

Если предполагали изучать могильник и далее, разбивали следующий раскоп. Он мог смыкаться с первым

раскопом и тогда очень кстати порядковая нумерация могил. Однако чаще всего в результате различных причин (перекопы, площадка густо поросла деревьями и кустарником и др.) и с целью определения размеров памятника, его особенностей и хронологии, мы закладывали раскопы в различных его частях. И такая методика оправдана. Она позволяет получить больше информации, чем если бы мы изучали только одну часть могильника.

На территории Минской и Витебской областей (об этом подробнее

будет сказано ниже) выявлены памятники смешанного характера: они состоят из курганов и каменных могил. Поэтому комплексный подход к изучению этих памятников не только полезен, но и необходим.

В заключении рассмотрения основных положений методики раскопок отметим, что исследования каменных могильников – процесс сложный и трудоемкий, который требует точного исполнения методики раскопок, так как отличаются они между собой и территориально, и хронологически.

Г Л А В А II

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ И АРЕАЛ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ. УСТРОЙСТВО КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ И ТИПЫ МОГИЛ

Общая характеристика каменных могильников территории Беларуси и ареал их распространения

В предыдущей главе упоминалось, что исследователи XIX в. В. А. Шукевич и Э. А. Вольтер затруднялись при определении типа изучаемых погребений, называя их то курганами, то могилами, что внесло путаницу в интерпретацию памятников. Поэтому необходимо более подробно остановиться на общей характеристике каменных могильников.

Каменные могилы никогда не встречаются по одиночке, но всегда группами, образуя могильники. Как правило, они располагаются по берегам рек. Например, около д. Шурок могильники располагаются по берегу реки Дитвы; около д. Новоселки, Ростевичи, Ивашковичи, Кошели – по берегу реки Зельвянки; около д. Вензовщина – по берегу реки Скарбувки и т. д. Могильник около д. Кленачи располагается на берегу оз. Бездонное. По берегам ручьев располагаются могильники около д. Новоселки (Волковысский район), Миневщина, Збочно. Отмечены случаи расположения по два могильника на незначительном расстоянии один от другого

(напр., около д. Шурок – Млын и Гребля; около д. Вензовщина – ур. Гоцчариха и Борок и т. д.). Однако чаще всего каменные могильники располагаются на расстоянии 1,5–3 км один от другого.

Сегодня каменные могильники находятся непосредственно в населенных пунктах (напр., Збочно, Кошели, Ивашковичи, Новоселки Зельвенского района, Вензовщина (Борок) и др.), либо на расстоянии 1–1,8–2 км от них, в лесу, изредка – в поле (напр., Волча, Кукли, Перевоз и др.).

Каменные могилы никогда не располагаются рядом с культовыми христианскими сооружениями. Как исключение, могильник около д. Ивашковичи, где погребения под каменными кладками располагались вокруг развалин униатской церкви. Датируется могильник концом XVII (?)–XIX вв. Возможно, что церковь была возведена на месте древних погребений, так как во время рытья погребов местные жители выкапывали много человеческих костей в различных частях возвышенности. Кроме того, сама возвышенность является господствующей над окружающей местностью, что могло привлечь тех, кто подбирал место для строительства церкви.

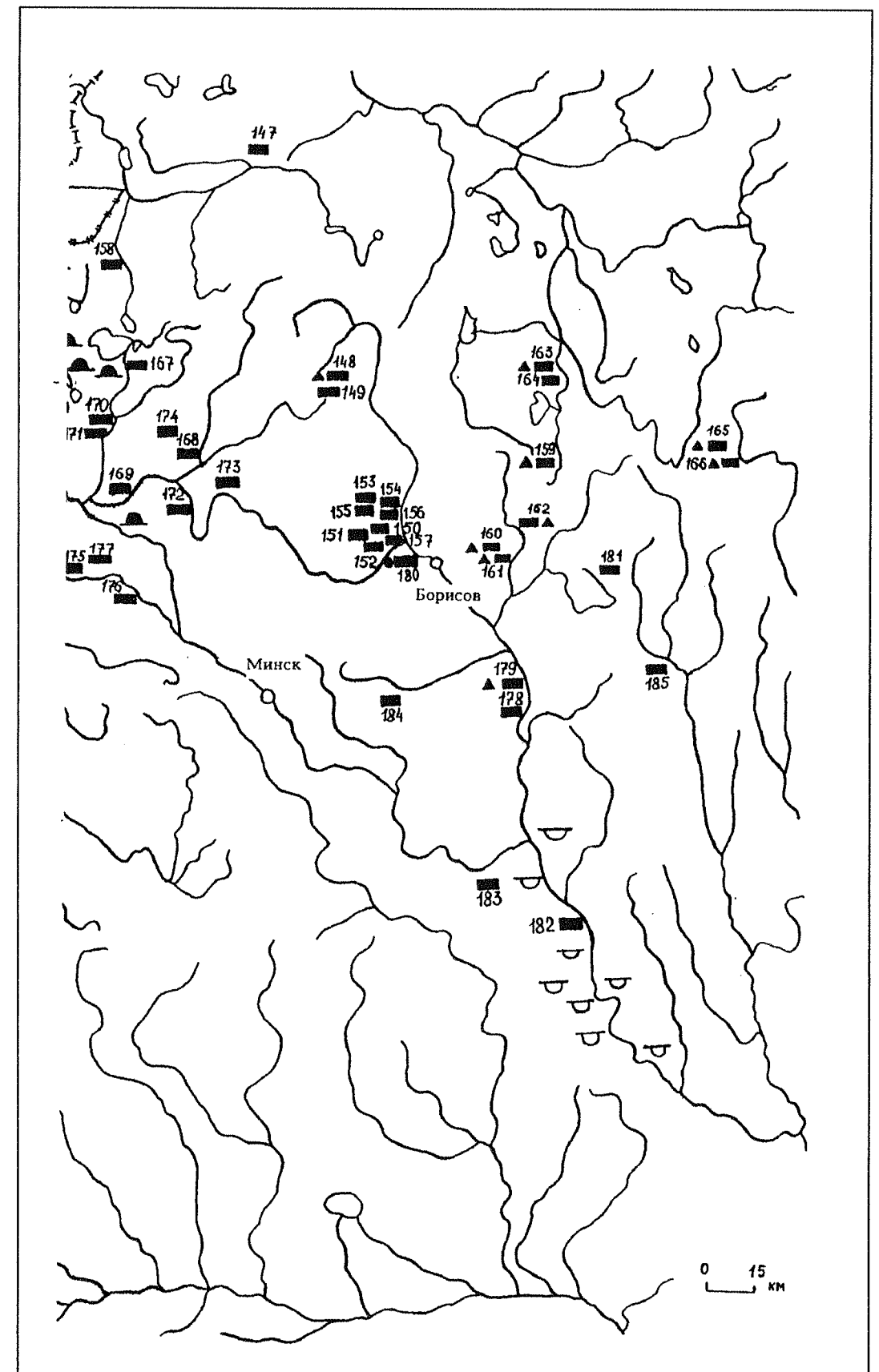
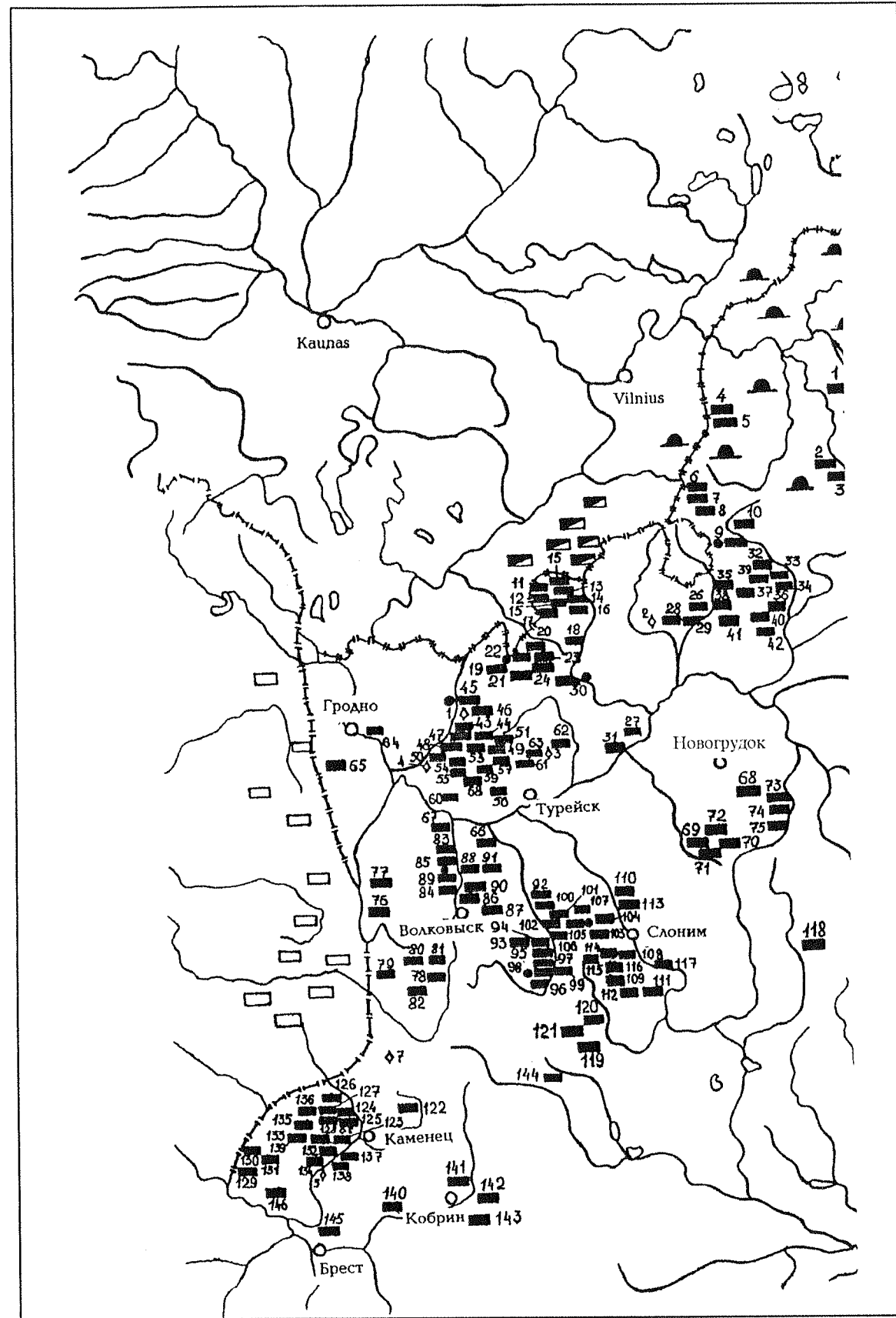

Рис. 1. Карта распространения каменных могильников к. XI-XVII вв. на территории Беларуси. Условные обозначения: А - каменные могильники Беларуси (1 - Нестанишки, 2 - Большая Мысса, 3 - Олешнишки, 4 - Дукелн, 5 - Курганы, 6 - Жодовка, 7 - Гордиевцы, 8 - Клевица, 9 - Маркнягы /бывш. Маркенецгы/, 10 - Гольшаны, 11 - Соболонцы, 12 - Пузелн, 13 - Пашковичи, 14 - Талькуцы, 15-16 - Улановицна, 17 - Дубинцы, 18 - Пеляса, 19 - Монтуны, 20 - Козляны, 21 - Кукли, 22 - Дворчаны, 23 - Шловенцы, 24 - Апоновцы, 25 - Матюны, 26 - Бакуны, 27 - Белца, 28-29 - Щурок, 30 - Косовицна, 31 - Збяны, 32 - Богданцы, 33 - Макары, 34 - Харитоны, 35 - Кладеники, 36 - Ковали, 37 - Старая Вергань, 38 - Сеньковичи, 39 - Чешейки, 40 - Красная Горка, 41 - Дульки, 42 - Купровичи, 43 - Долбеньки, 44 - Ганельки, 45 - Вензовицна (ур. Гончариха), 46 - Вензовицна (Борок), 47 - Таболичч, 48 - Зепяшчч, 49 - Угольнички, 50 - Бершты, 51 - Воробьи, 52 - Магюки, 53 - Первомайск, 54 - Сырни, 55 - Кульбачино, 56 - Глебовцы, 57 - Плетки, 58 - Клешняки, 59 - Псярцы, 60 - Лепанка, 61 - Костенево, 62 - Корсаки, 63 - Бакшты, 64 - Коматово, 65 - Колпаки, 66 - Белавичи, 67 - Новоселки, 68 - Каменка, 69 - Корница - II, 70-71 - Зорой, 72 - Кузьмичи, 73-74 - Крынки, 75 - Ольшаны, 76 - Минички, 77 - Плюскаловцы, 78 - Ялово, 79 - Ягвесск, 80-81 - Великая Светица, 82 - Студеники, 83 - Дыхновичи, 84 - Оранцы, 85 - Даниловцы, 86 - Хотьковцы, 87 - Лозы, 88 - Миневицна, 89 - Подрось, 90 - Новоселки, 91 - Мачульно, 92 - Деркачи, 93 - Шейки, 94-95 - Клепачи, 96 - Ростевичи, 97 - Кошели, 98 - Новоселки, 99 - Ивашковичи, 100 - Климовичи, 101 - Снежная, 102 - Снежная (бывш. хутор Красница), 103 - Шуляки, 104 - Гольнка, 105 - Старое Село, 106 - Дорогобужка, 107 - Пустоборы, 108 - Вицево, 109 - Юхновичи, 110 - Малая Крокотка, 111 - Лопухово, 112 - Рудава, 113 - Куцейки, 114 - Клепачи (оз. Бездонное), 115 - Клепачи, 116 - Збочно, 117 - Соколово, 118 - Потаповичи, 119 - Белавичи, 120 - Заполье, 121 - Косово, 122 - Хидры, 123 - Млыны, 124 - Панасюки, 125 - Чвирки, 126 - Рожковка, 127 - Хвойновка, 128 - Дашевичи, 129 - Волччи, 130-131 - Токарн, 132 - Гурки, 133 - Песчатка, 134 - Суходол, 135 - Верховичи, 136 - Дмитриевичи, 137 - Баранки, 138 - Лашевичи, 139 - Ратайчицы, 140 - Пруск, 141 - Зосны, 142 - Закросница, 143 - Киселевцы, 144 - Лядовичи, 145 - Малые Косичи, 146 - Ставице, 147 - Спигальщина, 148 - Перевоз, 149 - Бобруйщина, 150 - Домашковичи, 151 - Морговица, 152 - Волча, 153 - Жамойск, 154 - Слобода, 155 - Березино, 156 - Шклянцы, 157 - г.п. Бегомль, 158 - Пожарцы, 159 - Августово, 160 - Ствольно, 161 - Домжарицы, 162 - Слободка, 163 - Путилковичи, 164 - Алферовицна, 165 - Вирки, 166 - Заннвочье, 167 - Андрейки, 168 - Касуга, 169 - Баранцы, 170 - Ижа, 171 - Малевичи, 172 - Латыголь, 173 - Ковали, 174 - Клыни, 175 - Виверы, 176 - Городок, 177 - Слободка, 178 - Черневичи, 179 - Халхолца, 180 - Горавец, 181 - Метиж, 182 - Жуковец, 183 - Дубовручье, 184 - Меженка, 185 - Докучно; Б - каменные могильники Польши; В - каменные могильники Литвы; Г - каменные курганы и каменные могильники в пределах одного могильника; Д - восточно-литовские курганы; Е - курганы кривичей; Ж - курганы дреговичей; З - языческие святилища (1 - Вензовицна; 2 - Щурок, 3 - Бакшты, 4 - Бершты, 5 - Николаево, 6 - Млыны, 7 - р. Наревка, ИП "Беловежская пуца", кв. 560).

Недалеко от некоторых каменных могильников находятся древние языческие капища. Примерно в 500-600 м на север от каменного могильника "Борок", что около д. Вензовицна, в лесу есть горка, до 5-6 м в высоту, которую местные старожилы называют "Перуновой горкой". Примерно в 300-400 м на юг от каменного могильника "Гребля", что около д. Щурок, посреди болота, возвышается горка, высотой до 5-8 м. Ранее около её подножия росли дубы. Эту горку также старые люди называют "Перуновой горкой". Недалеко от д. Бакшты (в 1,2 км на северо-восток от деревни Плетки Щучинского района) располагалась высокая гора. Местные жители называли её "Лысая гора". Сегодня она значительно меньше своих первоначальных размеров, так как грунт вывозили на дорогу. Примерно в 300-350 м к юго-западу от неё, в лесу под названием Мазигай, есть каменные курганы конца I тысячелетия после Р.Х. по обряду трупосожжения, а на расстоянии 200-250 м от них к югу, на берегу реки Латачок - поселение, датируемое этим же временем. Как показали его раскопки, здесь выявлены два строительных горизонта: первый - хронологически соответствует курганам, второй - начала II тысячелетия. Оба строительных горизонта уничтожены пожаром во время неприятельского набега.

Примерно в 1 км к югу от деревни Бершты (Щучинский район), посреди болотистой поймы реки Котры, имеется возвышенность до 10-12 м. Размеры площадки - 18x7-8 м. Среди местных жителей место это называется "Бохан". Некоторые из местных жителей занимались раскопками на вершине этой горы, выявляли угли. Вполне возможно, что это место в древности было языческим капищем.

У д. Николаево, что в одном километре от города Каменца (Брестская область), есть небольшая горка. Ранее вокруг неё росли дубы, а неподалеку находились каменные курганы. Об этой горке местные жители рассказывают следующее. Будто - бы каждую ночь на этой горке появлялся высокий старик в белой одежде, с длинной бородой и раскладывал костры. Говорили также, что очень опасно ходить туда, особенно в праздник Купалье. Можно умереть. На наш взгляд, поверье об опасности посещения языческого капища отражает борьбу церкви с языческими обрядами и обычаями населения.

Рядом с д. Млыны, на высоком берегу реки Лесной был каменный могильник, который в 1993 г. почти весь разрушили, проложив через него дорогу. В могилах, по рассказам местных жителей, находили скелеты людей и конские черепа, разные вещи. Метрах в 100-150 на северо-восток от могильника, в лесу, находится горка почти до 10 м в высоту. Местные жители место это называют "Змиевой горой" и рассказывают о ней следующее. "В давние - давние времена беспокоил людей Змей. Переплывал он реку и грабил население. Так продолжалось долго. Решили люди избавиться от беды и убить Змея. В очередной раз, когда пришёл Змей грабить, накормили его люди соленым мясом. Замучала Змея жажда и пошёл он к реке, чтобы напиться. Тут его и убили, а похоронили на горе. С тех пор и зовут гору "Змиева". В 60-е г. нашего столетия И. В. Бируля провел небольшие раскопки на этой горе, выявил камни, угли, фрагменты керамической посуды. Вполне вероятно, что и эта горка могла быть культовым местом (рис. 1).

Визуальные наблюдения и имеющиеся материалы позволяют сделать

вывод о том, что плановая структура рассматриваемого населения включала три обязательных компонента: 1) могильник – место захоронения умерших сородичей; 2) расположенные на расстоянии друг от друга дома – усадьбы, образующие поселенческий комплекс; 3) святилище (капище) – место, где совершались обряды культа, праздники и другие общественные мероприятия. Эти три обязательных компонента плановой структуры рассматриваемого социума располагались отдельно друг от друга, на расстоянии, ибо в каждом из них заключалась пространственно – временная характеристика. Могильник – это прошлое данного социума; поселение – его настоящее; святилище – будущее. Все они располагались рядом, но не были совмещены.

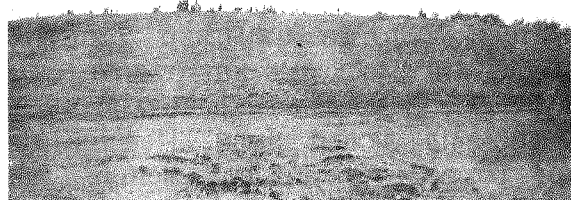

Фото 1. Каменный могильник у д. Вензовщина (Борок) Шучинского района Гродненской обл. Вид с юго-восточной стороны.

Фото 2. Каменный могильник у д. Колпаки Гродненского района Гродненской обл. Вид со стороны р. Неман.

Во время разведочных работ мы столкнулись с трудностями выявления каменных могил, так как сегодня внешне они никак не обозначены: каменные надмогильные кладки задернованы, а на поверхности изредка видны только верхушки камней из кладок (фото 1–5). После снятия дерна видно, что каменные конструкции слабо возвышаются над землей. Как правило, каменные кладки однослойные (фото 6–13). В голове и в ногах погребений довольно часто отмечали большие камни природной округлой или подтреугольной формы вверху или со следами искусственной обработки, тесанные с боков, расширенные в нижней и сужающиеся в верхней части. На камнях, которые стоят в изголовье, отмечали кресты разной формы, солярные и другие знаки. Так, на могильнике у д. Миневщина на больших камнях в изголовье погребений есть изображения в виде крестов разной формы, нескольких кругов, расположенных один над другим и заключенным в них крестом (рис. 2:14–19, фото 14–19). Здесь же находился каменный идол (фото 20). Ф. В. Покровский указывал, что у д. Юхновичи “совсем ровная

Фото 3. Каменный могильник у д. Клепачи Слонимского района Гродненской обл.

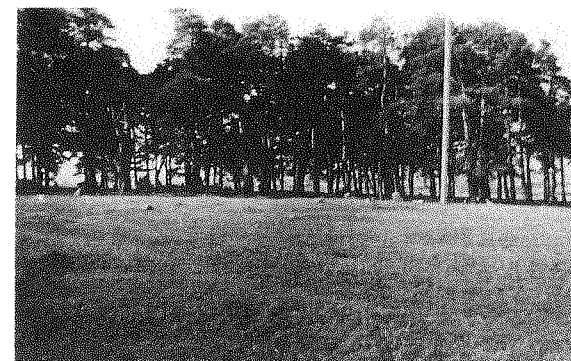

Фото 4. Каменный могильник у д. Новоселки Зельвенского района Гродненской обл. Вид с юга.

Фото 5. Каменный могильник у д. Шейки Зельвенского района Гродненской обл.

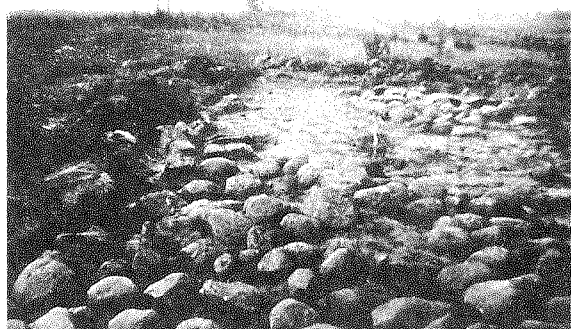

Фото 6. Раскоп 7. Каменные надмогильные кладки после расчистки (д. Вензовщина (Борок).

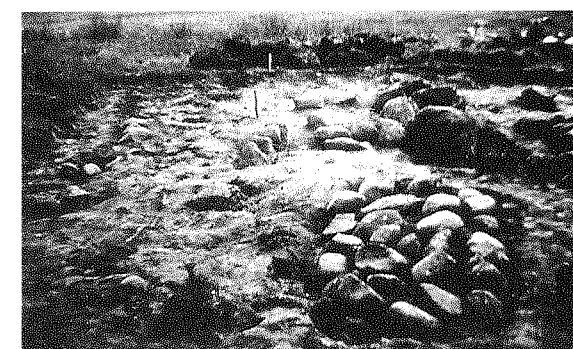

Фото 7. Раскоп 8. Каменные надмогильные кладки после расчистки (д. Вензовщина (Борок).

Фото 8. Раскоп 11. Каменные надмогильные кладки после расчистки (д. Вензовщина (Борок).

поверхность возвышенности усеяна массой осевших в землю камней, а также стоячими и лежащими каменными бабами”. (Покровский Ф. В., 1895, с. 33–34). У д. Слободка “на кладбище есть каменный болван высотой около 0,9 м грубой работы и много других камней без надписей” (Покровский Ф. В., 1893, с. 79). Около дороги из Городка в местечко Воложин стоит целый ряд как бы надгробных камней, называемых у народа “плитками”. На этих камнях имеются изображения в виде ящериц и знаки в виде букв” (Покровский Ф. В., 1893, с. 78). М. Мелешко сообщил, что около д. Костенево, “в поле, на месте, которое называется “Бамбизовщина”, на горе было городище круглой формы. На этом городище располагается могильник. Здесь находилось много

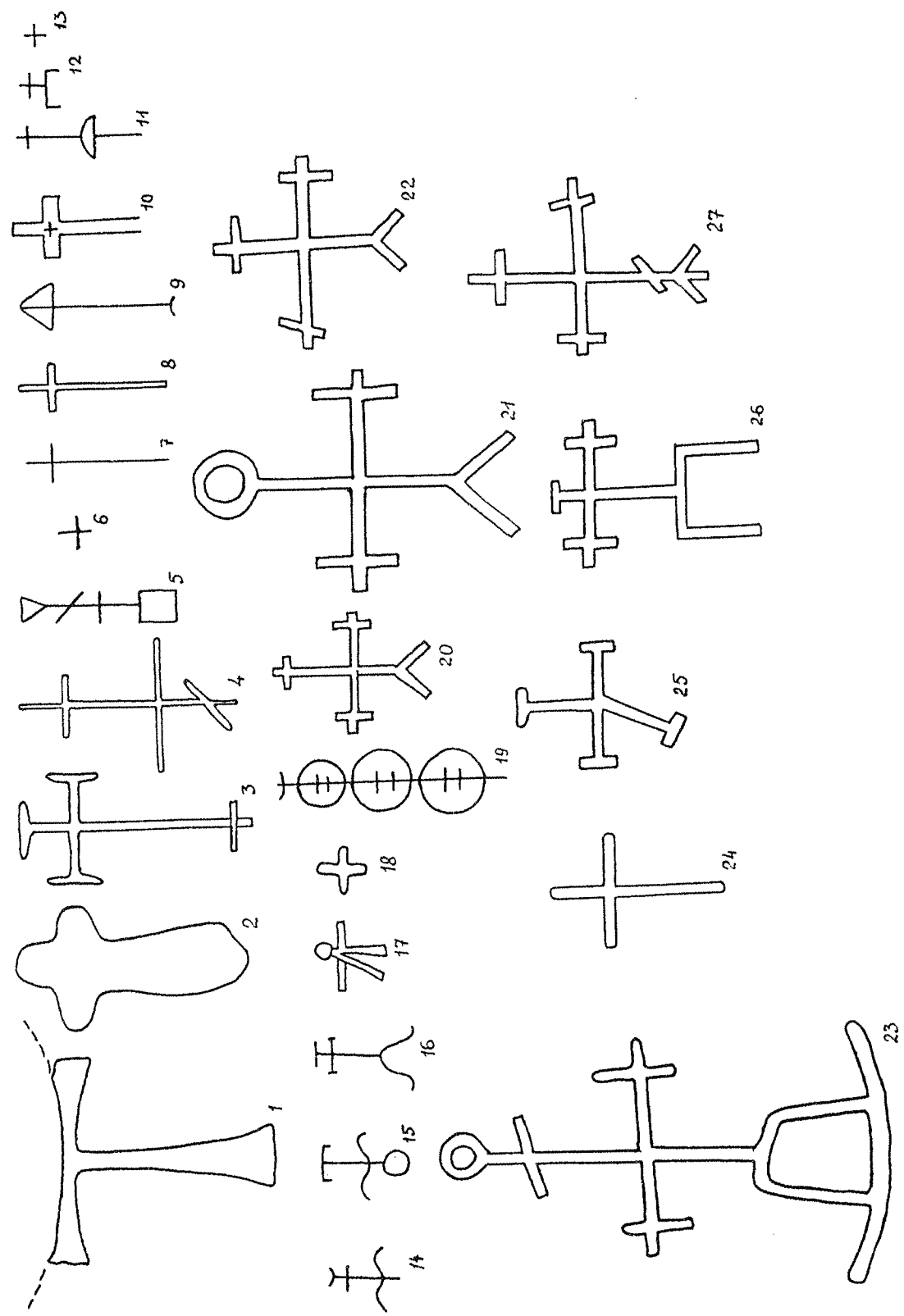

Рис. 2. Изображения на камнях, стоящих в изголовье погребений: 1-4 – д. Комагорово; 5-11 – д. Лукомль; 12 – д. Пузели; 13 – д. Клепачи (оз. Бездонное); 14-19 – д. Миневщина; 20-27 – д. Горавец.

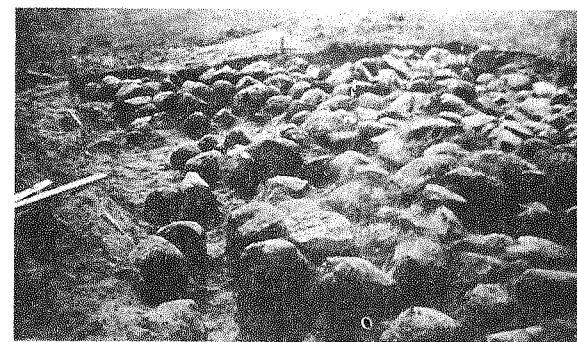

Фото 9. Раскоп 12. Каменные надмогильные кладки после расчистки (д. Вензовищина (Борок).

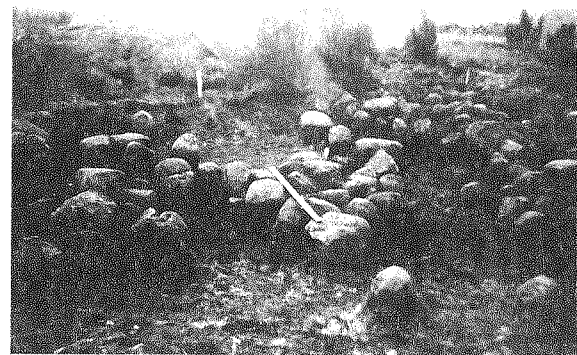

Фото 10. Раскоп 16. Каменные надмогильные кладки после расчистки (д. Вензовищина (Борок).

Фото 11. Раскоп 4. Каменные надмогильные кладки после расчистки (д. Кукли).

интересных камней. Имели эти камни самую разную форму со всякими ямками на них; лежали они в каком-то симметричном порядке, как – будто мертвецы, погребенные в один ряд. На этих заросших мхом камнях можно было рассмотреть нечто похожее на рисунки зверей, птиц и вообще дивные и непонятные знаки. Форма некоторых

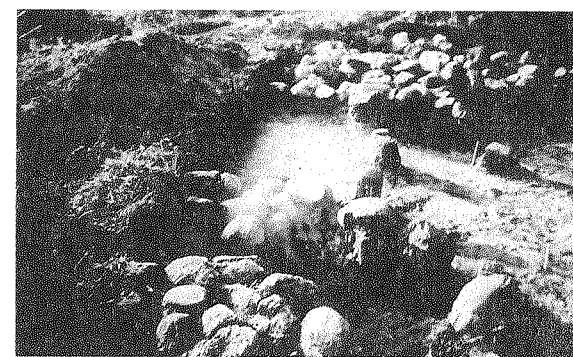

Фото 12. Раскоп 6. Каменные надмогильные кладки после расчистки (д. Кукли).

Фото 13. Каменные надмогильные кладки после расчистки (д. Новоселки Волковыского р-на Гродненской обл. Раскоп 1.).

Фото 14. Изображение на камне в изголовье погребения (д. Миневщина Волковыского р-на Гродненской обл.).

камней была настолько оригинальная, что их можно было принять за фетиши” (Мялешка М., 1928, с. 172).

Фото 15. Камень с изображением креста в изголовье погребения (д. Миневщина).

Фото 16. Камень с изображением креста в изголовье погребения (д. Миневщина).

Фото 17. Изображение на камне, стоящем в изголовье погребения (д. Миневщина).

Фото 18. Изображение на камне, стоящем в изголовье погребения 7 (д. Миневщина, раскоп 2).

Фото 19. Камень с изображением креста (д. Миневщина).

Фото 20. Каменный идол в изголовье погребения (д. Миневщина).

На могильнике около д. Клепачи (оз. Бездонное) только на одном камне, который стоял в изголовье погребения, отмечен крест 9 см в высоту (рис. 2:13). На могильнике около д. Лозы, на камнях, которые находятся в изголовье погребений, есть трудноопределимые надписи, а также различные знаки. На могильнике около д. Коматово в изголовье одного из погребений стоял каменный крест высотой 1,28 м (рис. 2:2), а на камнях, которые стоят в изголовье погребений, отмечены выбитые кресты (рис. 2:1, 3, 4). Каменные кресты отмечал В. А. Шукевич на могильнике у д. Осетице. Н. Н. Кайгородов писал, что «памятные жальничные кресты встречаются преимущественно в древней Новгородской земле, однако встречаются и в Белоруссии, в Эстляндской и Лифляндской губерниях. Вообще помещали такие кресты по большей части на братских могилах убитых в сражениях и бывают с надписями и без них. В Новгородской области они известны с XI в., а на жальниках встречаются от XIII до XVI вв.» (Кайгородов Н. Н., 1912, с. 1–2). Следует заметить, что каменный крест с могильника у д. Коматово ранее, скорее всего, был каменным идолом, а позднее ему придали форму креста.

На могильниках у д. Лукомль (рис. 2:5–11), Пузели (рис. 2:12), Новоселки (Зельвенского района), Ростевичи, Ивашковичи, Новоселки (Волковыесского района), Волча, Перевоз, Горавец (рис. 2:20–27) на камнях, которые стоят в изголовье погребений, также отмечены выбитые кресты. В целом же, на очень многих могильниках рассматриваемого типа отмечены кресты на камнях, стоящих в изголовье погребений.

Среди местных жителей каменные могилы известны под разными назва-

ниями. Анализ их показывает, что наиболее часто эти памятники называют «татарские могилы» (Вороновский, Ивьевский, Ошмянский, Сморгонский, Щучинский, Новогрудский, Дятловский районы Гродненской области, Вилейский район Минской области).

Не менее часто каменные могилы называют «шведскими», «французскими», «старосветскими» могилами (Каменецкий район Брестской области, Зельвенский, Вороновский, Дятловский, Ивьевский, Щучинский районы Гродненской области).

В Вилейском районе Минской области в отношении к каменным могилам вместе с названием «татарские» употребляют название «поганские могилы», «поганские кладбища».

В Глубокском районе Витебской области и в одном случае в Вилейском районе Минской области каменные могилы известны под названием «голодники» или «голодные могилы».

В Вороновском, Волковыесском и Слонимском районах Гродненской области зафиксировано название каменных могил – «боярские могилы» или «боярские кладбища».

В Каменецком районе Брестской области употребляют название каменных могил как «крыжацкие могилы» (д. Гурки, д. Тростяница).

Многие могильники имеют собственные имена. Например, «Церковище», (встречено в Вороновском, Волковыесском районах), «Могилицы» (Свислочский район), «Каменица» (Докшицкий район), «Дунич – Могилицы», «Девич – Могилицы» (Щучинский район).

Как правило, места, где располагаются каменные могильники (а чаще всего это урочища), также имеют названия собственные. Например, ур. Гончариха, ур. Карначиха, ур. Довбы, ур. Лейцекапинис и т. д.

Опрос местных жителей в окрестностях каменных могильников позволил собрать интересные материалы относительно причин их появления. Так, на Гродненщине появление этих памятников чаще всего связывают с войнами. Например, про могильник около д. Вензовщина (Борок) местные жители сообщили, что тут “погребены воины”. Возникновение могильника около д. Кукли (“Боярские могилы”) местные жители объясняют как результат войны между “боярами и крестоносцами”. Причем отмечают, что крестоносцы не однажды нападали на деревню. Очень часто появление могильников объясняют как результат войны с татарами, шведами, французами и т. д.

На территории Минской, Витебской, Брестской областей появление каменных могильников связывают с эпидемиями (напр. чумы, холеры) или голодом. Многочисленность названий рассматриваемых памятников показывает, что в народной памяти сохранились отрывки реальных событий, которые происходили на этих землях. Однако чаще всего население не может ответить на вопрос, кто же похоронен в древних могильниках.

Происхождение некоторых памятников местные жители объясняют преданиями – своеобразными переложениями библейских сюжетов. Например, про возникновение могильника у д. Новоселки Волковысского района существует следующее предание, записанное автором во время исследования памятника: “Ехали как – то по дороге с противоположных концов к церкви два свадебных кортежа. На узком отрезке дороги вынуждены были остановиться, так как разъехаться было невозможно. Никто не хотел уступить дорогу, но каждый стремился проехать к церкви первым. Начали спорить и

ругаться, а потом завязалась драка. Разгневался Бог, глядя на такое святотатство около ворот храма, и наказал упрямых: людей превратил в камни и разбросал по возвышенности (место могильника – А. К.), где лежат они и поныне. Церковь же провалилась, а на её месте в неглубоком овраге струится ручеек и вода в нем считается лечебной, особенно для тех, у кого плохое зрение”.

Другое предание о возникновении могильника у д. Клепачи (оз. Бездонное), в прошлом столетии записал Ф. В. Покровский. В 1982 г. автором во время исследований памятника предание записано вторично. Вот его содержание: “В давние – давние времена на берегу озера находилась большая деревня. Пришёл как – то в неё под видом старого нищего Бог и попросил жителей накормить его. Но никто не пожалел нищего, никто не дал ему даже кусочка хлеба. Только одна женщина пожалела старика, накормила его и дала ему на дорогу большой каравай хлеба. Сильно разгневался Бог на жадных жителей деревни и решил покарать их. И сказал он женщине, которая его накормила: “Быстро собирайся и уходи из деревни. Но смотри, иди и не оглядывайся.” Пошла женщина, но уже возле самой возвышенности (место могильника – А. К.) не утерпела и оглянулась – на месте деревни раскинулось огромное озеро. Жителей деревни Бог превратил в камни и разбросал их по возвышенности. Женщина же превратилась в каменную фигуру с длинной косой, которая была повернута в сторону озера”. Как сообщили жители д. Клепачи, камень этот был взят в церковь (в д. Ивашковичи), считался святым. Позднее из церкви его убрали и, куда он подевался, никто не знает.

Про могильник у д. Новоселки (Слонимский район) рассказывают следующее: “Между деревнями Новоселки и Милошевичи есть хвойник. Называют его Бояры. Своих умерших они хоронили в этом хвойнике. На их могилах ставили огромные обработанные камни. Они и сейчас есть в этом лесу, только обросли мхом. Говорят, что бояры один раз в год выходят с того света. Тогда поднимается в лесу страшная буря, ветер ломает деревья. Кого в этот день бояры застают на своих могилах – разрывают на части. Говорят также, что эти бояре поют вместе с волками песни и до самого рассвета жгут костры” (Легенды, 1983, с. 323).

Как правило, для могильников выбирали места на возвышенностях. Это небольшие горки или оконечности моренных гряд преимущественно с сухим песчаным грунтом. Могилы располагаются не только на площадках, но и по склонам возвышенностей, не достигая подножия. Как показали исследования могильника у д. Вензовщина (Борок), умерших никогда не хоронили в мелком сыпучем песке. Например, в раскопе №13 зафиксированы только два погребения в той части раскопа, где почва была глинисто-песчаная. В раскопе № 15 не выявлено ни одного погребения. Аналогичную картину наблюдали в могильнике у д. Кукли, в раскопе 3 (в южной части раскопа с мелким сыпучим песком погребений не было).

Во время исследований каменных могильников Гродненщины в отдельных случаях отмечали единичные курганы или небольшие их группы, которые размещались обособленно от каменных могил. Некоторые из курганов были исследованы. Так, около д. Клепачи (оз. Бездонное) курган находился в 12 м на юго – запад от каменных могил.

Ко времени раскопок выглядел следующим образом: верхняя часть его была попорчена ямой; с западной и восточной сторон – испорчен полевыми дорогами; с северной стороны – яма глубиной до 1,5 м. Общая высота кургана составляла 1,1 м. Длина его по оси север – юг – 12 м, по оси запад – восток – 13,5 м. Под дерном, почти в центре насыпи на глубине 0,12 м находились фрагменты лепной посуды (стенки). Курган был насыпан из песка с гравием и примесью глины. В основании его, на уровне древней дневной поверхности в юго – западной и частично в центральной частях выявлены камни, которые располагались по периметру кургана. Здесь же находились 4 скелета, которые сохранились полностью, фрагменты черепного свода и отдела лица, а также фрагменты тазовых костей и кости нижних конечностей еще одного скелета. Все скелеты лежали на спине, вытянуто. Положение головы и рук – разное. Ориентированы скелеты головой на запад. Погребения безинвентарные. Около д. Новоселки (Зельвенский район) среди погребений XVIII–XIX вв. в южной части могильника располагался курган, весь заполненный позднейшими каменными могилами. Первоначально этот курган находился на расстоянии примерно 8-10 м от каменных могил XVI–XVII вв. Потом, когда могильник увеличился, он оказался среди позднейших каменных могил, кроме того в насыпи его были совершены захоронения под каменными кладками. Курган был насыпан из песка (?). В подкурганной яме на глубине 1,4–1,6 м от дневной поверхности находилось кострище мощностью 0,4–0,45 м. Кости не выявлены. Возможно, это было курганное захоронение по обряду трупосожжения на месте (?).

Памятники смешанного типа, которые включают курганы и каменные могилы изредка попадаются на Гродненщине. Так, около д. Подрось (ур. Пискож, раскопки Я. Фитцке) в северной части могильника находились курганы, насыпанные из песка, а в основании имели каменные вымостки прямоугольной формы, которые состояли из одного или нескольких слоев камней и были ооаясаны большими камнями. В южной части памятника располагались грунтовые захоронения с каменными кладками (Jaskanis D., 1962, s. 337–363). У д. Маркененты, на левом берегу реки Клевь, в северной части могильника находились курганы, которые постепенно понижались в направлении юга, где, наконец, курганный могильник превратился в плоскую ровную площадку, покрытую камнями (Рыков П. С., 1914, с. 17), то есть, в грунтовый могильник.

На запад от д. Старое Село (Зельвенский район) при дороге на Зельву находится могильник, который включает курганы (10) и рядом около 40 каменных могил (Штыхов Г. В., 1971, с. 140). На север от д. Косовщина (Лидский район), в восточной части могильника располагаются курганы, а в западной – каменные могилы. Ф. В. Покровский указывал, что в полуверсте от имения Горок (с. Ратайчицы), на возвышенном месте, в сосновом лесу – 7 обложенных камнями курганов, в 40 сажнях от имения Горок в дубовых и кустарниковых порослях 11 обложенных камнями курганов, большинство высотой в 1 аршин. Около имения Горок, кроме названных курганов, насчитывается до 150 могил, обозначенных камнями” (Покровский Ф. В., 1895, с. 99–100).

Иную картину наблюдали в Витебской и Минской областях, где каменные могилы выявлены только по

– соседству с курганами. Это значит, что в “чистом” виде каменные могилы здесь, за редким исключением, не встречаются. Например, у д. Волча в северо – восточной части могильника отмечены курганы с трупосожжением (?), насыпанные из песка; земляные курганы с трупоположениями и курганы, насыпанные из песка, но в основании обложенные большими валунами. В юго – западной части могильника находились каменные могилы. Причем, курганы, которые были рядом с могилами, по характеру своему являются переходной формой захоронений – от курганов к могилам. Обряд погребения и инвентарь их тождественны найденным в каменных могилах. Таким образом, эти могилы можно рассматривать как переходный тип погребальных сооружений. У д. Перевоз (Глубокский район) курганы, которые располагались в южной части памятника, были насыпаны из песка и содержали трупоположения на горизонте и в ямах. Рядом с каменными могилами исследован курган, насыпанный из песка, а в основании его лежали 2 больших камня. Высота насыпи незначительная. Погребальный обряд и инвентарь этого захоронения тождественны зафиксированным в каменных могилах этого же памятника. Таким образом, это погребение следует рассматривать как переходный тип погребального сооружения: от курганов к каменным могилам (Квяткоўская А., 1993, с. 125).

В Борисовском районе, около д. Горавец (Дедиловичи) в северной части памятника располагаются курганы полусферической формы. Многие из них обложены большими камнями. В южной части могильника находятся каменные могилы. Около д. Халханица “на возвышенности – группа из 45 курганов. Они постепенно переходят в

позднейшие могилы, обложенные камнями” (Ляўданскі А. М., 1932, с. 234). Около д. Ствольна “...у дороги есть группа из 209 круглых в плане курганов и несколько могил, обложенных камнями” (Ляўданскі А. М., 1932, с. 234).

Таким образом, во всех упомянутых памятниках каменные могилы всегда располагаются отдельно от курганов, рядом, на одной площадке, компактной группой. Из приведенных выше примеров видно, что курганы и могилы в отдельных памятниках составляют одно целое. Наблюдается эволюция конструкции погребального сооружения с сохранением в неизменном виде погребального обряда, а часто и инвентаря. Были зафиксированы и погребения переходного от курганов к могилам типа. Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что предшественниками каменных могил были каменные курганы. Поэтому, вместе с допущением, что в могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха) и д. Дворчаны могли быть каменные курганы, мы всё же более склоняемся к мысли, что те погребения, которые В. А. Шукевич и Э. А. Вольтер называли курганами, скорее всего являлись погребениями переходного от курганов к могилам типа, либо грунтовыми погребениями, кладки над которыми могли состоять не из одного, а из нескольких слоев камней. В результате, внешне по форме эти могилы напоминали курганы, а поэтому и были восприняты названными исследователями именно как курганы. Подтверждением такого вывода могут быть, например, известия о размерах каменных кладок, которые есть в отчете Э. А. Вольтера по могильнику у д. Вензовщина (ур. Горначиха). Например, кладка над погребением 13 в высоту составляла 0,74 м (Дело 43/1889, л. 68). В отчете В. А. Шукевича по результатам

исследования этого же памятника есть известия про особенности кладок: “Внешне могилы отличаются от таких же могил на других памятниках тем, что усыпаны они и обложены камнями не овально, а куполообразно” (Дело 103/1890, л. 2). Писал В. А. Шукевич и про особенности сооружения кладок на могильнике у д. Дворчаны: “Могилы сверху обозначены камнями, положенными в курганы круглой и овальной формы, которые возвышаются над землей на 0,35–0,71 м” (Дело 103/1890, л. 2).

Таким образом, во всех приведенных случаях говорится только про способ положения камней, это значит про конструктивные особенности кладок, сооруженных над грунтовыми погребениями, но не про особый тип погребений – курганы.

Во время раскопок выяснилось, что очень часто древние могильники долгое время продолжали использовать под захоронения. В результате были созданы целые комплексы хронологически (а часто и типологически) разных захоронений. Например, такой комплекс погребений отмечен у д. Новоселки (Зельвенский район), где был курган с трупосожжением (?), каменные могилы конца XV (?)–XVII вв.; христианские могилы, обложенные камнями XVIII – начала XX вв. и погребения, которые датируются серединой 60–х годов нашего столетия. Другой, еще более обширный комплекс погребений, располагается у д. Волча. Здесь зафиксированы курганы больших размеров, насыпанные из песка, по обряду трупосожжения; курганы меньших размеров, насыпанные из песка по обряду трупоположения; курганы малых размеров, насыпанные из песка и обложенные в основании большими валунами, с трупоположениями; каменные могилы XII–XVII вв.;

христианские могилы, обложенные камнями XVIII – начала XX вв. и современные могилы. Аналогичную картину наблюдали в могильнике, расположенном вблизи д. Перевоз, и в других местах. Такие комплексы чаще всего образовывались на протяжении нескольких столетий за счёт увеличения площади могильника. Это значит, что последующие захоронения не производили на месте предыдущих. Причину долгого использования древних кладбищ под захоронения М. Косман видел в следующем. Он отмечал, что вместе с христианизацией в Великом княжестве Литовском возникают центры католической веры – парафии с костёлом и парафиальным кладбищем при нем. Однако местные жители по-прежнему предпочитали хоронить своих умерших на древних языческих кладбищах. Это, по мнению исследователя, было вызвано несколькими причинами. Во-первых, в весенне – осенний период по причине бездорожья жители деревень не могли везти своих умерших на новое кладбище. Во-вторых, эти новые кладбища частично или полностью были лишены ограждений, так как служители клира были не в состоянии поддерживать его в надлежащем порядке. В результате на территорию кладбища проникали псы и свиньи и чинили опустошения: кости умерших были разбросаны по его территории. В – третьих, за погребение на новом кладбище брали половину копы грошей, а за погребение в поле (т. е. на месте древнего языческого могильника) в три раза меньше. Таким образом, погребения совершенные в поле, на древних могильниках пользовались по – прежнему большой популярностью и совершались еще и во второй половине XVI в. Они происходили без участия ксендза, т. е.

согласно древнему обычаю и обряду. Эти старые места погребения были популярны до конца XVI в., когда служители костела приказали часть из них ликвидировать (Kosman M., 1976, s. 67–70).

Отмеченные выше внешние особенности, присущие каменным могильникам в пределах Беларуси, позволяют выделить их в особый тип древностей и очертить границы их распространения.

На севере граница проходит по реке Вилии (Нярис); на востоке эти памятники известны по реке Березине и её притоку Схе; по реке Ушаче; юго – восточная граница проходит по верховьям притоков Немана: Сервечи, Уше, Щаре и её притоку Гривде; по верховьям Ясельды левого притока Припяти; на юго – западе они известны по рекам Мухавец, Лесная; на западе каменные могильники зафиксированы в верховьях реки Свислочи – левого притока Немана и дальше распространяются в пределы Польши; на северо – западе эти памятники выходят на территорию современной Литвы (рис. 1).

Как видно из карты, на очерченной территории каменные могильники располагаются не равномерно, а группами. В первую группу входят памятники, которые находятся в правобережье Немана. Вторая группа очерчивается в левобережье Немана; третья группа располагается в Побужье и верховьях Ясельды. Четвертая группа состоит из единичных памятников, или небольших их групп – по 2–3 – по рекам Вилии (Нярис), Березине (Днепровской) и её притокам, а также по левым притокам Западной Двины. Памятники этой группы, как правило, смешанного типа: включают курганы и каменные могилы (Борисовский, Докшицкий, Глубокский, Лепельский,

Ушачский, Березинский и другие районы).

Отмеченные территориальные группы памятников (об этом подробнее ниже) отличаются между собой некоторыми особенностями погребального обряда, инвентаря, а также хронологией. Неодинакова степень их изученности.

Устройство каменных могильников и типы могил

Во время исследований было замечено, что количество погребений в каменных могильниках разное. Например, в могильниках у д. Ростевичи, Снежная (бывший хутор Красница) насчитывается не более 20–25 погребений. В могильниках же около д. Вензовщина (Борок), Кукли, Клепачи (оз. Бездонное) насчитывается до 150–250 погребений. Обычно же количество могил, видимо, не превышает 60–100 (напр. могильники у д. Мипевщина, Новоселки Волковьеского района, Новоселки Зельвенского района и др.).

В отчетах и публикациях предыдущих исследователей отсутствуют известия об устройстве изученных каменных могильников. Только в одном случае при описании каменного могильника у д. Дворчаны В. А. Шукевич отмечал, что “во взаимном расположении могил замечена симметрия: тянутся они по несколько в рядок с востока на запад” (Дело 90/1894, л. 71). Поэтому далее, при описании устройства могильников, как и при классификации могил, автор будет опираться, в основном, на результаты собственных исследований.

Изучение каменных могильников показало, что в расположении могил наблюдается система: тянутся они неровными рядками в направлении с

северо – востока на юго – запад (напр., Вензовщина (Борок), Дворчаны), либо с юго – запада на северо – восток (напр., Новоселки Зельвенского района). На могильнике у д. Клепачи (оз. Бездонное) наиболее древние захоронения были скопцентрированы в центральной части могильника, а более поздние – по краям. Таким образом, во всех случаях наблюдается последовательность захоронений. Очень редко фиксировали погребения на месте предыдущих.

Интересные сведения об устройстве могильников сообщили жители д. Новоселки Зельвенского района. С древних времен повелось так, что когда площадь могильника была использована, выбирали другое место, обязательно на возвышенности и около воды, и каждый должен был внести деньги за него. Те же, кто не могли заплатить долгу за новый участок на кладбище, продолжали хоронить на древнем кладбище. Хоронить на новом могильнике не начинали до тех пор, пока не умирала девушка. Её первую хоронили на новом кладбище, как правило, в центре площадки. Так начиналось каждое новое кладбище. Обычно на одном могильнике хоронили умерших из нескольких близлежащих деревень.

Недалеко от д. Пожарцы (Поставский район) в лесу находился старый могильник. Все погребения сверху были обложены камнями в виде круга. В центре могильника лежал большой камень с изображением свастики (Поболь Л. Д., 1979, с. 89, № 251).

Во время исследований было замечено, что могилы располагаются группами – по 2–5, что позволило сделать вывод о семейном характере погребений. Могилы в таких группах находятся рядом, часто включают подзахоронения. Явление это характерно для всех

изученных могильников рассматриваемого типа.

В отмеченных группах могил наблюдается следующее: погребения обычно располагаются не параллельно, но всегда сдвинуты в ту или иную сторону в отношении одно к другому; находятся под углом одно к другому и т. д. Такой "беспорядок" в группах могил объясняет народное поверье, бытующее и в наше время среди жителей Щучинского и Мостовского районов Гродненской области. Согласно ему, если умерших родственников хоронить ровными рядками, так ровными рядками поляжет весь род, это значит – вымрет весь род.

Следует сказать, что поверье это ранее существовало на значительно большей территории, чем это было зафиксировано нами. Этот обычай замечен почти во всех изученных памятниках рассматриваемого типа и расположенных не только в Щучинском и Мостовском районах.

К особенностям рассматриваемых памятников относится обычай сооружения каменных кладок над погребениями. Кладку сооружали из простых камней, обычно в один, редко – в два слоя (напр., д. Подрось, Дворчаны, Вензовщина (ур. Гончариха). Размеры кладок различные и варьируют в пределах от 3,2x1,3x0,25 м до 1,9x1,8x0,2 м. (см. приложение, таблица 1). Кладки над погребениями часто частично или полностью разрушены.

Замечено, что кладки отличаются между собой формой и способом положения камней. Исходя из этих двух основных признаков выполнена классификация кладок, выделены среди них типы и варианты.

Тип I. Кладки круглой формы. По краям их располагались камни больших, чем в центре, размеров, в качестве обрамления. В результате, края были

выше чем центральная часть кладки. Этот тип кладок является производным от курганов. Например, есть описание внешнего вида могильника на Спигальском переезде, сделанное Я. Дроздовичем. Он отмечал, что этот могильник переходного типа – от круглых волоотовок (курганов) в округлые, вымощенные круги, а из кругов – в прямоугольник, с мелкими камнями могилы и с высокими плитообразными камнями в изголовье. (Дроздович Я., 1989, с.14–15). Л. В. Дучиц отмечала кладки круглой формы на могильнике у д. Морговица (ур. Христинины Лядцы) (Дучиц Л. В., д. 1130). Могилы здесь отмечены кладками из камней в форме круга диаметром 2,5 м; одна могила имела кладку прямоугольной формы.

Кладки круглой формы зафиксированы Э. А. Вольтером на могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха); автором – на могильнике "Борок", над могилами 3 и 4 (раскоп 3); раскоп 6, могила 18 (рис. 3:1). Кладки круглой формы зафиксированы В. А. Шукевичем на могильнике у д. Дворчаны и Вензовщина (ур. Гончариха) (рис. 3:2).

Тип II. Вариант А. Кладки – вымостки овальной формы, выполнены аналогичным описанному выше способом (рис. 3:3). Они зафиксированы на могильниках около д. Вензовщина (Борок), Подрось.

Вариант Б. Кладки овальной формы, выполнены аналогичным описанному выше способом. В изголовье отмечены камни больших, чем в кладках размеров, без следов искусственной обработки (рис. 3:4). Такие кладки зафиксированы на могильнике у д. Вензовщина (Борок).

Вариант В. Кладки овальной формы, выполнены из камней почти одинаковых размеров, в результате края и

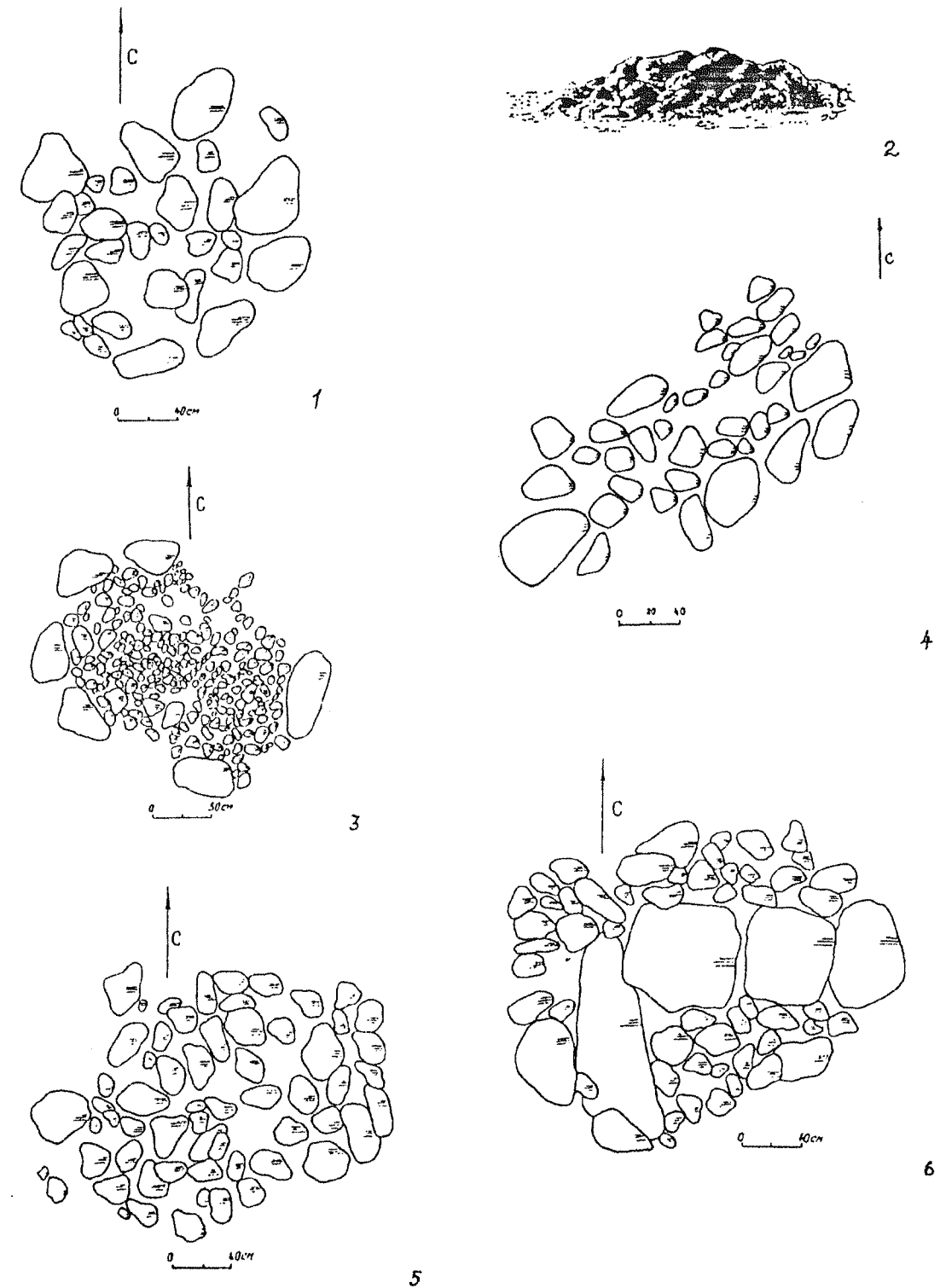

Рис. 3. Типология каменных кладок, тип I: 1 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 6, мог. 18; 2 - д. Вензовщина (ур. Гончариха), раскопки В. А. Шукевича; тип II: вариант А - 3 - д. Подрось, мог. № 15; вариант Б - 4 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 1, мог. 3; вариант В - 5 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 6, мог. 3; вариант Г - 6 - д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 8, мог. 2.

центральная часть одинаковой высоты (рис. 3:5). Выявлены на могильниках у д. Вензовщина (Борок), Подрось.

Вариант Г. Кладки овальной формы, выполнены из камней разных размеров, положенных следующим образом: в центре располагались камни (изредко плитообразные) больших размеров, а по краям – средних и малых размеров. В результате центральная часть была выше, чем края. В изголовье, а часто и в ногах погребений помещены камни больших размеров. В изголовьи наряду с природными, отмечали камни со следами подтески по бокам, подтреугольной формы вверху (рис. 3:6). Такие кладки зафиксированы на могильниках у д. Клепачи (оз. Бездонное), Волча.

Тип III. Вариант А. Кладки прямоугольной формы. Обрамление их, как правило, выполнено из камней больших, чем в центральной части, размеров. В результате края были выше, чем центр (рис. 4:1). В изголовье поставлен камень больших размеров, часто подтреугольной формы вверху, без следов искусственной обработки. Такие кладки зафиксированы на могильниках у д. Подрось, Перевоз, Волча, Вензовщина (Борок) и других памятниках рассматриваемого типа.

Вариант Б. Кладки выполнены из камней почти одинаковых размеров, положенных в несколько параллельных рядков. Часто в изголовье отмечали камни больших размеров. Форма этих кладок – прямоугольник (рис. 4:2). Зафиксированы на могильниках у д. Щурок, Клепачи (оз. Бездонное), Перевоз, Кукли.

Вариант В. Кладки прямоугольной формы, камни в них положены в 3–4 параллельных рядка (рис. 4:3). Причем в центре располагались камни больших размеров, чем по краям. Зафикси-

рованы на могильниках у д. Клепачи (оз. Бездонное), Волча.

Вариант Г. Кладки прямоугольной формы, сооружены из камней, положенных в 3–5 параллельных рядков. По краям располагались камни больших размеров. В изголовье и в ногах погребений установлены большие камни. На некоторых из них имеются выбитые кресты (рис. 4:4). Отмечены на могильниках у д. Клепачи (оз. Бездонное), Новоселки Зельвенского района, Миневщина.

Вариант Д. Кладки прямоугольной формы, сооружены из камней почти одинаковых размеров, положенных в 3–5 параллельных рядка. В изголовье и в ногах погребений стоят большие камни со следами искусственной обработки (тесанные по бокам). На камнях, которые стоят в изголовье, имеются выбитые кресты (рис. 4:5). Зафиксированы на могильниках у д. Перевоз, Клепачи (оз. Бездонное), Миневщина и др.

В таблице 1 (см. приложение) имеются данные о размерах и формах кладок, которые сохранились полностью или имели незначительные повреждения, и которые не мешали определить их форму и размеры. Приведенные данные показывают, что в количественном отношении отмеченные типы кладок распределились следующим образом. Круглой формы – 11, овальной – 90, прямоугольной – 74. Таким образом, кладки круглой формы над грунтовыми захоронениями распространения не получили. Вообще, на наш взгляд, их следует рассматривать как повторение формы кургана, которые могли сооружать в самом начале перехода от курганных погребений к грунтовым. Распространяются кладки овальной и прямоугольной форм.

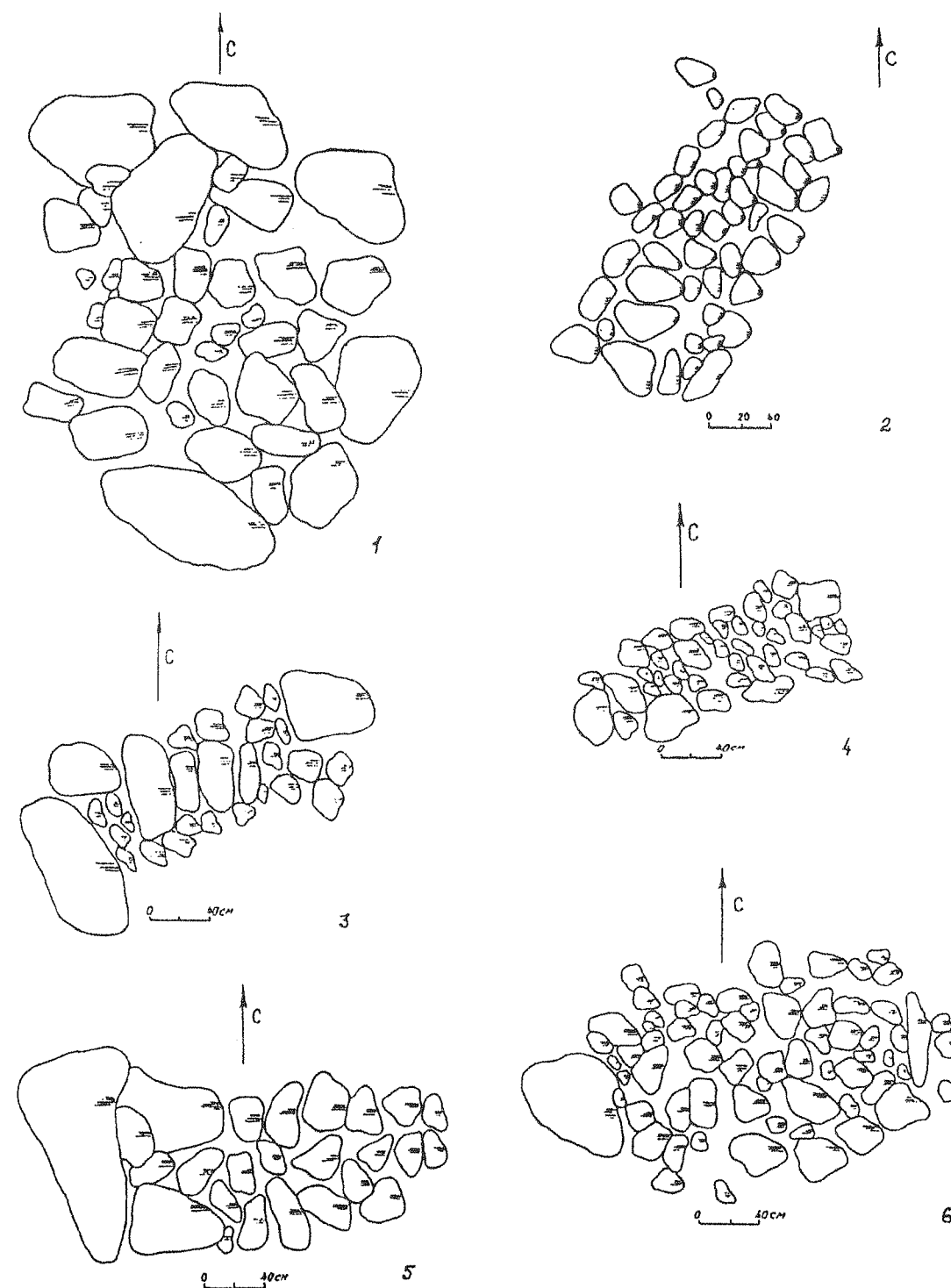

Рис. 4. Типология каменных кладок, тип III: 1 – вариант А, д. Перевоз, мог. 5; 2 – вариант Б, д. Вензовщина (Борок), раскоп 6, мог. 19; 3 – вариант В, д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 1, мог. 3; 4 – вариант Г, д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 1, мог. 8; 5 – вариант Д, д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 1, мог. 7; 6 – кладка конца XVII в., д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 3, мог. 4.

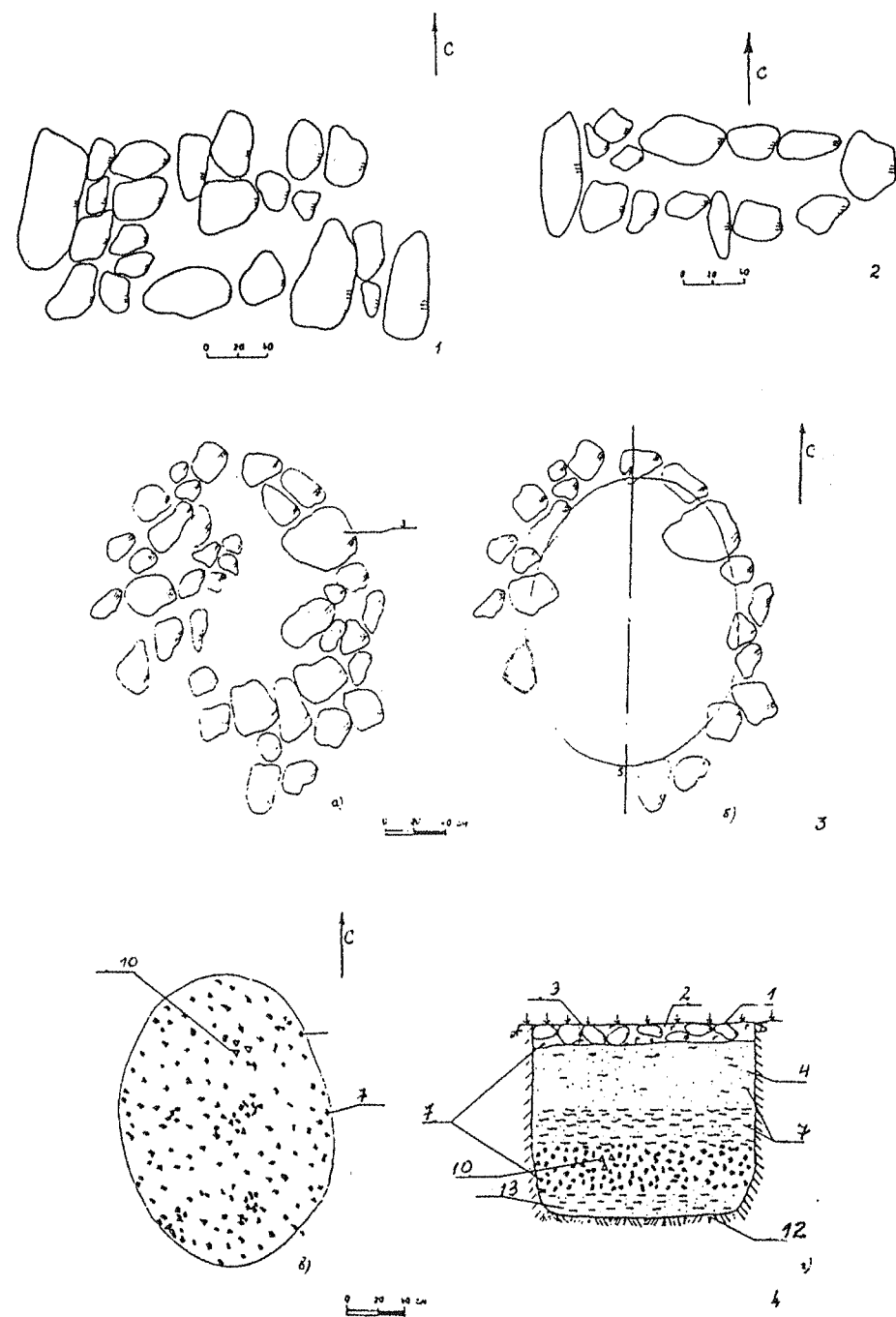

Рис. 5. Типология каменных кладок: 1, 2 – кладки конца XVII–XVIII вв. (д. Ростевичи, мог. 1, 2). Типология погребального обряда: 3, 4 – вид 1, тип II – д. Вензовщина, раскоп 4, мог. 6.

Условные обозначения: 1 - дневная поверхность, 2 - гумус, 3 - камни, 4 - песок, 5 - глина, 6 - песок с гравием, 7 - угли и зола, 8 - древесный тлен от обставок или домовин, 9 - кости скелета, 10 - фрагменты керамики, 11 - кострище, 12 - материк, 13 - суглинок.

Обычай сооружения каменных кладок над погребениями не исчезает в конце XVII в. Исследования сельских кладбищ XVIII–XIX вв. на территории Гродненщины, Витебщины, Брестщины и Минщины – это значит в пределах распространения каменных могильников – показали, что над захоронениями по-прежнему продолжали возводить каменные кладки (Саливон И. И., Тегак Л. И., Микулич А. И. 1976, с. 32–39). В изголовье погребений ставили камни подтреугольной формы вверху со следами подгески, высотой до 1–1,2 м (напр. Ростевичи, Осетище, Перевоз, Волча, Миневщина, Новоселки Волковысского района и др.). На этих камнях есть, как правило, выбитые кресты, крестообразные и другие изображения. В это время в изголовье некоторых погребений вместо большого валуна ставили каменные кресты (Осетище, Алферовщина). Явление это более характерно для могильников XVIII–XIX вв. Витебщины и Минщины. В одном случае каменный крест зафиксирован в изголовье по-

гребения начала XIX в. на могильнике у д. Коматово (Гродненский район).

Каменные надмогильные кладки этого периода представлены двумя основными типами. Первый тип – это кладки удлиненно – овальной формы, положенные бессистемно из камней средних и малых размеров плотно в один слой. В изголовье и в ногах таких кладок прослеживаются большие камни (рис. 4:6). Кладки этого типа зафиксированы на могильниках у д. Ивашковичи, Ростевичи, Новоселки Волковысского района. Второй тип – это кладки, выполненные из камней средних и малых размеров, положенных в 4 или 2 параллельных рядка (рис. 5:1,2). В изголовье и ногах погребений отмечены большие камни.

Приведенные типы кладок конца XVII – начала XX вв. имеют прямые аналогии среди кладок предыдущего времени. В количественном отношении они представлены почти поровну и нельзя сказать, что какой – либо один тип преобладал над другими.

Г Л А В А III

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Погребальный обряд каменных могильников Беларуси представлен двумя видами: трупосожжениями и трупоположениями. Несмотря на то, что на сегодняшний день количество погребений по обряду трупосожжения в каменных могилах известно в незначительном количестве, мы всё же считаем необходимым рассмотреть их отдельно. Нужно отметить, что в двух случаях погребения по обряду трупосожжения выявлены во время исследования могильников среди подавляющего большинства погребений по обряду трупоположения. И только в одном случае – это могильник, в составе которого были курганы с трупосожжениями, которые постепенно понижались и превратились в ровную площадку, покрытую камнями. Это значит, произошла эволюция конструкции погребального сооружения, которая не затронула погребальный обряд.

В основу классификации погребального обряда каменных могильников Беларуси положен не только видовой признак, который позволил весь материал, что имеем сегодня, разделить на две группы. Следующий шаг в классификации погребального обряда заключается в том, чтобы в каждой группе древностей выделить типы и варианты. При этом за основу был взят принцип следования от сложного к простому. Учитывалось то, что языческий погребальный обряд был

многокомпонентным, а христианский отличается от него максимальной простотой. Как раз, на примере нами рассматриваемых памятников, и зафиксированы изменения, которые произошли в погребальном обряде населения и определена причина этих изменений: смена идеологических воззрений общества. Однако нельзя сказать, что процесс перехода от языческого погребального ритуала к христианскому был одноактным. На протяжении долгого времени (это будет показано ниже) население, по – прежнему, во время захоронения умерших придерживалось старых традиций и это также хорошо прослеживается по материалам рассматриваемых памятников.

Каменные кладки как отражение погребального обряда

“Нельзя сказать, что культ камня в прошлом белорусского народа был оригинальным явлением, как и нельзя сказать, что он позаимствован у других народов. Он вынесен им из седой старины, от пращуров и удерживался до наших дней, подвергаясь разным изменениям. Так что многое из первобытных верований и преданий белорус забыл и создал новые мотивы. Возможно, что некоторые мотивы, близкие к верованиям и взглядам белоруса, были заимствованы от

соседних народов, также как могли позаимствовать их у белоруса его соседи – вера в камни возростала органично тысячелетиями во всем человечестве” (Мялешка М., 1928, с. 179).

В повседневной жизни поклонение камням было связано с поклонением богу Перуну – громовержцу (Перкунасу у литовцев). Его представляли в образе сурового мужчины, вооруженного топором, мечом, кремнем – камнем и др. Перуна считали покровителем воинов. Считалось также, что Перун держит в руках большие жернова. От удара каменной блистала молния, а от трения между жерновами раздаётся гром. Осколки жерновов падают на землю. Отсюда каменные ножи, топоры и наконечники и сегодня называют перуновыми стрелами. Белорусский крестьянин чаще пользовался словом “перун”, чем “молния” или “гром”. Издавна слово это используют в проклятиях, клятвах, соглашениях.

П. М. Шпилевский писал, что в Беларуси возвышенности называют Перуновыми Горками. На таких горках располагались капища, посвященные Перуну (Шпилевский П. М., 1992, с. 106–107).

Замечено, что особым почитанием пользуются камни – следовики, это значит такие, которые имеют отпечатки ступни или руки человека, лапы животного и т. д. Важное место занимают и так называемые валуны – оборотни. В основе преданий, связанных с ними, лежит представление о превращении людей, животных и стросний в камни (см. II главу). Кстати, легенды и предания, которые говорят о превращении людей и животных в камни, как правило, подчеркивают, что во время их превращения ударил Перун. Э. А. Левков, который посвятил культовым камням Беларуси специальную работу (Ляўкоў Э. А., 1992) пишет, что “с балтским периодом,

скорее всего, связано поклонение валунам с именами Змиев Камень, Ужиный Камень, Дева – Блюдас, Девиный Камень” (Дуниц Л. В., Левков Э. А., 1989, с. 56), (напр. названия каменных могильников около д. Угольники – Девиц – Могила, Первомайск – Дуниц – Могилицы).

Многим культовым камням не только в прошлом, но и сегодня носят подарки. Среди таких подношений этнографы XIX в. называют поросят, овец, телят, полотно, лен, хлеб, водку, мед, вино, деньги, конфеты и др. В наши дни приносят цветы, яблоки, груши, яйца, хлеб, конфеты, пироги, печенье, деньги металлические и бумажные; на соседних деревьях одновременно развешивают полотенца, ленты, небольшие передники.

Интересные черты культа камня зафиксированы и сегодня на рассматриваемой территории. На Гродненщине и на юге Витебщины во дворах и в полисадниках часто можно видеть средних размеров валуны, которые специально приносят сюда в честь какого – либо события, например свадьбы сына или дочери, или просто, без всякой связи с событиями. И на вопрос, зачем нужен камень, ответ получали неизменный: “Пусть лежит, он вреда не делает”. Очевидно, что эти камни выполняют роль своеобразных оберегов.

Около почитаемых камней ставили кресты, капища, церкви (напомним, что камень с могильника у д. Клепачи (оз. Бездонное) в виде женской фигуры с косою был взят в церковь и считался святым). Не так давно к священным валунам совершали крестные ходы. Тут молились о здоровье и благополучии. Целебной считалась и вода, собранная с углублений на поверхности валуна.

С XVI в. начинается активная борьба церкви с язычеством, во время которой

были уничтожены многие культовые камни. Особенно старательными в этой борьбе показали себя иезуиты, деятельность которых в Беларуси принадлежит на конец XVI–XVII вв. В это время многие почитаемые камни были разбиты и закопаны в землю. Местное население всячески сопротивлялось этому и отстаивало святой валун, часто откапывая и пряча его среди болот или в гуще лесов; помещали в изголовье погребений на могильниках (см. II главу). Считалось также, что куски разбитых камней имеют чудодейственную силу.

Совершенно естественно, что такое большое значение, которое придавали культу камня в повседневной жизни (по причине их большой пользы для человека), должно было найти отражение и в погребальном обряде. Использование камней в погребальных сооружениях известно с давних времен. Еще в эпоху неолита и бронзы на рассматриваемой территории во время захоронения умерших использовали камни (Чарняўскі М., 1992, с. 6-15). Изучая западно – балтские погребальные памятники исследователи неоднократно отмечали, что для племен западных балтов на протяжении долгого времени было характерным употребление камней в погребениях. Еще в I тысячелетии до Р. Х. у всех западно – балтских племен распространился обряд погребения под каменными курганами. В I тысячелетии после Р. Х. у пруссов и галиндов произошла эволюция погребального сооружения – на смену курганам пришли грунтовые погребения. Тем не менее, употребление камней при сооружении кладок – вымосток сохранялось долгое время. Например, у пруссов обычай этот продержался почти до XIII–XIV вв. (Финно, 1987, с. 414).

Непосредственными соседями пруссов были родственные им ятвяги. В

отличие от пруссо – галиндских племен они сохраняли курганный обряд погребения на протяжении всего I тысячелетия после Р. Х., в отдельных местах древней ятвяжской земли обряд погребения в каменных курганах удерживался до конца XIII в. На смену каменным курганам, как это было и у прусских племен, пришли каменные грунтовые погребения. Таким образом, употребление камней в погребальных сооружениях населения, которое покинуло каменные могильники на рассматриваемой территории, не является случайным, внезапным, а традиционным, возникшим в глубокой древности.

Л. Раухут, который изучал могильники в каменных оградках на территории Мазовии и Подляшья, одной из причин употребления камней в конструкциях этих могил также считает преемственность этой традиции, начало которой наблюдается в эпоху неолита. А делали это, возможно, и по причине того, чтобы звери не разрушали погребения. Например, когда Э. А. Вольтер начал исследования могильника около д. Вензовщина (ур. Гончариха) местные жители очень удивлялись тому, что могилы обложены камнями и высказали мысль о том, что делали это по причине того, чтобы медведи не разрушили погребения и не съедали умерших. Учитывая небольшую глубину могил, мысль эта могла иметь реальные основания. С другой стороны, обкладывали могилы большим количеством камней и тем самым помечали места погребений. Значительно позднее обычай этот фиксировали этнографы, называли его – обряд прикладин: в течении года могилу следовало обложить дерном или камнями.

Прекращение употребления камней в погребальных сооружениях Мазовии Л. Раухут относит к середине – второй половине XII в. и связывает это с

введением христианского обряда погребения (Rauhut Ł., 1971, s. 461). Тем не менее, как отмечал Ю. Талько – Гринцевич, до XVII в. употребляли камни для обозначения погребений на территории ятвяжских племен в Польше (Сувалкия).

Обычай сооружать каменные кладки над погребениями раньше, чем в других местах рассматриваемой территории, исчезает в Побужье, вероятнее всего в XVII–XVIII вв. До конца XIX – начала XX вв. обычай этот господствовал в Белорусском Понеманье и Подвиньи. А в отдельных местах Глубокского, Полоцкого, Городского районов (Витебщина) он дошел почти до сегодняшних дней (наблюдения Л. В. Дучиц). Причем, несмотря на то, что в изголовье ставили крест, могилу, согласно традиции, обкладывали камнями, часто в ногах погребения помещали камни меньших, чем в изголовье, размеров.

Деревянные обставки и конструкции домовин

Л. Раухут, который изучал могильники в каменных оградках на территории Мазовии и Подляшья (Польша) считает, что обычай обкладывать умершего со всех сторон досками возник одновременно с переходом от обряда трупосожжения к обряду трупоположения (Rauhut Ł., 1971, с. 461). П. С. Рыков, который изучал курганы с каменными конструкциями по обряду трупосожжения на стороне неподалеку от станции Сморгонь, отмечал, что “около костей и предметов встречены тонкие пластинки из дерева. Может помещали прах с уцелевшими предметами в ящички или плетенки?” (Рыков П. С., 1914, с. 5). Например, по причине удобства во время доставки

остатков сожжения к месту захоронения: известно, что с той же целью широко употребляли горшки – урны. Таким образом, обычай употреблять дерево во время погребения умерших мог существовать уже в период господства обряда трупосожжения. А сам обычай ограждения умершего от земли с помощью дерева, глиняных урн или просто камней, на наш взгляд, существует с момента возникновения обряда погребения умерших. Очевидно, у каждого народа существовал обычай использования тех материалов, которые имелись в большом количестве. Просто глиняные горшки – урны или камни не подвергаются разложению с течением времени, а дерево не всегда сохраняется в земле.

Все исследователи каменных могильников во время раскопок почти в каждом погребении находили древесный тлен вокруг и над (а изредка и под) скелетами, а также куски досок. (см. приложение, таблица 2).

В. А. Шукевич, исследовавший каменный могильник у д. Вензовщина (ур. Гончариха) отмечал, что “некоторые скелеты в изученных погребениях были прикрыты досками” (Дело № 63/1892, л. 14). В отчете об исследованиях каменного могильника около д. Дворчаны он отмечал, что “часто умершие были обставлены досками, которые выполняли таким образом роль гроба, но никаких металлических креплений не найдено” (Дело № 90/1894, л. 71). В могильниках около деревень Опановцы (XIII–XVI вв.), Пузели (XIII–XV вв.), Первомайск (бывшие Собакинцы) (XIII–XVI вв.), Воробьи (XIV–XVI вв.) – все датировки В. А. Шукевича – в большинстве вскрытых погребений исследователь находил древесный тлен и куски досок от обставок или домовин, что привело его к выводу: “Умершего обставляли

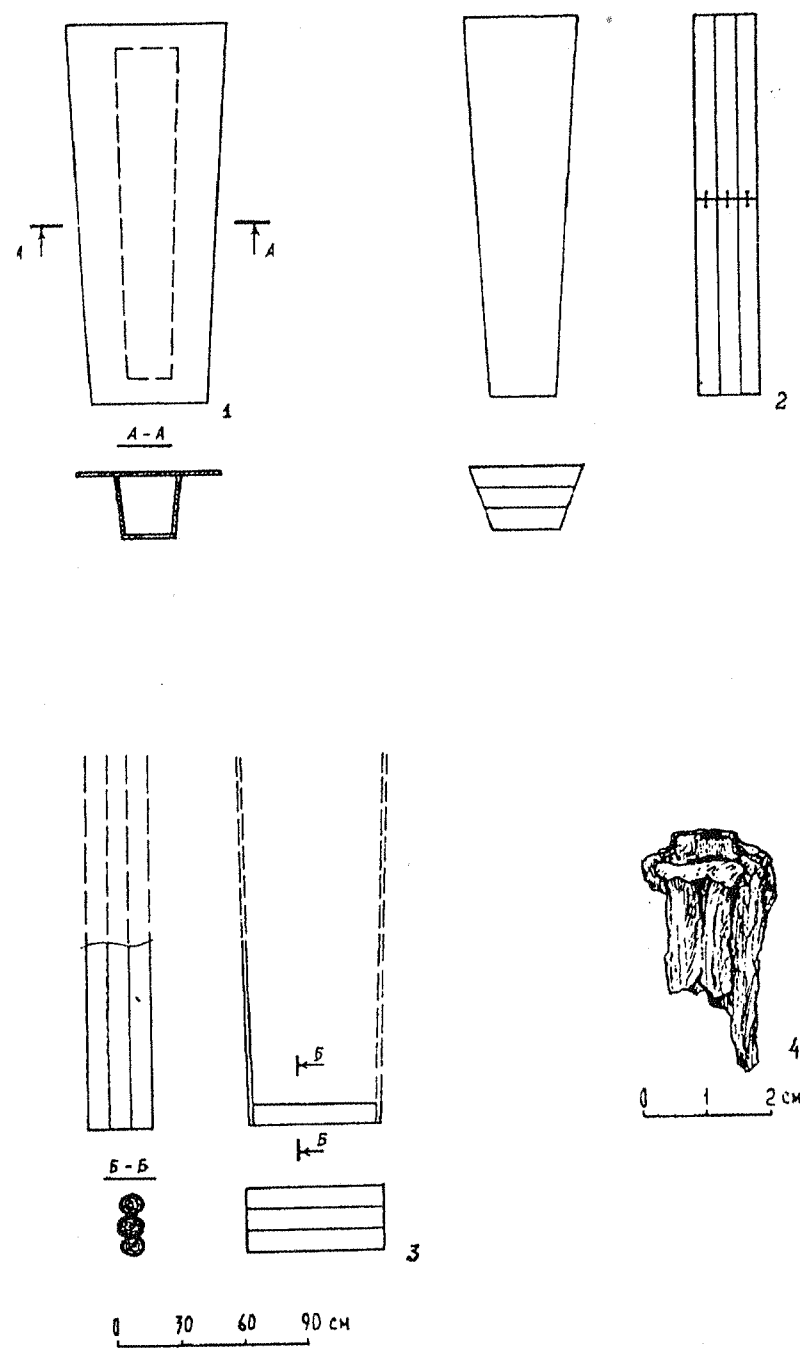

Рис. 6. Типы домовин: 1 — д. Ивашковичи, мог. 1; 2 — д. Новоселки Волковысского района, мог. 1, 2, 4; 3 — д. Миневщина, раскоп 2, мог. 7; 4 — деревянная заклепка от домовины (д. Вензовщина (Борок), раскоп 1, мог. 2).

обычно со всех сторон сосновыми или еловыми досками, а сверху покрывали третьей, но не скрепляли их между собой” (Szukiewicz W., 1899, s. 34).

Автором во время раскопок каменного могильника около д. Вензовщина (Борок) в большинстве вскрытых погребений выявлены древесный тлен и фрагменты досок. Эти остатки показывают, что ширина досок не превышала, вероятно, 15–18 см, толщина равнялась 1–1,5 см. Древесный тлен всегда располагался рядом со скелетами. Наибольшая ширина его в изголовье составляла 0,5–0,6 м; наименьшая — около ступней — 0,25–0,35 м, высота 0,35–0,4 м. Только в одном погребении (раскоп I, мог. 2) найдена деревянная заклепка от домовины (рис. 6:4). Возможно, изредка доски крепились с помощью деревянных заклепок. В могильнике около д. Перевоз скелеты в большинстве изученных погребений лежали на доске, а сверху были прикрыты еще одной доской. В изученных погребениях могильника около д. Горавец скелеты также сверху и с боков были прикрыты плахами. Например, в мог. 2 выявлена деревянная плаха, которая прикрывала скелет, размерами 1,52x0,45x0,05 м.

В отдельных погребениях вместо древесного тлена находили куски веток и коры. Например, в мог. 1 (раскоп 7, Вензовщина (Борок)) за черепом и около плечей скелета нашли куски коры диаметром от 1 до 3,5 см. Видимо, перед захоронением умершего, дно могильной ямы выстилали ветками. Аналогичную картину наблюдали в мог. 3 (раскоп 18) и мог. 4 (раскоп 8), этого же могильника; в мог. 2 (раскоп 1) могильника у д. Миневщина.

Очень редко умершего хоронили, положив на голую землю, это значит не прикрыв его досками или ветками. Такие случаи отмечали во время

раскопок могильника у д. Вензовщина (Борок) — раскоп 14, мог. 5, раскоп 16, мог. 2; д. Перевоз — мог. 6, 11; д. Волча — мог. 1.

Появление собственно домовин (гробов), выполненных из досок, скрепленных с помощью железных гвоздей, на наш взгляд, связано с более глубоким восприятием христианской идеологии и, таким образом, с формированием христианских традиций в погребальном обряде населения, которое оставило каменные могильники. Соответственно новой вере формируется христианский обряд погребения, в котором получило отражение библейское сказание о распятии Христа с помощью железных гвоздей и захоронение в домовине. Это, на наш взгляд, и было причиной появления домовин в современном понимании этого слова.

Как показали раскопки каменных могильников, захоронение в гробу получило распространение с середины XVI в. Согласно христианскому обряду захоронения, умершего хоронили обязательно в гробу. Ю. Ф. Крачковский отмечал, что “когда умрет ребенок и ему делают гроб, так при этом в некоторых местах (напр., д. Верховичи Слоимского уезда) страшатся использовать железные гвозди: иначе в семье не будет больше детей” (Крачковский Ю., 1874, с. 199). Очень интересно в этой связи сообщение Л. Раухута о том, что еще в XIX в. польские этнографы фиксировали существование суеверий, которые запрещали вообще использование в погребальном обряде железа, даже в виде гвоздей к гробу (Rauhut Ł., 1971, s. 461). В. Урбанавичюс, который исследовал грунтовые могильники XIV–XVII вв. отмечал, что в Литве использовали деревянные, выдолбленные из дуба или сбитые из досок, гробы. В XV в. для скрепления гроба начали упот-

реблять железные гвозди (Урбанавичюс В., 1967, с. 9).

Исследования каменных могильников около деревень Кукли, Щурок, Белица, Клепачи (оз. Бездонное), Новосёлки Зельвенского района показали, что часть погребенных были в гробах. Тут найдены сильно поржавевшие гвозди, которыми были скреплены доски. В могильниках около д. Новосёлки Волковысского района, Ростевичи, Миневщина, Ивашковичи во всех изученных могилах найдены остатки гробов.

В 1981 г. на каменном могильнике у д. Ивашковичи вскрыто одно погребение в западной (древней) части памятника. В могиле находился гроб с детским (подросток) скелетом. Гроб хорошо сохранился, выполнен из дубовых досок. Устройство его следующее: три доски – нижняя и боковые – шириной 0,3 м, длиной 1,6 м, толщиной 2,5 см, были соединены между собой с помощью двух маленьких торцевых досок шириной в верхней части 0,3 м, в нижней – около дна – 0,25 м под незначительным углом. Функцию крышки выполняла четвертая большая доска длиной 1,8 м, шириной в верхней части (в изголовьи) – 0,75 м и внизу – около ступней – 0,6 м, толщиной 0,025 м (рис. 6:1).

В мог. 1, 2, 4 у д. Новосёлки Волковысского района умершие были также погребены в гробах. Вокруг скелетов: у плечей, таза, ступней – найдены гвозди, которыми крепили доски в гробах. Положение их позволяет предположить, что гробы были выполнены из досок небольших размеров и на месте соединения (в центре гроба) они были дополнительно скреплены гвоздями (рис. 6:2).

В мог. 7 (раскоп 2) могильника около д. Миневщина были найдены остатки гроба. Он был выполнен из

досок и бревен и имел ящикообразную форму. Боковые стенки выполнены из досок, сохранившаяся длина которых составляла 0,9 м, ширина 0,1 м, толщина 0,02 м. Таких досок было три, следовательно высота гроба составляла 0,3 м. Торцевые стенки выполнены из трех бревен диаметром 0,1 м, длиной 0,6 м. Доски крепились к бревнам с помощью железных гвоздей (рис. 6:3).

Таким образом, в результате раскопок каменных могильников установлено, что умерших во время захоронения обставляли со всех сторон досками, не скрепленными между собой, или изредка скрепляли их с помощью деревянных заклепок. В редких случаях вместо досок дно могильной ямы выстилали ветками деревьев. И только с середины XVI в. появляются собственно домовины, доски в которых скреплены с помощью железных гвоздей. Как деревянные обставки, так и домовины выступают в качестве транспортного средства для доставки умершего к месту захоронения. Они служили также для ограждения умершего от почвы.

Зафиксированные редкие случаи захоронения умерших без обставок или домовин представляются исключением из общего правила. Это могло случиться в экстремальных условиях, например, во время войны или эпидемии, когда нужно было срочно оградить живых от вредного воздействия трупа.

Благодаря сохранившимся остаткам деревянных обставок или древесному тлену удалось проследить форму могильных ям. Замечено, что они, как правило, четырехугольной формы, с закругленными углами и сужаются в донной части. Глубина их в пределах от 0,45 до 1,7 м, а в большинстве изученных погребений не превышала 1 м. (см. приложение, таблица 2).

Ориентировка погребений и положение скелетов

Во время исследований каменных могильников была замечена пестрота в ориентировке погребений. Так, например, в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) Э. А. Вольгер заметил, что скелеты в большинстве случаев были ориентированы головой на запад, а в двух случаях (мог. 4 и мог. 7) – головой на восток (Дело № 43/1889, л. 70–74). Большинство изученных погребений в могильнике у д. Вензовщина (Борок) ориентированы на юго – запад; юго – юго – запад, несколько погребений – на запад. В могильнике у д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича) в двух случаях скелеты лежали головами на север, а большая часть изученных погребений были ориентированы на запад (Szukiewicz W., 1885, s. 143–144). В могильнике у д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича) большинство изученных погребений были ориентированы на юго – юго – запад, юго – запад, изредка – на запад. В мог. № 9 скелет лежал головой на юго – восток, в одном случае – на северо – запад – запад (Дело № 68/1895, л. 36, 41). В могильнике у д. Подрось в мог. 16 скелет лежал на северо – запад, остальные изученные погребения были ориентированы на запад (Jaskanis D., 1962, s. 350). В могильнике у д. Миневщина большинство изученных погребений ориентированы на северо – запад, северо – северо – запад, изредка — на запад, юго – запад, северо – северо – восток (раскоп 3, мог. 10). В могильниках у д. Косовщина, Щурок, Снежная, Новосёлки (Волковысский район), Ростевичи во всех раскопанных могилах скелеты лежали на запад. В могильнике у д. Новосёлки (Зельвенский район) скелеты в изученных погребениях были

ориентированы головами на запад и юго – запад. В могильнике у д. Белица погребения ориентированы на север, северо – запад и запад. В могильниках у д. Горавец, Кукли, Перевоз, Волча, Клепачи (оз. Бездонное) большинство погребений ориентированы на юго – запад, юго – юго – запад, юг и запад. В раскопе 1, мог. 1 (Клепачи, оз. Бездонное) скелет был ориентирован на север; в раскопе 1, мог. 14 – на восток.

В. В. Седов отмечал, что обычай погребения умерших в меридиональном направлении везде от Прибалтики до Северного Урала и Среднего Поволжья на востоке показывает распространность его у суоми, ливов, корелов, ижоры, веси, мордвы, мери, прикамских финно – угров. Обычай погребения умерших головой на юг или север выявляется у некоторых финно – угорских и балтских (напр., ятвяжских – А. К.) племен уже в раннем железном веке, а у мордовских племен удерживался почти до XVII–XVIII вв.” (Седов В. В., 1982, с. 172).

Восточная ориентировка умерших характерна для балтских, например, литовских племен, латгалов. Однако такую “пестроту” в ориентировке погребений нельзя объяснять только этническими особенностями. Следует также учитывать и в какую пору года хоронили умерших. И еще одно, очень важное обстоятельство, которое также влияло на ориентировку погребений – это семейный обряд захоронения. Выше уже говорилось про обычай обязательного смещения погребений по отношению друг к другу, в результате чего нарушалась общая ориентировка погребений. Например, в могильнике у д. Миневщина отдельные могилы образовывали группы, в которых каждая могила была ориентирована с учетом обычая смещения погребений.

Такую же картину наблюдали в могильнике у д. Клепачи (оз. Бездонное) (см. приложение, таблица 2).

Как правило умерших хоронили положив на спину в вытянутом положении. Но известны случаи положения умерших на правый или левый бок. Например, во время раскопок могильника у д. Вензовщина (ур. Гончариха) Э. А. Вольтер отмечал случаи захоронения на левом боку – мог. 5, 9 (Дело № 43/1889, л. 50–74). Автором во время раскопок могильника у д. Вензовщина (Борок) также отмечены случаи захоронения на боку. Например, в мог. 3 (раскоп 4), 5 (раскоп 4), 3 (раскоп 16) скелеты лежали на левом боку, а в мог. 8 (раскоп 8) – на правом. Положение умерших на правый или левый бок встречены исключительно в погребениях с подзахоронениями и не происходят из какого – то особого обряда погребения. На наш взгляд, происходило это в тех случаях, когда за короткий промежуток времени один за другим умирали родственники (два или более человек). И чтобы остановить это (согласно обычаю смещения могил родственников в отношении одна к другой) и с целью достижения большей эффективности, делали своего рода “препятствие” на пути смерти, укладывая умершего на бок.

Положение головы скелетов – разное: на правом или левом боку, изредка – прямо.

Руки умерших сложены по – разному: на поясе; вдоль туловища; скрещены на груди; скрещены на животе; правая рука на левом плече, левая – на поясе; левая – на правом плече, правая – вдоль туловища; правая – на правом плече, левая – на левом; правая – на поясе, левая – вдоль тела и т. д. Такой разницей в положении рук наблюдается в могильниках, датируемых XI–XVI вв.

В конце XVI – начале XVII вв. руки умершим складывали всегда на поясе. Это значит, что согласно христианскому обычаю погребения происходит унификация в положении умерших: теперь их хоронили всегда на спине, в вытянутом положении, головой на запад, со сложенными на поясе руками (см. приложение, таблица 2).

Погребения двоянные, пустые и детские

Подтверждением существования семейного обряда погребения у населения, которое покинуло каменные могилы, служат выявленные двоянные погребения. Их неоднократно фиксировали во время раскопок. Так, в отчете о раскопках могильника около д. Дворчаны В. А. Шукевич писал, что в мог. 3 (12) на глубине 1,06 м лежали два детских скелета, один около другого (Дело № 103/1890, л. 6). Э. А. Вольтер отмечал, что в мог. 8 (Вензовщина) ур. Гончариха) лежал скелет женщины, а на расстоянии 40–45 см от него – скелет ребенка (Дело № 43/1889, л. 70).

В могильнике у д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича) могилы 12 и 13 располагались одна под другой (Дело № 13а/1888, л. 49 и об.). В могильнике у д. Опановцы, в мог. 12 (раскопки В. А. Шукевича) лежали один около другого 4 скелета (Дело № 103/1890, л. 41).

Автором во время исследований на могильнике у д. Вензовщина (Борок) отмечены случаи двоянных погребений. Например, в раскопе 3 мог. 3 и 4 имели общую каменную кладку, расстояние между погребениями составляло 0,3 м. В раскопе 4 мог. 5 найдены два скелета, которые лежали рядом – мужской и на левом боку – детский. Между черепами взрослого и

ребенка были угли. С левой стороны от этой могилы на расстоянии 0,2 м находилась мог. 3. Здесь нашли скелет девочки на левом боку. Очевидно, что эти три погребения составляли семейный комплекс. В раскопе 6, мог. 8 на глубине 0,6 м. находился женский скелет, причем за черепом, впритык к нему лежал камень средних размеров. Под этим погребением на глубине 0,8 м нашли остатки мужского скелета. Видимо, во время погребения женщины, был разрушен мужской скелет. В отношении к мужскому, женское погребение было сдвинуто “вниз”. В раскопе 8, мог. 5 – мужское погребение, скелет лежал на спине, вытянуто, на глубине 1 м. А в мог. 8 – скелет подростка на правом боку, на глубине 0,94 м. Эти погребения имели общую стенку могилы. И хотя выполнены на разной глубине, а мог. 8 в отношении к мог. 5 сдвинута “вниз” – это, несомненно, подзахоронение к мог. 5.

В могильнике у д. Кукли в раскопе 1 зафиксировано несколько семейных погребений. Например, мог. 5а, под ней – мог. 5б. Причем мог. 5а слегка сдвинута “вниз” в отношении к мог. 5б. В 20 см от мог. 5а располагалась мог. 2. Она также сдвинута в сторону в отношении к мог. 5а, 5б. В 20 см от изголовья мог. 5б располагалась мог. 6. Между мог. 4 и 1 этого же раскопа расстояние составляло 5 см. В ногах погребения 7 начиналось изголовье мог. 10. В раскопе 2 между мог. 1 и 3 – наискосок – располагалась мог. 6, а рядом, в 0,35 м от неё – мог. 9 и рядом мог. 7. Причем, погребение 6 частично перекрывало мог. 3. Возможно, что при её сооружении был попорчен скелет в мог. 3. Во время захоронения в мог. 11 было значительно разрушено погребение 8. Мог. 11 частично перекрывала мог. 8.

В могильнике у д. Клепачи (оз. Бездонное) в раскопе 6, мог. 14 и 15 располагались рядом, имели общую стенку могилы. Причем мог. 14 (женское погребение) была сдвинута слегка “вниз” в отношении к мог. 15 (мужское погребение). Мог. 11, 12, 17, 18 составляли единый комплекс с той только разницей, что были выполнены на разной глубине. Так, мог. 12 частично перекрывала мог. 11, погребение 17 было выполнено на глубине 0,75 м, а на глубине 1,07 м находилась мог. 18. Рядом, с южной стороны, к ним примыкала мог. 16. Расстояние между мог. 16 и 17 – 0,2 м.

В могильнике у д. Перевоз в мог. 12 под одной кладкой выявили два погребения, которые были выполнены на расстоянии 0,4 м одно от другого. В мог. 14 под одной кладкой также были два погребения, которые имели общую стенку могилы и находились на разной глубине.

В могильнике у д. Белица в раскопе 1, мог. 2 найдены два детских скелета. В раскопе 2, мог. 1 были 2 скелета: женский и детский.

В могильнике у д. Миневщина в раскопе 2, мог. 6 зафиксированы два детских погребения. В раскопе 3, мог. 6 – женское погребение на глубине 1 м, а с левой и правой стороны от него, в изголовье – по одному детскому погребению на глубине 0,75 и 0,8 м.

Исследования каменных могильников показали, что в погребениях всегда находятся скелеты. Это значит, что пустые погребения для данного типа древностей не характерны. Тем не менее, в одном случае в могильнике у д. Вензовщина (Борок) нами было изучено именно такое “погребение”, в раскопе 3, мог. 5. Длина могильной ямы составляла 1,7 м, ширина 0,7 м, глубина 0,85 м. Над погребением сверху лежали несколько камней. Ориенти-

ровано "погребение" по оси запад – восток. В заполнении его найдены угли и зола, перемешанные с песком. На глубине 0,55–0,65 м были два камня, скелет отсутствовал.

Раскопками выявлено значительное количество погребений совсем маленьких детей и подростков. Обряд погребения в них такой же, как и в могилах взрослых, различия не зафиксированы.

Заканчивая рассмотрение погребений двояких, пустых и детских отметим, что во время раскопок были выявлены погребения разрушенные, в которых находили черепа (иногда по 2) в одной могиле. Целостность погребального обряда в таких могилах, как правило, нарушена, они всегда безинвентарные.

Типология погребального обряда.

В виду того, что обряд трупосожжения предшествовал обряду трупоположения, мы и будем рассматривать их согласно этому порядку.

Вид I, тип 1. Погребальный обряд зафиксирован на могильнике около д. Маркененты (раскопки П. С. Рыкова) (Рыков П. С., 1914, с. 5–7). Выглядел следующим образом. Непосредственно под камнями кладок и среди камней, на глубине 0,1–0,15 м располагались черепки битых горшков, пережженные кости и предметы погребального инвентаря. Здесь остатки трупосожжения, совершенного на стороне, и предметы инвентаря помещали прямо на земле, в специально предназначенном для погребений месте, а сверху покрывали камнями. Возможно, что остатки кремации помещали в глиняную урну, о чём могут свидетельствовать найденные черепки битой посуды. Возможно, также, что эти фрагменты посуды – свидетельство совершения на могилах поминок.

Тип 2. Погребения по обряду трупосожжения на месте, в грунтовой яме, выявлены на могильниках около д. Новоселки (Зельвенский район) и Вензовщина (Борок). В последнем камешная надмогильная кладка имела размеры 2,6x2,1x0,25 м. Могильная яма овальной формы длиной 2 м, шириной 1,5 м и глубиной 1,4 м, ориентирована по оси север – юг. Заполнение могилы: под кладкой в слое гумуса были угли; песок с редкими углями толщиной 0,08–0,1 м, песок – 0,26 м, прослойка пепла – 0,2 м, слой угля и пепла (угли жирные наощупь) – 0,3 м. На глубине 0,88–1,0 м от дневной поверхности среди углей собрали фрагменты не менее чем от трех лепных и венчик гончарного горшков, всего около 50 фрагментов. Все они помещались в северной части могильной ямы (рис. 5:3, 4). Кости не выявлены (не сохранились? – А. К.).

Аналогичное устройство погребения с трупосожжением зафиксировано на могильнике у д. Новоселки (Зельвенский район). Только тут, после снятия камешной кладки и разработки гумуса, в котором были угли, началось кострище – это значит, что в отличие от вышеописанного погребения, их не засыпали песком сверху. Среди углей сразу на поверхности могилы (под кладкой) нашли бронзовый бубенчик от украшения конской упряжи. На глубине около 1 м найдены фрагменты от двух лепных и одного гончарного горшков и мелкие пережженные кости голубоватого цвета.

Погребения по обряду трупоположения – вид II – разделяются на два типа.

Вид II. Тип 1. Обряд погребения на могильнике у д. Косово выглядел следующим образом. На площадке могильника лежали несколько больших камней на значительном расстоянии один от

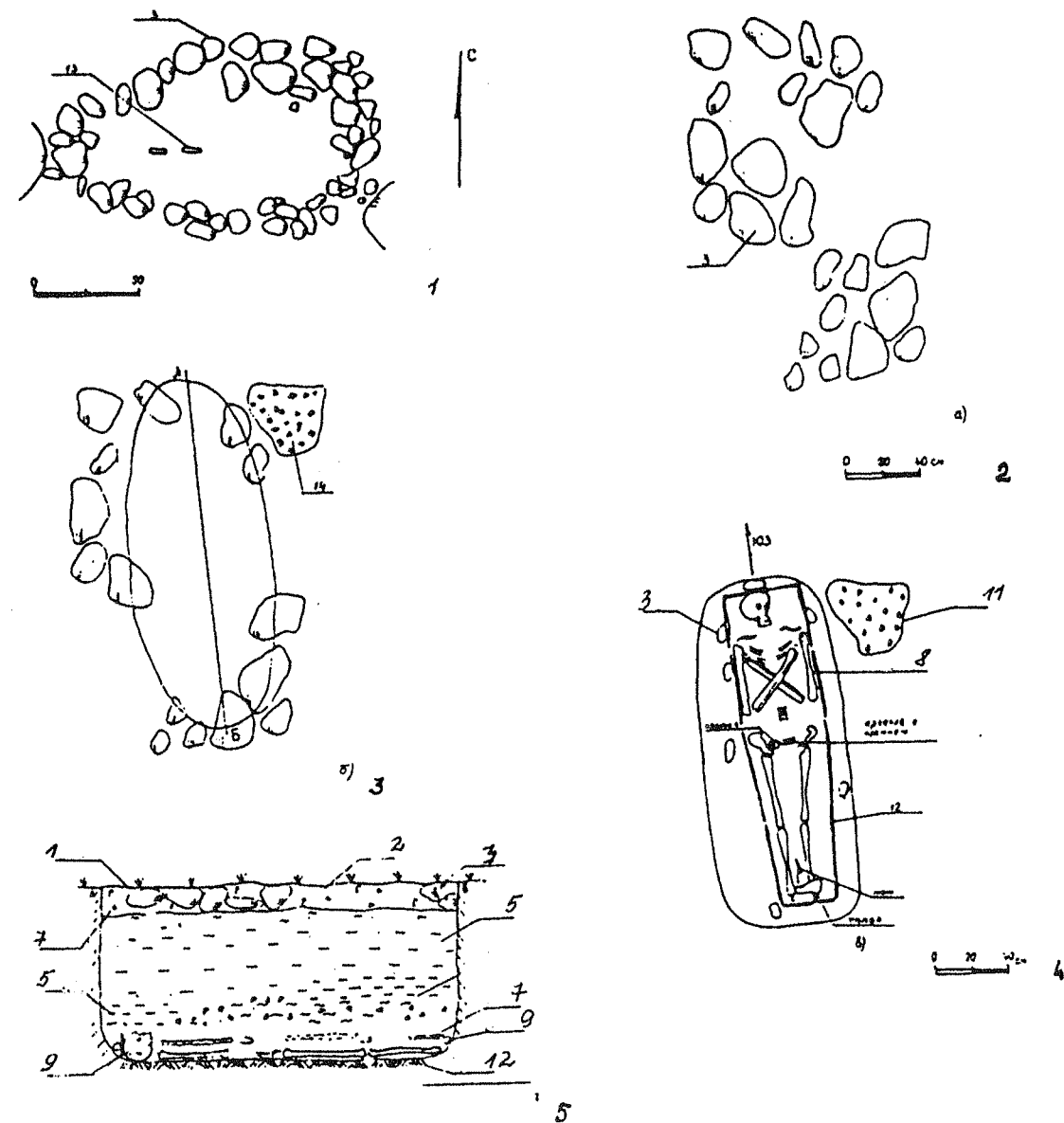

Рис. 7. Типология погребального обряда: 1 — вид II, тип 1, вариант А (д. Подрось, мог. 14); 2–5 — тип II, вариант А (д. Вензовщина (Борок), раскоп 5, мог. 5).

Условные обозначения: 1 - дневная поверхность, 2 - гумус, 3 - камни, 4 - песок, 5 - глина, 6 - песок с гравием, 7 - угли и зола, 8 - древесный тлен от обставок или домовин, 9 - кости скелета, 10 - фрагменты керамики, 11 - кострище, 12 - материк, 13 - суглинок.

другого. Было изучено одно погребение. Под большим камнем были старательно положены мелкие камни, а под ними – человеческий скелет в гробу или на доске. Около ног найдены фрагмент глиняной посуды и железный нож (Штыхов Г. В., 1971, с. 19). Аналогичный обряд погребения зафиксирован на могильнике у д. Белавичи (Покровский Ф. В., 1895, с. 135–136), а также на могильнике у д. Подрось (Jaskanis D., 1962, s. 340–351) (рис. 7:1).

Тип 2. Вариант А. В выкопанную четырехугольную, зауженную в донной части, яму опускали умершего вместе с погребальным инвентарем, обкладывали его со всех сторон досками, а сверху прикрывали еще одной большой доской. В. А. Шукевич отмечал, что “в могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха) и около д. Дворчаны верхняя доска, которая покрывала скелет, часто бывала обугленная, что может свидетельствовать про сожжение на её поверхности сухих веток, так как в заполнении ямы много угля. Доску, однако никогда полностью не сжигали” (Szukiewicz W., 1899, s. 34; дело № 90/1894, л. 71). Этот обряд погребения сложился в начале перехода от обряда трупосожжения к обряду трупоположения. Поэтому в могилах и сжигали ветки, имитируя, таким образом, обряд трупосожжения, который не исчезает и в новом обряде присутствует символически. Угольные прослойки в могилах располагались над всем скелетом, не достигая черепа, а чаще всего – над черепом и ногами, изредка – только над черепом или только над ногами. Мощность этих прослоек от 8 до 25 см. После сжигания веток могилу окончательно засыпали, а на её поверхности снова жгли ветки, справляя поминки. В. А. Шукевич отмечал, что “непосредственно под камнями находятся всегда угли и пепел, а также

черепки горшков, а изредка – кости животных: видимо, это следы совершавшихся на могилах поминок или как их тут называют, хавгуров (“chauturów”) (Szukiewicz W., 1898, s. 224).

Часто около могил фиксировали небольшие кострища, которые располагались в изголовьи – справа или слева, или рядом с могилой. Возможно, угли из этих кострищ использовали во время захоронения умерших, насыпая их в могилы. Но вероятнее всего, появление этих кострищ следует объяснить тем, что в дни поминания умерших, которые совершали несколько раз в год, родственники разводили огонь и приносили жертвы душам умерших.

Наличие угольных прослоек и кострищ связано с поклонением богу огня – Зничу (Жиж, Жижаль). Население, которое оставило каменные могилы, верило в его животворную и очистительную силу, приносило ему жертвы. Зничу жертвовали первый сноп жита нового урожая, который сжигали перед обмолотом. Живым огнем обносили во время эпидемии деревни, поля, когда им угрожали засуха или вымокание. Как символический атрибут огонь входил в многочисленные праздничные обряды и ритуалы, в том числе и в погребальный. И в наши дни на праздник поминания умерших – дяды – на могилах устанавливают зажженные свечи.

Во время раскопок на территории грунтового могильника V–XV вв. в Пагрибис (Западная Литва) выявлены два кострища, в которых найдены фрагменты керамической посуды, в том числе XIV–XVI вв., кости животных, обожженные камни. Такие же очаги выявляли и мы между погребениями в могильниках у д. Вензовщина (Борок), Белица, Кукли и др.

Согласно языческим верованиям, 1 ноября по всей Жемайтии проходил праздник, участники которого собирались около очагов в лесах. Очаг считался местом притяжения душ умерших, как символ неразрывной связи двух миров. В Литве места жертвоприношений носят название алквете. Они располагаются и на территории могильников, а также неподалеку от них, и связаны с почитанием умерших и обрядом их кормления. По мнению М. Гимбутене, только в результате принятых церковными властями мер поминки были перенесены в дома. Археологические же исследования показали, что в Литве в XVII в. собравшиеся на территории могильника люди жгли огонь, приносили жертвы душам умерших (Вайткунскене Л., 1988, с. 167–174).

Интересно отметить, что в некоторых районах Гродненской области существует поверье, согласно которому нельзя есть на могилах, иначе заболешь. Думается, такое поверье могло появиться в те времена, когда церковь активно сражалась против языческих обрядов населения. А одним из таких обрядов и было раскладывание кострищ на могилах и принесение жертв душам умерших, поминание их.

Память про поклонение Зничу сохранилась не только в преданиях и языке. Например, название речек и болот с холодной крыничной водой имеют прямую связь с древним богом огня: Жиглянка, Жигулянка, Жижма (Цярохин С., 1993, с. 15–17).

В изголовье или в центре погребений всегда помещали черепки битых горшков. Как правило, над одним погребением располагались фрагменты от нескольких горшков, обычно не более чем от 3–4. Причем из собранных фрагментов никогда не удавалось полностью восстановить горшок.

Возможно, на могилы во время захоронения умерших приносили уже разбитую посуду или же разбивали её во время поминок и часть фрагментов помещали на могиле, а часть – уносили в другое место. Видимо, горшок рассматривали как символ жизни, а когда человек умирал – его разбивали в знак завершения его земного существования. И наоборот, свержившегося как раз и подтверждает то, что восстановить горшки не представляется возможным. Например, в одном из погребений могильника около д. Новоселки (Зельвенский район) в заполнении могилы над ногами, не достигая костей лежал горшок без донной части. Под каменной кладкой в изголовье одного из погребений могильника у д. Волча нашли горшок без венчика. Под камнями кладки погребения в могильнике у д. Миневщина нашли придонную часть горшка с двумя перстнями в нем. Следует отметить, что в пределах бывшего Кобринского повета Гродненской губернии существовал обычай: чугуны, в котором варились кутья, миску и ложку относили и клали на могилу умершего, причем так, чтобы миска с ложкой находились под чугуном (Пахаванні, 1986, с. 146–148).

Закапывался обряд погребения сооружением каменных кладок над могилами. Изредка в изголовье погребений ставили камни больших размеров, без следов искусственной обработки. Такой обряд погребения зафиксирован на могильниках у д. Вензовщина (Борок и Гончариха), Дворчаны, Пузели, Опановцы, Кукли, в центральной части могильника у д. Клепачи (оз. Бездонное), Белица, Шурок (рис. 7:2–5; 8:5–6; 9:1–3).

Вариант Б. Погребальный обряд, отнесенный к этому варианту, аналогичен описанному выше. Только

после того, как могилу окончательно засыпали и справляли поминки, на поверхность кроме черепков битых горшков клали разные предметы: кресала, поясные железные кольца, бубенчики, ножи, украшения конской упряжи, серьги, монеты. А затем возводили каменные кладки. Зафиксирован в могильниках около д. Кукли, Белица, Вензовщина (Борок), Дворчаны.

Вариант В. Погребения, отнесенные к этому варианту, выполнены следующим образом. В выкопанную яму опускали умершего чаще без инвентаря, обставляли со всех сторон досками. В заполнении могил встречены угли над черепом и ногами, изредка – над всем скелетом, толщиной до 0,1 м. Могилу засыпали. На её поверхности жгли ветки, а затем сооружали каменную кладку.

Но здесь полностью отсутствуют фрагменты керамической посуды под кладками и следы поминок. Такой обряд погребения отмечен в могильниках у д. Перевоз, Горавец. Только в изголовье двух из 22 изученных погребений в могильнике около д. Волча встречены фрагменты керамической посуды. К сожалению, отсутствуют данные о керамическом материале под кладками в погребениях могильников у д. Холхолица, Путилковичи, Августово, Ствольно, хотя погребальный обряд этих памятников идентичен зафиксированному у д. Перевоз (рис. 8:1-4), Волча, Горавец.

Вариант Г. Обряд погребения в могилах, отнесенных к этому варианту выглядел значительно проще, чем в вышеописанных. Умерших хоронили в гробах, доски в которых были скреплены с помощью железных гвоздей, без погребального инвентаря. Угольные прослойки в заполнении могил очень редкие: изредка отмечали единичные угли над черепом. На поверхности

могил жгли ветки, а в изголовье помещали единичные фрагменты разбитых горшков. Как исключение, в раскопе 1 (д. Миневщина), в слое гумуса среди углей нашли днище небольшого горшка, в котором были два перстня. В могильнике у д. Кукли, в раскопе 6 (все погребения безинвентарные), под каменными кладками нашли 2 бронзовых перстня.

Заканчивался обряд погребения сооружением каменных кладок. В изголовьи ставили большие камни, изредка до 1,2 м в высоту, тесанные по бокам. На этих камнях всегда имеется изображение креста. Такой обряд погребения зафиксирован в могильниках, расположенных почти по всей рассматриваемой территории (рис. 9:4-7).

В таблице 3 (см. приложение) приведены имеющиеся на сегодняшний день статистические данные по типологии погребального обряда, который был зафиксирован в каменных могильниках Беларуси от XI по XVII вв. включительно. Если обратиться к карте распространения каменных могильников Беларуси, можно заметить каким образом расположились выделенные типы обряда погребения.

Погребения по обряду трупосожжения (вид I, типы 1, 2) известны только в Понеманье: в правобережье и левобережье (рис. 1). На сегодняшний день они неизвестны в Побужье и в районе левых притоков Западной Двины.

Погребения по обряду трупоположения на горизонте – вид II, тип 1 – зафиксированы только в одной части отмеченной территории – в левобережье Немана (рис. 1).

Погребения по обряду трупоположения в ямах – вид II, тип 2 – на рассматриваемой территории расположились следующим образом: вариант

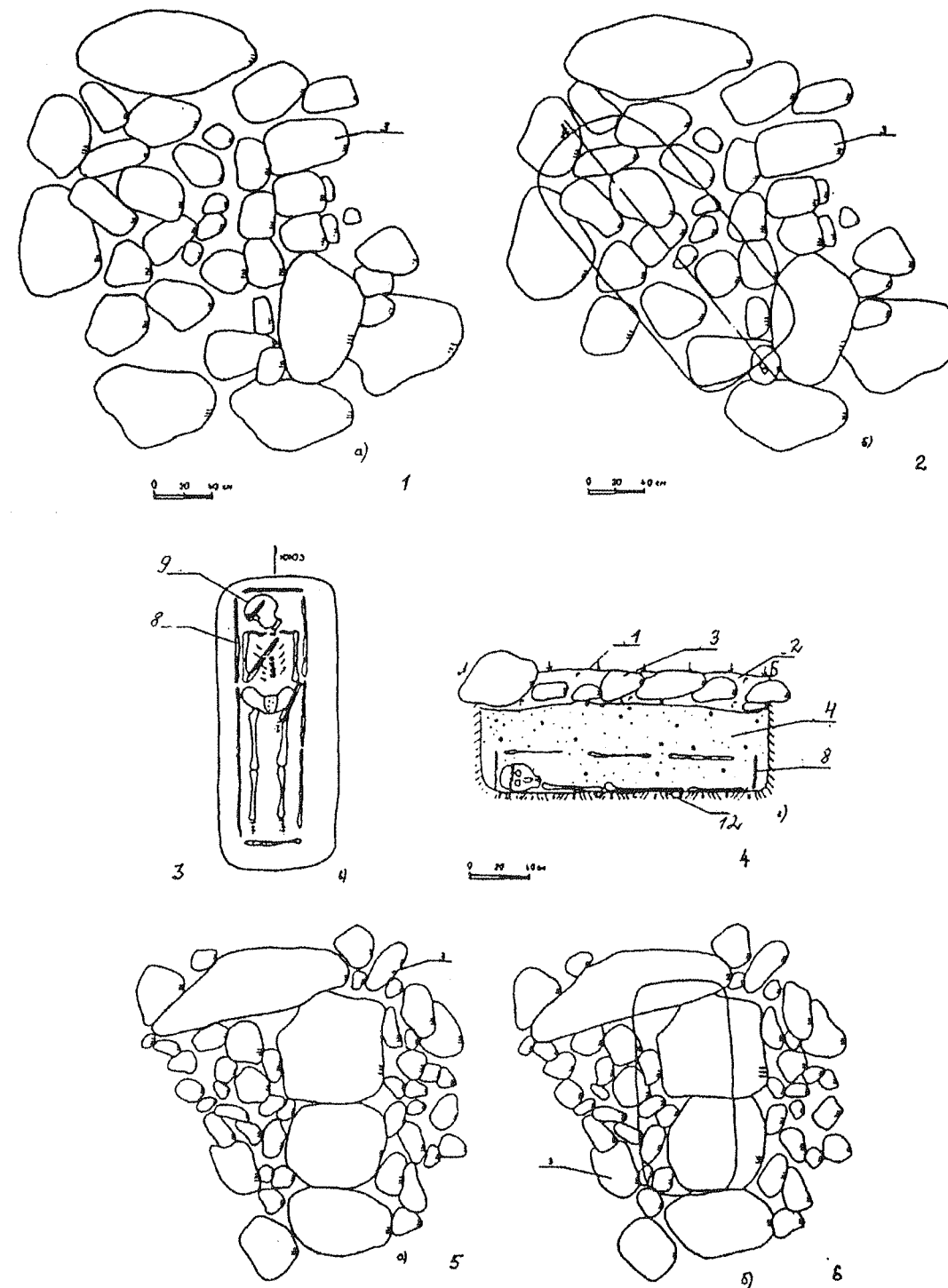

Рис. 8. Типология погребального обряда: 1-4 – вид II, тип 2, вариант В (д. Перевоз, мог. 5); 5-6 – тип 2, вариант А (д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 8, мог. 2).

Условные обозначения: 1 - дневная поверхность, 2 - гумус, 3 - камни, 4 - песок, 5 - глина, 6 - песок с гравием, 7 - угли и зола, 8 - древесный тлен от обставок или домовин, 9 - кости скелета, 10 - фрагменты керамики, 11 - кострище, 12 - материк, 13 - суглинок.

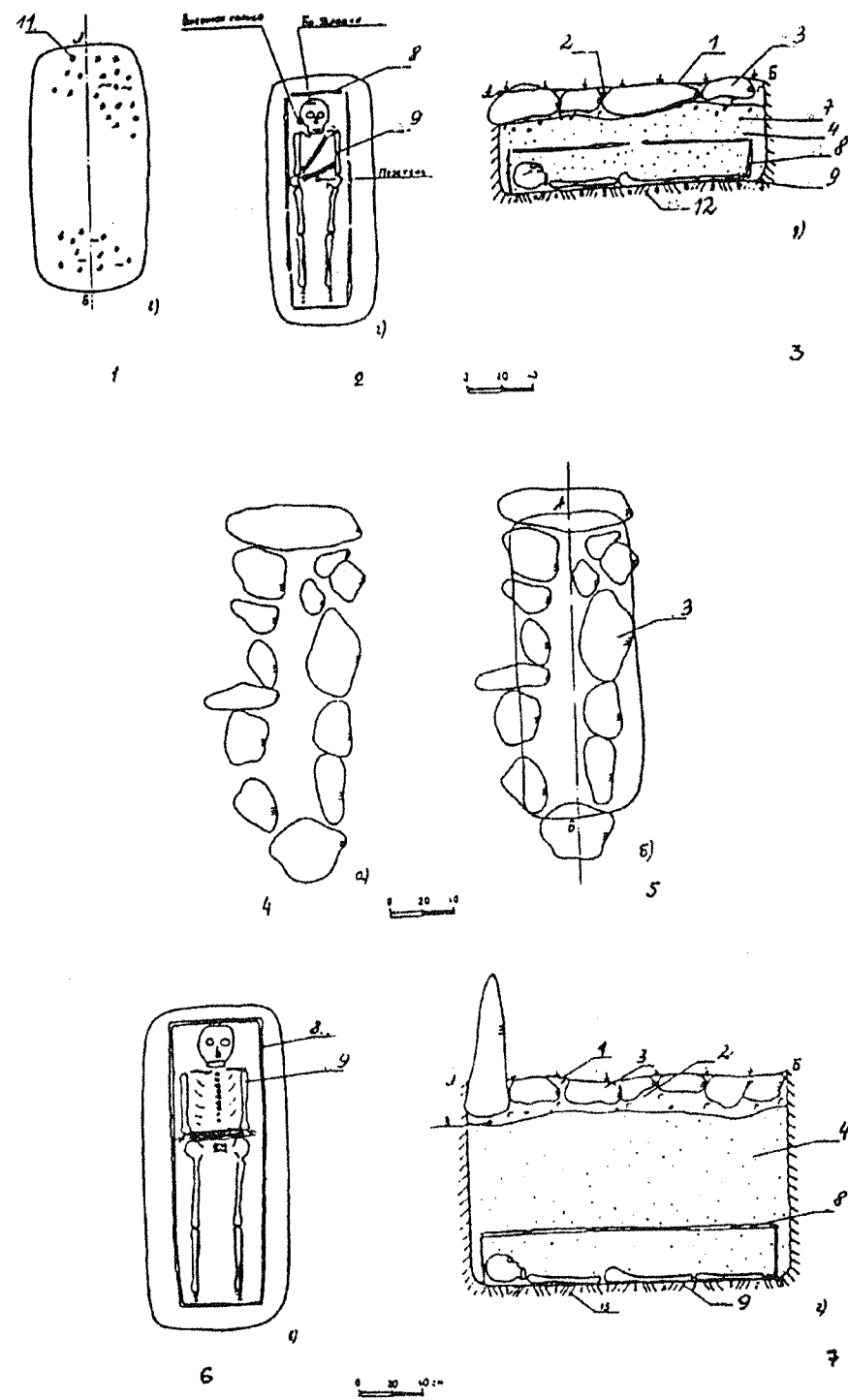

Рис. 9. Типология погребального обряда: 1-3 – тип II, вариант А (д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 8, мог. 2); 4-7 – тип II, вариант Г (д. Ростевичи, мог. 2).

Условные обозначения: 1 - дневная поверхность, 2 - гумус, 3 - камни, 4 - песок, 5 - глина, 6 - песок с гравием, 7 - угли и зола, 8 - древесный тлен от обставок или домовин, 9 - кости скелета, 10 - фрагменты керамики, 11 - кострище, 12 - материк, 13 - суглинок.

А – в Понеманье и в одном случае (д. Млыны, Каменецкий район) в Побужье (рис. 1); вариант Б – в Понеманье (рис. 1); вариант В – только на Березине Днепровской и в районе левых притоков Западной Двины (рис. 1); вариант Г – по всей очерченной территории.

Другие черты погребального обряда и культа умерших

Заканчивая характеристику погребального обряда и культа умерших каменных могильников Беларуси, необходимо остановиться на тех его чертах, которые выступают в единичных случаях. В силу этой единичности и разности они не могут быть классифицированы. Поэтому мы ограничимся простым перечислением их.

I. В семи исследованных погребениях могильника у д. Пузели В. А. Шукевич нашел, что все стены в могилах от дна до верха были выложены камнями. Сверху могилу покрывали каменные кладки овальной формы с большими камнями в изголовье (Szukiewicz W., 1885, s. 144). Обычай обкладывать стены могил камнями зафиксирован в каменных могилах Сувалкии (Польша). Население, которое оставило каменные могильники на рассматриваемой территории, обычай этот не знало.

II. В могильнике у д. Вензовщина (Борок) за древесным тленом от деревянных обставок прослежены камни – 7-12 см в диаметре: раскоп 4, мог. 3; раскоп 5, мог. 5; раскоп 6, мог. 6; раскоп 16, мог. 3 – 5. Аналогичную картину наблюдали в погребениях могильника у д. Кукли: раскоп 4, мог. 5; траншея 1, мог. 1, 2, 6, 7; у д. Волча: раскоп 3, 4, мог. 1, 2; раскопы 5, 6; раскопы 9 – 10, 17.

III. Во время раскопок могильника у д. Вензовщина (Борок) в раскопе 6 мог. 17 (женское) над черепом, не достигая его лежал камень средних размеров; второй такой же камень лежал на ногах; в раскопе 9, мог. 5 (женское) на ногах лежал камень 20-25 см в диаметре.

В. А. Шукевич во время исследования могильника у д. Вензовщина (ур. Гончариха) зафиксировал в мог. 3 справа в ногах скелета булыжник средних размеров (Дело № 63/1892, л. 13).

IV. В могильнике у д. Вензовщина (Борок) в раскопе 7, мог. 4 справа около могильной ямы располагалось кострище общими размерами 1,0x0,82 м, толщиной 0,25-0,35 м. Состояло оно из множества мелких отдельных кострищ диаметром от 0,08 до 0,12 м.

V. В вышеназванном могильнике в раскопе 8, мог. 4 вокруг скелета зафиксированы небольшие (15-17 см в диаметре) кострища: около черепа, плечей, локтей, около правого и левого колена, 1 – в ступнях ног. Скелет был густо обсыпан углями. В раскопе 4, мог. 3 вокруг скелета прослежен древесный тлен, а за ним по периметру могилы лежали камни – 10-12 см в диаметре. За камнями прослежены угли шириной 1,5-2 см. Видимо, в могиле вокруг умершего жгли ветки и, таким образом, имитировали обряд трупосожжения.

VI. В раскопе 16, мог. 7 (мужское) под скелетом находились фрагменты сгнивших досок, а под ними – угли и пепел. Аналогичную картину наблюдали в раскопе 10, мог. 3. Видимо, дно могильной ямы перед тем, как опускать туда умершего, очищали огнем.

VII. В раскопе 6, мог. 5 около черепа найдены кальцинированные фрагменты трубчатых костей и угли.

VIII. В некоторых женских погребениях могильника у д. Волча в ногах

скелетов находили куски спекшейся глины (возможно, от домашнего очага?).

IX. В раскопе 6 могильника у д. Кукли все погребенные по верху деревянных обставок были обмазаны глиной, как-будто замурованы. Прослойку глины толщиной 0,2 м выявили над скелетом в мог. 10 в могильнике у д. Перевоз. В мог. 2 могильника у д. Горавец дно могильной ямы было выстлано слоем глины толщиной от 3 см под черепом до 5 см в ногах скелета. Обычай промазывать дно могильной ямы глиной известен по раскопкам грунтовых могильников XII–XIV вв. прибалтийско – финской группы племен – карелов (Финно, 1987, с. 46).

X. В начале главы уже упоминалось, что одной из черт погребального обряда каменных могильников является наличие битых горшков в изголовье погребений, в слое гумуса под камнями кладок. Изредка черепки посуды

встречали в заполнении могильных ям: раскоп 14, мог. 1; раскоп 18, мог. 2 – д. Вензовщина (Борок); раскоп 1, мог. 1, 7; раскоп 4, мог. 2 – д. Кукли; мог. 3 – Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича) (Дело № 63/1892, л. 13); раскоп 7, мог. 6 – д. Кленачи (оз. Бездонное).

XI. В могильнике у д. Кукли, в раскопе 1, кв. 7 под каменными кладками в слое гумуса найдены мелкие фрагменты пережженных костей.

XII. В шурфе 1 (1981 г.) могильника у д. Белица под дерном на поверхности могилы выявили зубы и трубчатые кости коня. Как известно, обряд погребения с конем зафиксирован у пруссов, особенно в области сембов – натангов. Здесь обычай этот особенно интенсивно проявлялся, как и в центральной Литве, в конце I – в начале II-го тысячелетия (Куликаускаене Р. К., 1953, с. 220–221). Обычай этот был присущ для погребений дружинников.

Г Л А В А IV

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Благодаря раскопочным работам, проведенным на каменных могильниках территории Беларуси, получена большая коллекция разнообразных предметов погребального инвентаря. Коллекции, собранные в прошлом столетии В. А. Шукевичем и Э. А. Вольтером, другими исследователями в наше время представлены частично; они депортированы. Поэтому при характеристике погребального инвентаря эти предметы будут учитываться без указания комплексов. В отчетах В. А. Шукевича по результатам исследований каменных могильников изредка имеются описания найденных комплектов предметов по отдельным погребениям. Эти данные также использованы при рассмотрении погребального инвентаря каменных могильников.

Прежде чем приступить к характеристике погребального инвентаря, следует, на наш взгляд, в отношении рассматриваемых памятников дать объяснение самому понятию “погребальный инвентарь”.

Традиционно под “погребальным инвентарем” подразумевают все те предметы, которые, согласно обычаю, клали в могилы умерших. Как было показано в предыдущей главе, кроме предметов, которые находились непосредственно в могилах около скелетов, под каменными кладками, это значит на поверхности могил, располагались фрагменты керамической посуды, а в некоторых памятниках здесь же находились и разные

предметы. Таким образом, в данном случае мы имеем дело не только с могильным, но и внемогиальным инвентарем, объединенными в общее понятие “погребальный инвентарь”.

В виду того, что первичным является могильный инвентарь, а вторичным – внемогиальный, мы и будем рассматривать их в такой последовательности.

Согласно языческим представлениям, умершему давали на дорогу вечности украшения, орудия труда и оружие, словом все то, что он носил и чем пользовался при жизни. Высокий уровень культуры народа, оставившего каменные могильники, подчеркивал еще В. А. Шукевич: “все предметы выполнены на удивление хорошо, по – мастерски и могут быть сравнимы с лучшими изделиями Запада, что свидетельствует о высоком уровне мастерства местных ремесленников. О местном производстве этих предметов говорит и то, что найдены они в большом количестве на этой земле. Причем все могилы имели инвентарь, что свидетельствует об уважении к умершим, обеспечении их всем необходимым на дорогу пилигримов” (Szukiewicz W., 1906, s. 82–89).

Безусловно, состав инвентаря зависел от пола, возраста и социальной принадлежности умершего. Для женских погребений характерны украшения и немногочисленные предметы быта; для мужских – оружие, орудия труда и быта, изредка – украшения. Исходя из полового диморфизма, весь вещевой материал, который мы имеем, мы

разделили на несколько групп: погребальный инвентарь женских, мужских и детских могил, а также внемогильный инвентарь.

Инвентарь женских погребений

Инвентарь женских погребений разделен нами на следующие категории: украшения, принадлежности костюма, орудия труда и быта, амулеты.

К украшениям головы относятся, прежде всего, бляшки. Выполнены они

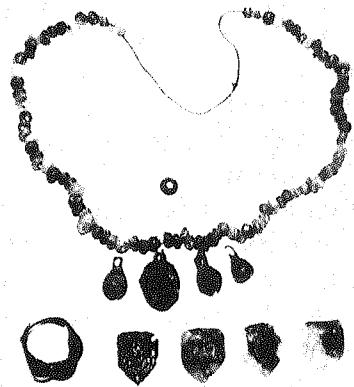

Фото 21. Погребальный инвентарь из раскопа 9, могилы 4: ожерелье из бус и бубенчиков, бляшки от головного убора, перстень (д. Вензовщина (Борок).

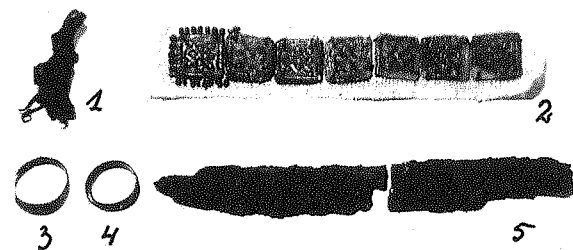

Фото 22. Погребальный инвентарь: 1- клык в бронзовой оправе, 2 - бляшки от головного убора, 3-4 - перстни, 5 - фрагменты ножа из раскопа 1, мог. 9 (д. Кукли).

путем тиснения из серебра с позолотой, бронзы или меди. Рисунок на бляшках растительный, или геометрический. Форма их самая разная: квадратные, треугольные, круглые, пятиугольные, прямоугольные, в форме сердца (рис. 10, фото 21-23). Размеры бляшек варьируют в пределах от 10x10 мм до 22x22 мм и более. Толщина их обычно не превышает 1-1,5 мм. По углам имеются отверстия для пришивания.

Бляшки обычно пришивали на ткань или кожу. Из кожи это была шапочка, в налобной части которой нашивались бляшки в направлении от виска к виску. Например, остатки кожаной племенообразной шапочки, украшенной бронзовыми бляшками, найдены в могильнике у д. Вензовщина (Борок). Части полусферических шапочек из шерсти или кожи, украшенных бронзовыми бляшками, найдены в могильнике у д. Сарай (Kuncienė O., 1979, p. 90, раб. 21:3). В. Антонец считал, что налобные украшения из бляшек четырехугольной формы с тисненым геометрическим или растительным орнаментом и даже изображениями зверей, были украшениями невесты (Antoniewicz W., 1930, s. 121). Р. Волкайте-Куликаускаене отмечает,

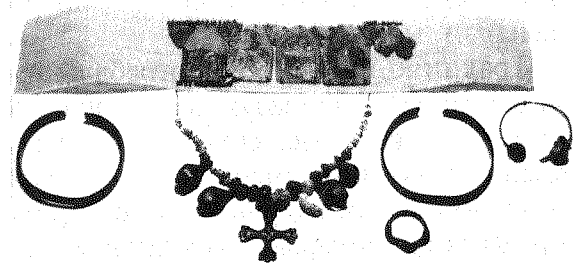

Фото 23. Погребальный инвентарь: бляшки от головного убора, ожерелье из бус и бубенчиков, крестика и раковины каури, браслеты, перстень, фрагменты многобусинного височного кольца из раскопа 3, могилы 4 (д. Кукли).

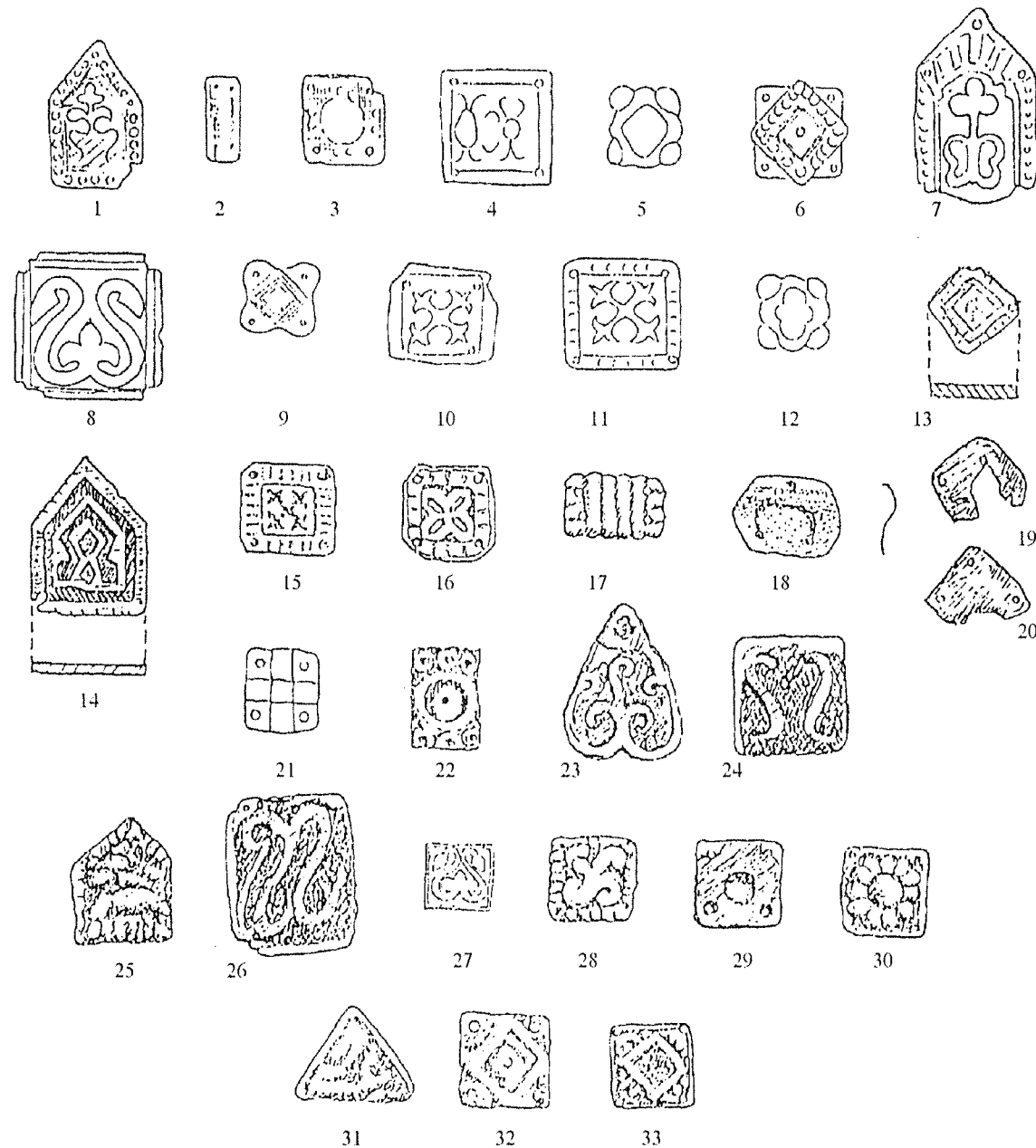

Рис. 10. Бляшки от головных уборов: 1-3 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича); 4-5 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича); 6-12 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 13 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 9, мог. 5; 14 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 9, мог. 4; 15-16 - д. Волча, раскоп 17; 17 - д. Волча, раскоп 5; 18 - д. Волча, раскоп 9; 19-20 - д. Перевоз, мог. 5, 8; 21 - д. Горавец, мог. 2; 22-33 - из раскопок В. А. Шукевича (могильники не обозначены).

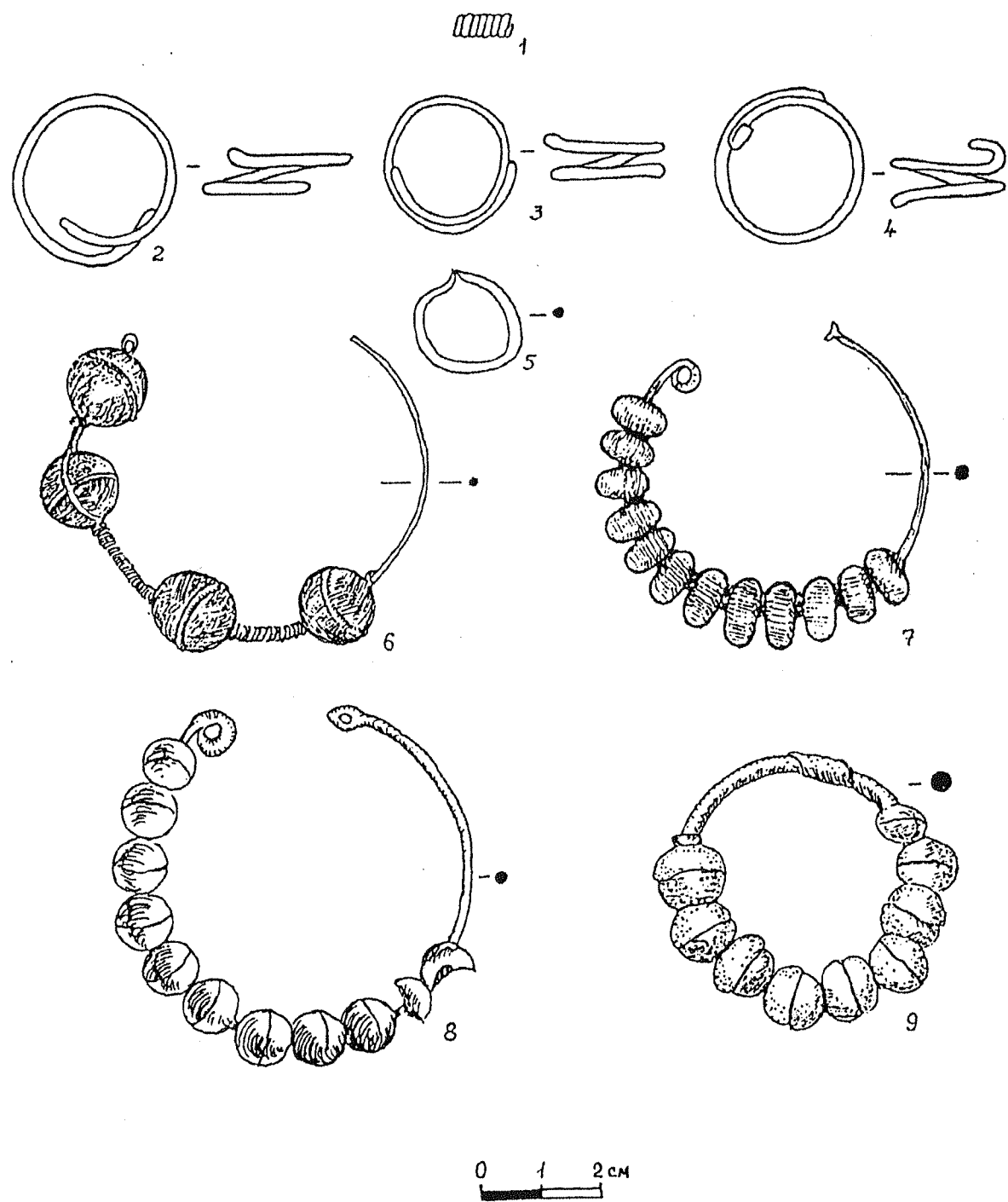

Рис. 11. Бронзовая спираль и височные кольца: 1 - бронзовая спираль из могильника у д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича); 2-4 - полутораоборотные височные кольца (д. Дворчаны, раскопки В. А. Шукевича); 5 - перстнеобразное височное кольцо (д. Волча, раскоп 3). Многобусинные височные кольца: 6 - д. Кукли, раскоп 5, мог. 1; 7 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 6, мог. 17; 8 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 7, мог. 1; 9 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 4, мог. 3.

что шапочки часто богато украшенные бронзой были распространены в I - начале II-го тысячелетия (Волкайте-Куликаускаене Р. К., 1986, с. 152-153). Довольно часто вокруг каждая бляшка была обшита одним или двумя рядками очень мелкого бисера черного или желтого цвета. По мнению Д. И. Фoniaкова, бусинный бисер был характерным украшением в XII-XIII вв. (Фoniaков Д., 1991, с. 55).

Бляшки найдены в женских погребениях могильников у д. Вензовщина (ур. Гончариха), Дворчаны, Пузели - раскопки В. А. Шукевича. В могильнике у д. Кукли, в раскопе 1, мог. 9 найдены бляшки с геометрическим орнаментом, вокруг они были обшиты мелким бисером; в раскопе 3, мог. 4 бляшки больших размеров пятиугольной формы, в верхней части между ними располагались маленькие бляшки треугольной формы. Все они вокруг были обшиты очень мелким бисером черного цвета. Бляшки от головного убора найдены также в могильниках у д. Вензовщина (Борок), Волча, Перевоз, Горавец и др. В таблице 4 (см. приложение) представлены данные о погребениях, в которых были выявлены бляшки от головного убора. Как видно из таблицы, форма бляшек самая разная, но наиболее распространенными были бляшки квадратной формы.

Бляшки от головных женских уборов найдены в каменных курганах у д. Камено (Вилейский район, Минская область) (Зверуго Я. Г., 1989, с. 108, рис. 61:1, 2, 5-12), в могильниках Литвы (Urbanavičius V., Urbanavičienė S., 1988, р. 40, раv. 65:2, 18; 66:7), в древностях селов. Датируются они XII - первой половиной XIII вв.

Бронзовые спирали (рис. 11:1), выполнены из очень тонкой (не более чем 1 мм толщины) проволоки,

относятся к украшениям головы (палобной части) или шеи. Встречены во время раскопок в могильнике у д. Дворчаны В. А. Шукевичем. В могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) В. А. Шукевич в мог. 10 на шее нашел маленькие, из бронзовой проволоки спирали в форме бус, которые были нашиты на кусок кожи (Дело № 103/1890, л. 4). В могильнике у д. Пузели, "в мог. 2 на груди скелета были куски спирали из бронзовой проволоки" (Дело № 13а/1888, л. 49). Известно, что обычай украшать голову или шею бронзовой спирально перекрученной проволокой, присущ балтским народам: куршам, селам, аукштайтам, жемайтам, земгалам, латгалам в период от X до начала XII ст. (Финно, 1987, с. 424, табл. CV:7, 20, табл. CVI:1, табл. CVII:21, табл. CVIII:17, табл. CXIII:7, табл. CXV:18, табл. CXVI:4, 8, табл. CXVIII:1, 2, табл. CXX:14).

В женских погребениях найдены несколько типов височных колец.

1. Полутораоборотные височные кольца (рис. 11:2-4). Эти украшения встречены как на поселениях, так и в погребениях X-XII вв. на очень широкой территории, у западных и восточных славян (волян, древлян, полян, дреговичей). В виду широкой распространенности их нельзя рассматривать как этноопределяющие украшения (Гуревич Ф. Д., 1981, с. 103, рис. 79:1, 2; Зверуго Я. Г., 1989, с. 35, рис. 14:2-3, 6-12; Jaskanis D., 1962, s. 351, табл. X:22-23).

2. Перстнеобразные, проволочные височные кольца (рис. 11:5). Датируются концом X-XII вв. М. В. Седова считает, что этноопределяющими эти украшения не являются по причине широкой распространенности (Седова М. В., 1981, с.15, рис. 3:11).

3. Многобусинные височные кольца (рис. 11:6-9; 12:1-2, фото 23-24).

Аналогичные височные кольца найдены в кургане № 36 у д. Войская (Каменецкий район Брестская область), в могильниках Литвы, в курганах у д. Камено (Вилейский район, Минская область) (Коробушкина Т. Н., 1983, с. 44, рис. 10:6; Kuncienė O., 1979, p. 90, pav. 21:1, 2; Svetikas E., 1988, p. 40, žem. 2; Зверуго Я. Г., 1989, с. 108, рис. 61:13), в Полоцке, Гренске (Ляўданскі А., 1932, с. 245). Датируются XII–XIV вв. Многобусинные височные кольца встречены во время раскопок Дрогичина и каменных могил Подлянья (Гуревич Ф. Д., 1980, с. 48, рис. 2:8). Многобусинные височные кольца в каменных могильниках найдены в комплексе со стеклянными бусами, бляшками, крестиками (в том числе и “скандинавского” типа).

В. В. Седов многобусинные височные кольца относит к типично водским украшениям. Основным ареалом распространения этих украшений он считает северо – запад Новгородской земли. “В пользу водской атрибуции многобусинных украшений, – писал В. Седов, – свидетельствуют и данные этнографии. В прошлом столетии и в начале XX в. в отдельных местах зафиксировано ношение водскими жен-

Фото 24. Многобусинные височные кольца из раскопа 4, могилы 3 (д. Вензовщина (Борок)).

щинами головных колец с нанизанными “дугами” (серебрянными) бусами” (Фипно, 1987, с. 37). Выполнены эти украшения следующим образом. На кольцо, сделанное из проволоки диаметром 5,5–6 см нанизаны бусины, спаянные из двух половинок. Количество бусин – 10–14 штук на одном кольце. Эволюция этих украшений заключалась в уменьшении диаметра проволочного кольца (до 3,5–4 см) и количества бусин до 6–8 штук.

4. Трехбусинные височные кольца (рис. 12:3–6). Эти кольца найдены и в каменных курганах Понеманья (Зверуго Я. Г., 1989, с. 35, рис. 14:4,5). М. В. Седова считает, что они были типичными городскими женскими украшениями. Датируются XII–XIII вв. (Седова М. В., 1981, с. 13–14).

5. Височное кольцо выполнено из тонкой бронзовой проволоки согнутой в спираль. На одном из концов сделана петелька для застегивания (рис. 12:7). Аналогичное височное кольцо найдено в Новоселках (Мядельский район, Минская область) в комплекте из трех височных колец – два из них проволочные со слегка заходящими концами, а третье – аналогичное описанному. Датируется X–XII вв. (?). (Поболь Л. Д., 1979, с. 154, рис. 102:11–12).

6. Височные кольца с одним концом отогнутым назад и загнутым в кольцо, изредка – с петелькой для застегивания – на другом конце (рис. 12: 8–10). Найдены в могильниках Литвы (Rickevičiūtė K., 1995, p. 76, pav. 3:6; pav. 5:2; Urbanavičienė S., 1995, p. 179, pav. 25:1–2; Varnas A., 1995, p. 257, pav. 17:1, 2; Zabiela G., 1995, p. 370, pav. 61). Датируются XIII–XV вв. Эти украшения могли использоваться также и как серьги.

7. Височные кольца с S – видным завитком на одном конце, изредка с

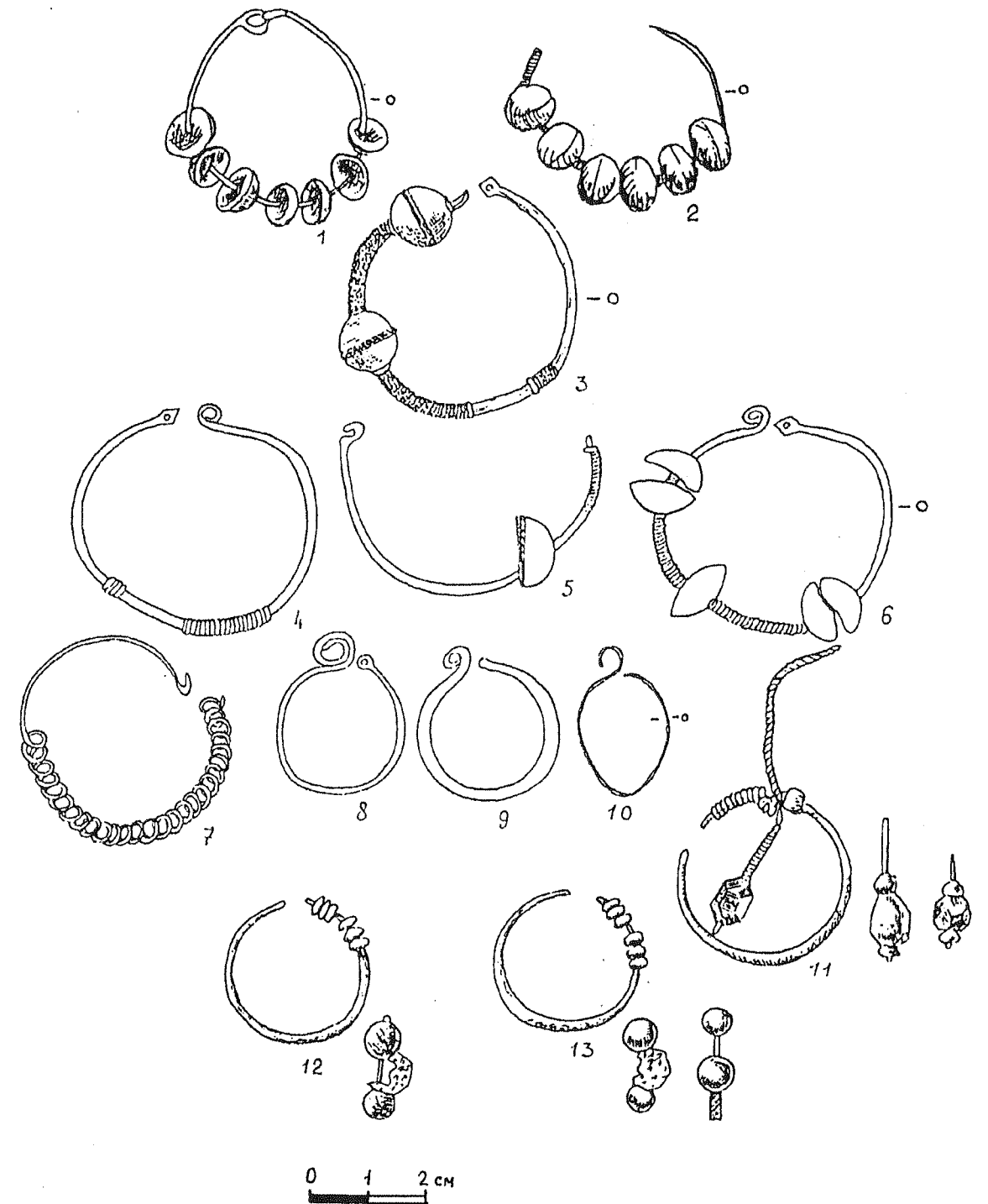

Рис. 12. Височные кольца: 1–2 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 9, мог. 5; 3 - д. Пузелли (раскопки В. А. Шукевича); 4–6 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича); 7–8 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича); 9 - д. Горавец, мог. 5; 10 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 6, мог. 8; 11 - д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 8, мог. 2; 12–13 - д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 3, мог. 3.

петелькой для застегивания – на другом конце. Этот тип височных колец связывают обычно с западными славянами. Найдены они и в грунтовых могильниках с каменными оградками Польши (Rauhut &., 1971, s. 603–610, табл. XXXVI:a,в,с, XLIII:h), в древностях пруссов. Датируются X–XII вв.

8. Височное кольцо выполнено из толстой бронзовой проволоки, согнутой в кольцо, один конец которого перевит тонкой провололочкой. К этому кольцу были привешаны три каплевидных привески на тонких стержнях. Это височное кольцо крепилось к головному убору с помощью веревочки, сплетенной из ниток (рис. 12:11). Аналогий не найдено. Скорее всего, это кольцо является производной формой от серег с тремя привесками. Приблизительно его можно датировать концом XIV–началом XV вв.

9. Два височных кольца выполнены из толстой бронзовой проволоки, согнутой в кольцо, один конец которого перевит другой тонкой провололочкой. К этому кольцу привешивались две подвески, каждая из которых состояла из стержня, на который по концам были напизаны по одному шарик, а в центре между ними располагалась ажурная бусина (рис. 12:12–13). Аналогий не найдено. Приблизительно его можно датировать, как и предыдущее: серединой – концом XIV – началом XV вв.

В таблице 5 (см. приложение) приведены данные о височных кольцах, которые были найдены в могилах под каменными кладками. Как видно из таблицы, в количественном отношении это единичные украшения: очень часто это были не парные украшения, их носили по одному около правого или левого виска.

К украшениям головы относятся также булавки типа “тус йенши” –

тонкие, длинные – до 3–4 см – стержни с округлыми головками. Выявлены в могильниках у д. Клепачи (оз. Бездонное), Белица (рис. 13:1). М. В. Седова связывает их появление с проникновением на Русь моды, принесенной с Востока монголо – татарами. Датируются XIV–XVII вв. (Седова М. В., 1981, с. 154, рис. 61:17–20).

В погребениях найдены серьги нескольких типов.

1. Серьги в виде вопросительного знака (рис. 13:2–8, фото 25). Аналогичные серьги выявлены в Ново-

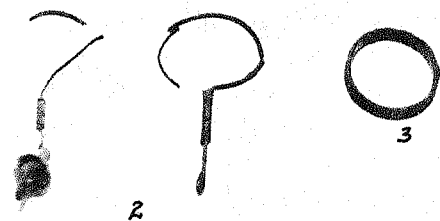

Фото 25. Погребальный инвентарь: 1 - фрагменты ножа, 2 - серьги, 3 - перетень из раскопа 14, могилы 8 (д. Вензовщина (Борок)).

Фото 26. Серьга из раскопа 4, могилы 3 (д. Кукли).

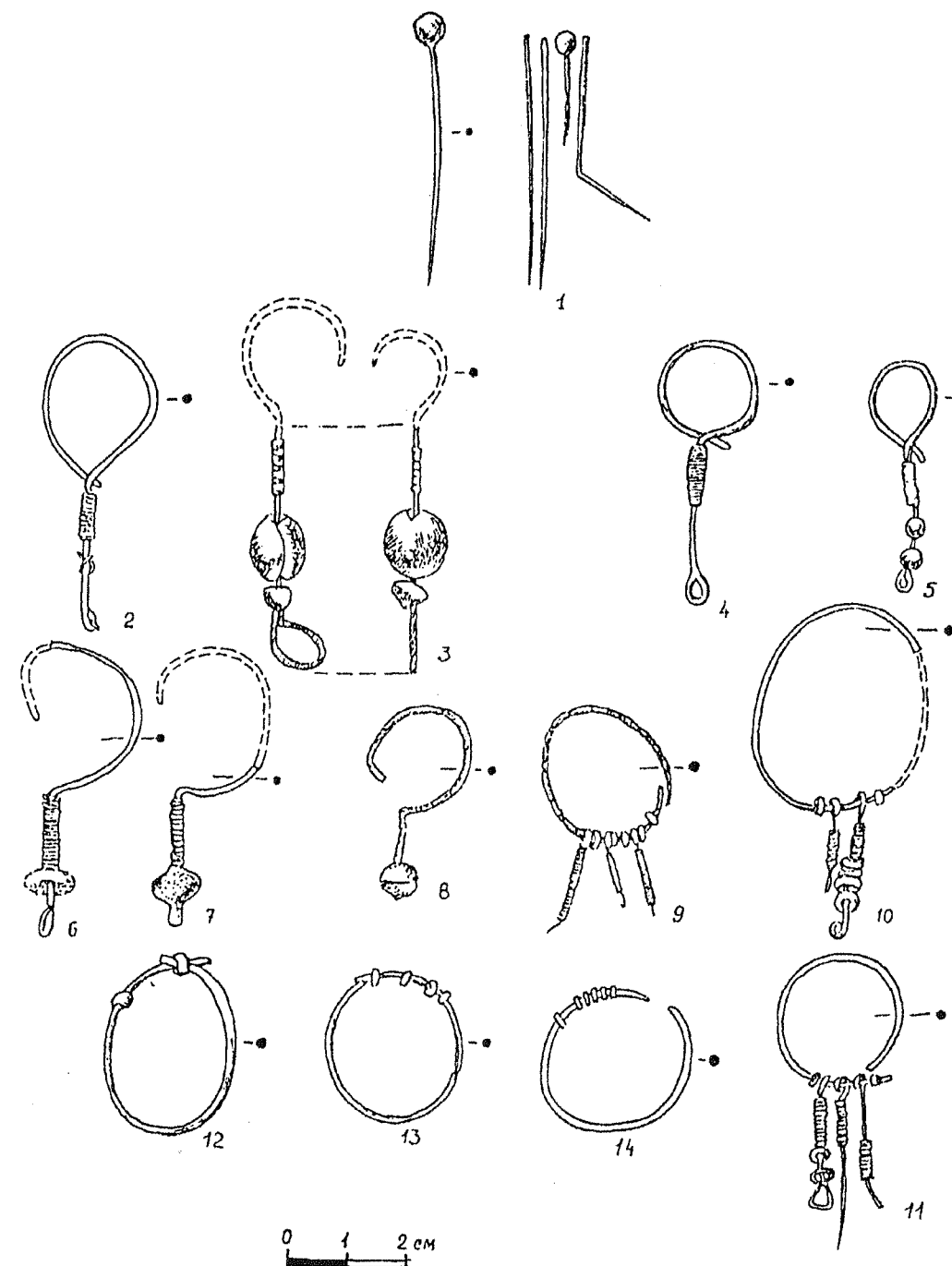

Рис. 13. Булавки типа “тус йенши” (1) и серьги (2–14): 1 - д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 8, мог. 2; серьги в форме вопросительного знака - 2–8 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 3 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 12, мог. 15; 4 - д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 7, мог. 1; 5 - д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 7, мог. 2, 6–7 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 14, мог. 8; 8 - д. Кукли, раскоп 2, мог. 11; серьги с 3-мя стержнями - привесками (9–11): 9 - д. Кукли, раскоп 4, мог. 2; 10 - д. Кукли, раскоп 4, мог. 3; 11 - д. Кукли, раскоп 4, мог. 2; серьги кольцевидные с перевитием (12–14): 12 - д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 9, мог. 6; 13 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 14 - д. Воробьи (раскопки В. А. Шукевича).

грудке, в слоях второй половины XIII в., в могильниках Литвы – XIII–XVI вв. (Rickevičiūtė K., 1995, p. 82, pav. 15:1; Urbanavičienė S., 1995, p. 181, pav. 29:5; Vaškevičiūtė I., 1995, p. 294, pav. 10:16). М. В. Седова отмечала, что на Русь этот вид украшений пришел с Востока. Аналогичные серьги известны в древностях Волжской Болгарии, Золотой Орды и т. д. (Седова М. В., 1981, с. 16).

2. Кольцеобразные серьги, выполненные из проволоки, согнутой в кольцо с тремя стержнями - привесками, на которые нанизаны по 2–3 мелкие стеклянные бусины, или без них (рис. 13:9–11, фото 26). Аналогичные серьги найдены в могильниках XIV – первой половины XVI вв. Литвы (Svetikas E., 1988, p. 42, žem. № 4; Urbanavičius V., 1979, p. 135, pav. 13:7; Rickevičiūtė K., 1995, p. 83, pav. 18:1; Varnas A., 1995, p. 258, pav. 19:1, 2).

3. Кольцеобразные серьги с перевитием. Выполнены из бронзовой проволоки, согнутой в кольцо и на одном конце перевитого другой бронзовой проволокой (рис. 13:12–14). Датируются XIV – первой половиной XVI вв. Аналогичные серьги известны из могильников Литвы (Svetikas E., 1988, p. 42, žem. 4).

Р. Волкайте–Куликаускаене отмечала, что серьги в форме вопросительного знака, кольцеобразные с двумя или тремя подвесками и кольцеобразные с бусинкой из цветного стекла, довольно часто встречаются в женских погребениях XIV–XV вв. Исследовательница указывала, что эти украшения возникли под влиянием соседних восточных славян (Волкайте–Куликаускаене Р. К., 1986, с. 168–169). В свою очередь славяне заимствовали их от монголо – татар.

В таблице 6 (см. приложение) приведены данные о серьгах. Часто эти украшения, как и височные кольца, носили не парными, а по одной.

В погребениях в области шеи скелетов найдены ожерелья, в состав которых входили бусины разного цвета, разных размеров и формы; бронзовые бубенчики, раковины каури, изредка – крестики (фото 21, 23).

1. Бусы. Во время исследования могильника у д. Вензовщина (ур. Гончариха) В. А. Шукевич в погребениях находил стеклянные бусы. Например, в мог. 2 около черепа лежала синяя маленькая бусина (Дело № 103/1890, л. 2). В могильнике у д. Дворчаны этот же исследователь в мог. 4/24 слева у черепа нашел большую продолговатую бусину голубого цвета с черными поперечными полосками и волной. Высота её составляла 29 мм (Дело № 68/1895, л. 5). (рис. 14:16). В могильнике у д. Пузели в мог. 4 В. А. Шукевич нашел около черепа 2 бусины: синюю справа и черную с белыми линиями – слева (Дело № 13а/1888, л. 49).

В зависимости от формы и размеров, а также цвета найденные бусины распределились следующим образом.

а) Зонные золотостеклянные бусины. М. В. Фехнер этот тип бус относит к наиболее ранним и отмечает, что найдены они как в погребениях с трупосожжениями, так и в погребениях с труположениями в период от X до начала XII вв. Исследовательница подчеркивала, что стеклянные бусины с металлической прокладкой были в широком пользовании среди сельского населения и что XI столетие было временем их максимального распространения (Фехнер М. В., 1959, с.159, рис. 3:3, с. 160).

б) Белоромбические бусы (рис. 14:1). Найдены в раскопе 9; мог. 4 могильника у д. Вензовщина (Борок). М. В. Фехнер считает, что они были наиболее распространенными в X–XI вв., как в северо – восточной, так и в северо – западной Руси (Фехнер М. В., 1959, с. 170, рис. 5:9).

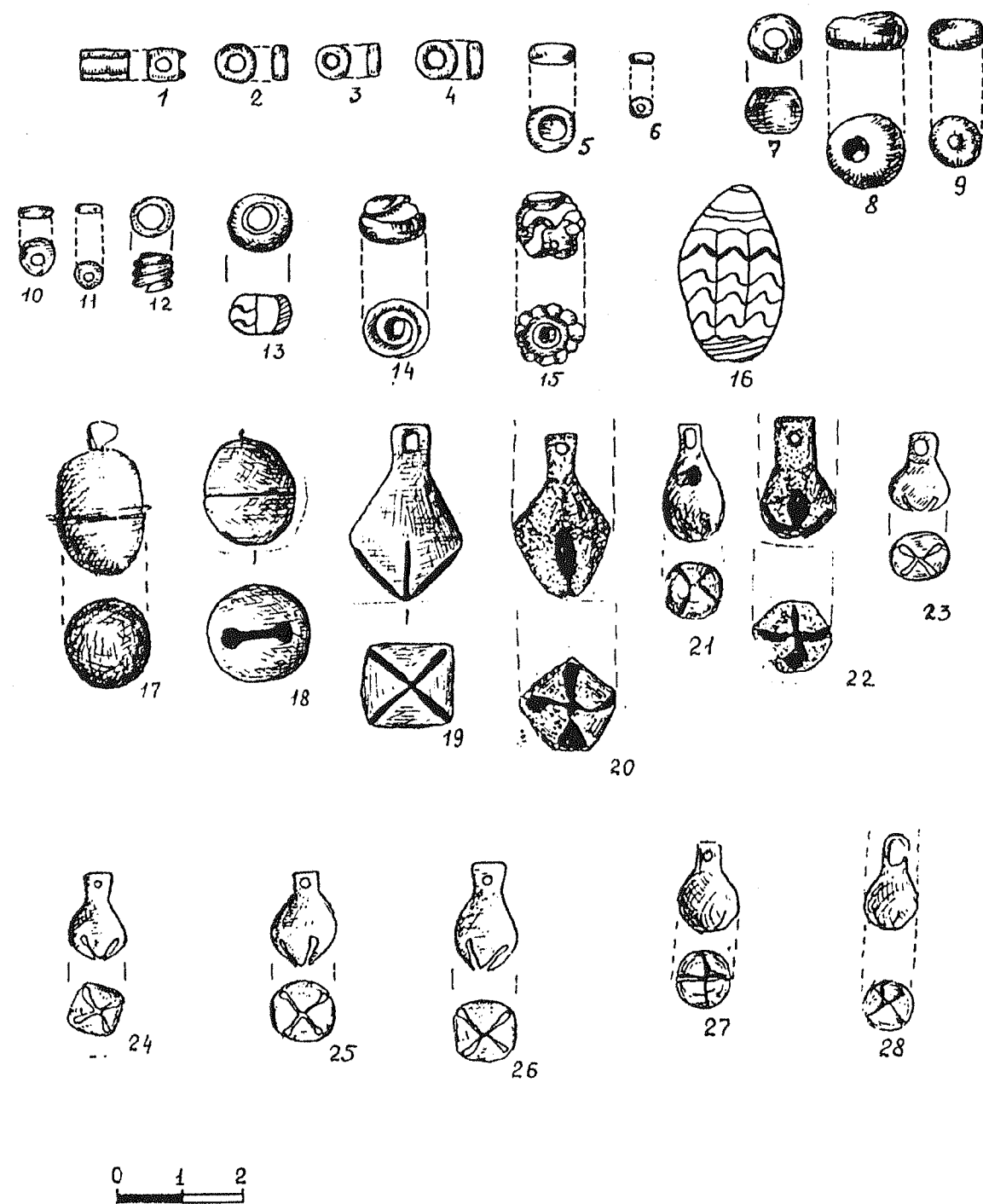

Рис. 14. Бусы (1-16) и бубенчики (17-18): 1-4 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 9, мог. 4; 5-6, 8-11; 14-15 - д. Кукли, раскоп 3, мог. 4; 7, 12-13 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 16 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича); 17, 21, 27-28 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 9, мог. 4; 18-19 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича); 20, 22 - д. Кукли, раскоп 3, мог. 4; 23-26 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича).

в) Зонные стеклянные бусы:

— синие и зеленые диаметром 5,5–6 мм и высотой 2–2,5 мм. Диаметр отверстия 2–3 мм (Вензовщина (Борок); Кукли). Ю. Л. Шапова относит этот тип бус к отделу 1, типу 2, варианту I и указывает, что аналогии этому варианту известны из памятников X–XI вв. (напр., курганы в Гнездо, Приладожье и т. д.), а в XII в. они выступают как единичные находки (Шапова Ю. Л., 1956, с. 177, рис. 1:3, 4, 8). М. В. Фехнер считает, что бусы, диаметр которых превышает высоту, относятся в основном к более раннему периоду, чем те, у которых высота равна диаметру и что зонные бусины маленьких размеров датируются XI–XII вв., а большие – XIII в. (Фехнер М. В., 1959, с. 171, прил. VI). Этот вывод поддерживает и Ю. Л. Шапова. Она считает, что зонные синие и зеленые бусы диаметром 6–10 мм, высотой 2–6 мм и диаметром отверстия 2–6 мм датируются X–XI вв. и встречаются главным образом вдоль Даугавы (Латвия) (Мугуревич Э. С., 1965, с. 72–73, табл. XI:4, 6, 10). В могильнике у д. Вензовщина (Борок) найдены бусы такого же типа, темного почти черного цвета (рис. 14:2–4);

– зонные синие и зеленые, диаметр которых составляет 10 мм и более. Такие бусы найдены в могильниках у д. Пузели (зеленая) и у д. Кукли (синяя) (рис. 14:7–9). Ю. Л. Шапова относит такие бусы к отделу I, типу 2, варианту 2 и датирует их XII – серединой XIII вв. (Шапова Ю. Л., 1956, с. 167). Она считает, что синие бусы размером более 10 мм нужно датировать этим временем (Мугуревич Э. С., 1965, с. 73);

– желтые бусы выявлены в могильнике у д. Вензовщина (Борок). Размеры их: диаметр 6 мм, высота 2 мм, диаметр отверстия 2 мм; из могильника

у д. Кукли: диаметр 4 мм, высота 1,5 мм, диаметр отверстия 1,5 мм. Ю. Л. Шапова этот тип бус относит к отделу I, типу 2 и датирует их XI–XIII вв. (Шапова Ю. Л., 1956, с. 168). Она подчеркивает, что археологические памятники Латвии XII–XIV вв. очень богаты этими бусами (Мугуревич Э. С., 1965, с. 73) (рис. 14:10–11).

г) Вингообразные коричневые бусы. Происходят из могильника у д. Пузели (рис. 14:–12). Ю. Л. Шапова относит их к отделу I, типу 7 и отмечает, что встречаются они очень редко, а в большом количестве зафиксированы у вятичей, где датируются XIII–XIV вв. (Шапова Ю. Л., 1956, табл. 1:23).

Вингообразные синие бусы (рис. 14:14). Одна такая бусина найдена в могильнике у д. Кукли. По классификации Ю. Л. Шаповой они относятся к тому же отделу и типу, что и предыдущие. Исследовательница подчеркивала, что в Новгороде эти бусы находились в слоях второй половины XII – первой половины XIV вв. Большое их количество известно в древностях XIII–XIV вв. вятичей (Шапова Ю. Л., 1956, с. 177, табл. 1:22).

д) Зонные круглые, гладкие со спирально – волнистой инкрустацией бусы. В нашем распоряжении есть одна бусина черного цвета с зигзагообразными полосками из могильника у д. Пузели (рис. 14:13). Ю. Л. Шапова относит такие бусы ко второму отделу и замечает, что они найдены в курганах Беларуси, в Петербургских и Гдовских курганах, встречаются они вместе с витыми браслетами. Датируются XI–XIV вв. (Шапова Ю. Л., 1956, с. 176–177, табл. II:16).

К бусам оригинальных, индивидуальных форм нужно отнести найденную в могильнике у д. Кукли (рис. 14:15). Она выполнена из стеклообразной (?) массы и сверху покрыта бирюзовой

поливой, не гладкая. Аналогий не найдено. Бусина голубого цвета с волнистым и линейным орнаментом на поверхности найдена В. А. Шукевичем в могильнике у д. Дворчаны. Высота её 29 мм. По форме напоминает бусы лимонovidной формы (рис. 14:16). Очень похожие бусы найдены в погребениях могильника у д. Староград (Польша). Датируются XII–XIII вв. (Bronicka–Rauhut J., Rauhut Ł., 1977, s. 65, табл. 2:12).

В таблице 7 (см. приложение) приведены данные о бусах, которые были найдены в камennых могилах. Чаще всего это были не единичные экземпляры, а ожерелья. Кстати сказать, обычай украшать шею ожерельями из бус существовал долгое время. П. М. Шпилевский в середине XIX в. сообщал, что “полессянки ... на шею, на белую блузку с отложным воротничком, одевают по несколько шнурков разноцветного крупного бисера и стекляруса” (Шпилевский П. М., 1992, с. 39).

2. Бубенчики в составе ожерелий встречаются по 3–4 штуки и более. Например, Э. А. Вольтер в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха), в мог. 4 нашел ожерелье, в состав которого входили стеклянные бусы и бронзовые бубенчики (Дело № 43/1889, л. 9). В могильнике у д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича) в мог. 1/10 на шее скелета было 3 бронзовых бубенчика; в мог. 2/3 – среди бус и раковин каури – 4 бубенчика, в мог. 4/13 в составе ожерелья – один бубенчик, в мог. 5/15 – на груди лежал бронзовый бубенчик, в мог. 11/25 – в составе ожерелья – 3 бронзовых бубенчика, в мог. 13/17 в составе ожерелья 5 бронзовых бубенчиков (Дело № 103/1890, л. 29). В могильнике у д. Пузели, в мог. 2 В. А. Шукевич в составе ожерелья нашел бронзовые

бубенчики (Дело № 13а/1888, л. 49 и об.). Бронзовые бубенчики были в составе ожерелий в погребениях могильников у д. Вензовщина (Борок) – раскоп 9; мог. 4 и д. Кукли – раскоп 3; мог. 4. В первом случае были 4 бубенчика: один большой, второй – меньших размеров и 2 маленькие; во втором – один большой и один меньших размеров.

Бронзовые бубенчики, которые есть в нашем распоряжении, относятся к нескольким типам:

а) бубенчик спаенный из двух половинок, круглый, с ушком для привешивания, без прорезей. Происходит из д. Вензовщина (Борок) (рис. 14:17). Аналогий не найдено.

б) бубенчик круглый, спаенный из двух половинок, с линейной прорезью, с ушком для привешивания. Найден в могильнике у д. Дворчаны (рис. 14:18). Аналогичные бубенчики выявлены в Новоградке, в слоях XII–XIII вв. (Гуревич Ф. Д., 1981, с. 92, рис. 71:5), в жальничных погребениях северо – восточной Латвии (Шноре Э. Д., 1980, с. 50, рис. 15:13), на племенной территории пруссов в древностях XI–XIV вв. (Odoj R., 1956, табл. 21:12).

в) грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью, с ушком для подвешивания. Найдены в могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха и Борок), Кукли, Дворчаны (рис. 14:19–28). Аналогичные бубенчики выявлены в курганах X–XII вв., на поселениях, датируемых от середины I-го до середины II-го тысячелетия, городах Понеманья (Зверуго Я. Г., 1989, с. 28, рис. 9:10; с. 72, рис. 40:10). Такие бубенчики были в широком пользовании в Литве в период XIII–XVII вв. Здесь были найдены ожерелья, в состав которых входили только бубенчики (Kuncienė O., 1979, p. 91, pav. 22:4, p. 84, pav. 14:2; Volkaitė–Kulikauskienė

R., Luchtanas A., 1979, p. 104, pav. 3:2, 3; p. 105, pav. 4:1; Urbanavičius V., 1979, p. 138, pav. 16:2). Выявлены такие бубенчики в жальничных погребениях XIII–XIV вв. северо – восточной Латвии, в погребениях веси, мери, ливов, сслов, латгалов, ятвягов (Шноре Э. Д., 1980, с. 41, рис. 4:4; Финно, 1987, с. 265, табл. XVII:29, табл. XXIX:13), пруссов (Odoj R., 1956, табл. XXI:13). Вообще они были очень распространенными среди финно – угорских и балтских народов. Когда человек двигался, бубенчики звенели и считалось, что они отгоняют злых духов. Их носили как обереги.

3. Изредка в составе ожерелий находились крестики. Выявлены они в могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха), в мог. 19 (Дело № 43/1889, л. 80); у д. Дворчаны, в мог. 4/13 – 3 крестика, в мог. 13/17 – 1 крестик (Дело № 103/1890, л. 31, 40–41), в погребениях у д. Пузели.

В нашем распоряжении есть один крестик, сделанный из бронзовой проволоки, из могильника у д. Вензовщина (ур. Гончариха) (рис. 15:1). Аналогий не найдено. Скорее всего это крестик индивидуальной формы.

Литые бронзовые крестики:

а) крестик “скандинавского типа” из могильника у д. Кукли (раскоп 3, мог. 4) (рис. 15:2, фото 23). Аналогичный крестик найден в Волковыске (Зверуго Я. Г., 1975, с. 42, рис. 13:12) М. В. Фехнер отмечала, что крестики этого типа были распространены в Швеции, Норвегии, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии, в женских погребениях радимичей. Вероятно, они играли роль магических оберегов. Наибольшее распространение крестики этого типа имели в Финляндии, в памятниках X–XI вв. и в Прибалтике еще и в XIII в. (Фехнер М., 1968, с. 212–214, с. 211, рис. 1:2–6).

б) Фигурный литой крестик из могильника у д. Пузели (рис. 15:3). Аналогичный крестик был найден на городище Замковая гора в Дрогичине (Польша) в слоях XII – начала XIII вв. Крестик был с нитками. К. Мусянович отмечала, что наличие ниток указывает на то, что он был прикреплен к ремню или к одежде (Musianowicz K., 1956, s. 172, табл. XIX:8).

в) Литой крестик из могильника у д. Дворчаны (рис. 15:4) очень похож на найденный в кургане под Борисовом. Датируется XI–XII вв. (Ляўданскі А., 1932, с. 260, табл. 1:18). Похожий крестик найден в могильнике XIII–XVIII вв. Шяйминишкеляй (Zabicka G., 1995, p. 388, pav. 9:49).

Ожерелья, в состав которых входили бубенчики и привески – крестики, найдены и в могильниках Литвы (Volkaitė-Kulikauskienė R., Luchtanas A., 1979, p. 105, pav. 4:1, 2). Ф. Д. Гуревич отмечала, что неподалеку от Скомонгова городища (Польша) найден клад серебрянных украшений XII–XIII вв., который принадлежал ятвягам. Среди других предметов было шейное украшение из бус и фигурных крестиков (Гуревич Ф. Д., 1950, с. 115, рис. 51). Н. А. Макаров, ссылаясь на А. С. Уварова, который впервые исследовал представительную серию погребений с крестиками во владимирских курганах и сделавшего вывод об их языческой принадлежности, отмечал, что аргументы ученого сводились к следующему. Во-первых, крестики и образки встречаются в погребениях, которые содержали многочисленный и разнообразный инвентарь. Это значит, обряд погребения всех этих курганов – языческий. Во-вторых, (как и в каменных могильниках Беларуси – А. К.) крестики носили в составе ожерелий вместе с бусами и подвесками, которые явно не имели культового значения. В

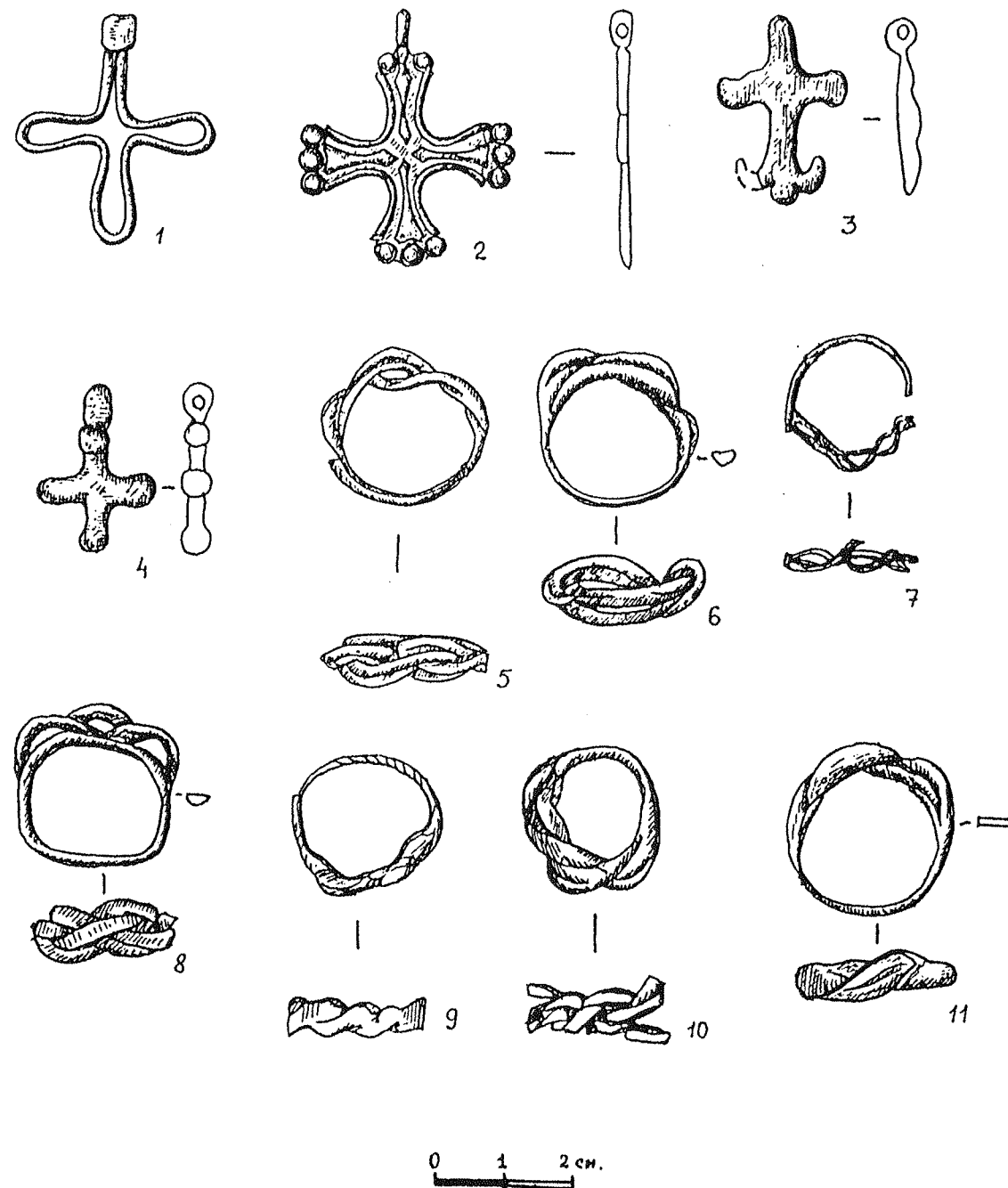

Рис. 15. Крестики: 1 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича); 2 - д. Кукли, раскоп 3, мог. 4; 3 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 4 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича). Перстни: 5 - д. Кукли, раскоп 3, мог. 4; 6 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 7, мог. 3; 7 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 18, мог. 1; 8 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 9, мог. 4; 9 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 18, мог. 1; 10 - Вензовщина (Борок), раскоп 16, мог. 3; 11 - Вензовщина (Борок), раскоп 9, мог. 5.

– третьих, с течением времени, по мере нарастания христианизации, не происходит ожидаемого увеличения количества погребений с крестиками и образками. По мнению исследователя, столкновение в одной могиле предметов христианских с погребальным языческим обрядом можно объяснить только тем, что предметы эти не имели настоящего значения для лиц, которым принадлежали. Почти все женские погребения с крестиками принадлежали богатым. Видимо, обычай носить крестики и образки получил распространение преимущественно среди социальной верхушки местного общества, хотя и не являлся исключительной привилегией этой группы населения. Существовало твердое представление о том, что крест должен находиться на шее или на груди и ни при каких обстоятельствах не может быть помещен на поясе, это значит – на чреве. Крестики и образки попадали в погребения на протяжении сравнительно небольшого отрезка времени – с середины XI – до рубежа XII–XIII вв. Периодом их наибольшего распространения было XII столетие (Макаров Н. А., 1991, с. 11–15).

Кроме перечисленных предметов в состав ожерелий входили и раковины каури (рис. 16:1–3). В могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) Э. А. Вольгер в мог. 11 нашел ожерелье, состоящее из раковин каури (Дело № 43/1889, л. 64). В могильнике у д. Дворчаны В. А. Шукевич в мог. 2/3 выявил ожерелье, в составе которого были раковины каури (Дело № 103/1890, л. 29). Найдены они в погребениях могильника у д. Воробьи. В могильнике у д. Вензовщина (Борок) в раскопе 9, мог. 4 в составе ожерелья были раковины каури, в могильнике у д. Кукли в раскопе 3, мог. 4 в составе ожерелья также была найдена раковина

каури. Раковины каури были найдены в Волковыске (Зверуго Я. Г., 1975, с. 61, рис. 21:3). В могильниках Литвы найдены ожерелья, в состав которых входили бубенчики и раковины каури (Urbanavičius V., 1979, p. 138, pav. 16:2), или только раковины каури (Urbanavičius V., 1979, p. 140, pav. 18). В XV–XVI вв., отмечала Р. Волкайте–Куликаускаене, шейные гривны заменяются ожерельями из довольно мелких бус, изредка раковинок каури и комбинируемых по-разному бронзовых бубенчиков. Изредка бубенчики комбинируются с бронзовыми крестиками (напр., могильник в Наркунай), которые также служили украшениями. Интересно, что количество бубенчиков чаще всего 7 или 9 (возможно, священное число). Это любимый элемент украшения женского костюма XIII–XVI вв. (Волкайте – Куликаускаене Р. К., 1986, с. 169). Ожерелья, в состав которых входили раковины каури и бусы, выявлены в жальничных погребениях северо – восточной Латвии (Шноре Э. Д., 1980, с. 47, рис. 11:3, с. 50, рис. 15:2). Э. Д. Шноре отмечала, что в труположениях латгалов раковины каури впервые появляются в VII–VIII вв., но они немногочисленны. А именно в XIII в. прослеживается большой наплыв этих раковин на территорию Латвии (Шноре Э. Д., 1980, с. 52). А. Э. Зариня указывает, что после XII в., когда гривны уже не носили на древней территории, населенной латгалами, широко распространились ожерелья из раковин и стеклянных бус (Зариня А. Э., 1986, с. 188). В. В. Седов отмечал, что раковины каури получили очень широкое распространение у всех финно – угорских народов. Их носили в качестве оберегов. Не меньшее распространение получили раковины каури и у западно – финских народов

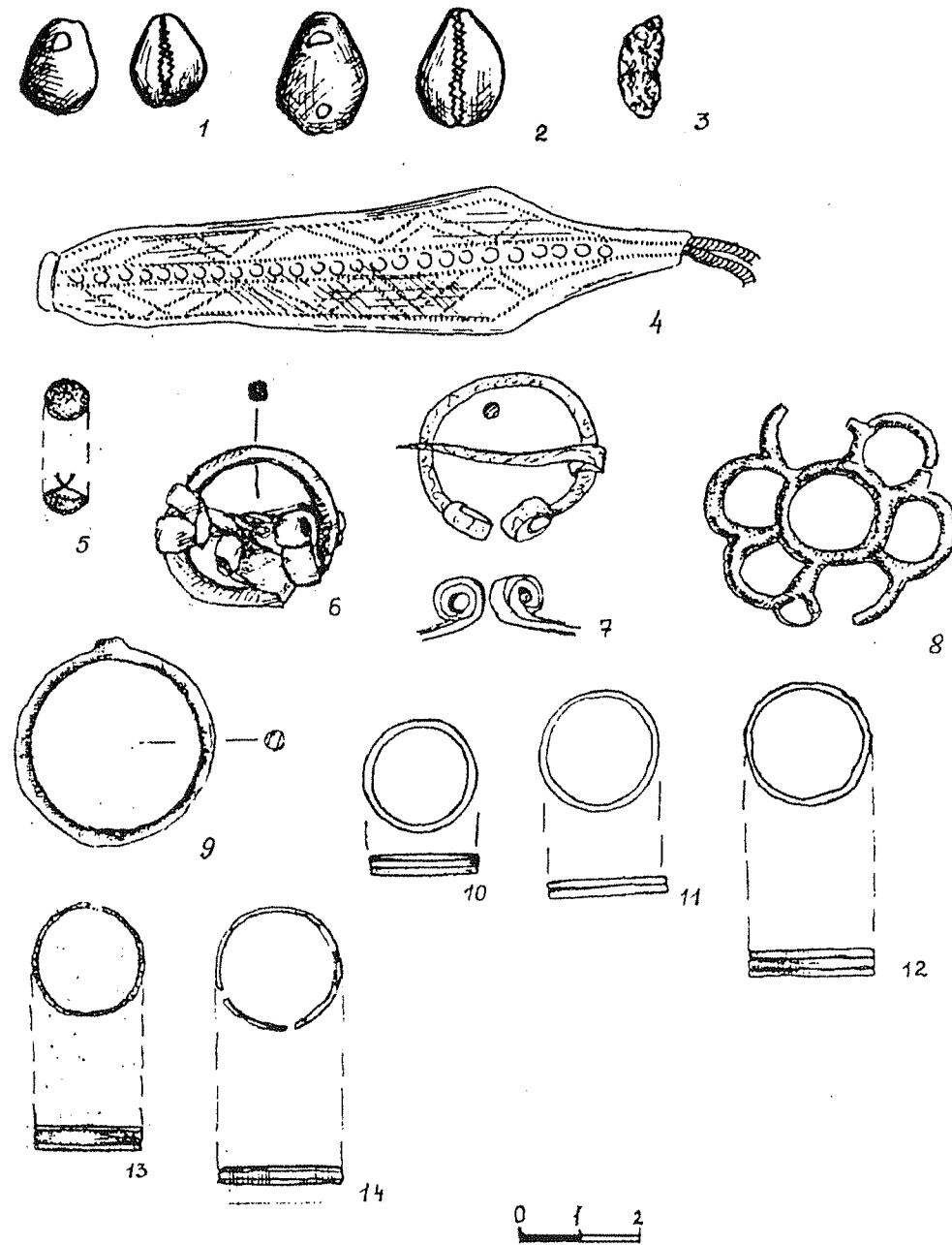

Рис. 16. Раковины каури: 1-2 - д. Воробьи (раскопки В. А. Шукевича); 3 - д. Кукли, раскоп 3, мог. 4; фрагмент шейной гривны: 4 - д. Воробьи (раскопки В. А. Шукевича); пуговка: 5 - д. Кукли, раскоп 2, мог. 7; фибула с s-видными концами: 6 - д. Кукли, раскоп 4, мог. 1; фибула со спиралевидными концами: 7 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 1, мог. 2; 8 - фибула в форме розетки, д. Щурок, траншея 1, мог. 2; пряжка: 9 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 12, мог. 15; узкопластинчатые перетни с бороздами: 10 - д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 6, мог. 10; 11 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 12 - Вензовщина (Борок), раскоп 14, мог. 8; 13 - д. Кукли, раскоп 2, мог. 9; 14 - д. Кукли, раскоп 4, мог. 1.

– воды, ижоры, мордвы, эстов (Седов В. В., 1953, с. 196–198). С. К. Лаул подчеркивала, что в богатых погребениях Эстонии в XIV–XV вв. встречаются и раковины каури, даже целые ожерелья из них, или на нитке впере­мешку со стеклянными бусами. По­прежнему использовали бронзовые бубенчики (Лаул С. К., 1986, с. 201). Р. Одой отмечал, что ожерелья из бус, бубенчиков (с лицевой и крестовид­ной прорезью), раковинок каури и др. были широко распространены на племенных территориях пруссов, а за­тем и княжества крестоносцев в период с XII по XIV вв. (напр., грунтовой могильник около д. Рувнина Дольна) (Odoj R., 1956, s. 194–195).

К редким для рассматриваемого типа памятников украшениям шеи относится фрагмент шейной гривны, найденный в одном из погребений могильника у д. Воробьи (раскопки В. А. Шукевича) (рис. 16:4). Аналогичные гривны известны из могильника у д. Якштайчяй в Литве (Urbanavičius V., 1979, p. 136, rav. 14:1; p. 137, rav. 15:1, p. 138, rav. 16:1). Датируются XIV – первой половиной XVI вв.

К украшениям рук относятся брас­леты и перстни.

Браслеты. “Из предметов, характер­ных для этих могил, – отмечал В. А. Шукевич, — следует назвать браслеты, витые из двух проволок, или спле­тенные чрезвычайно мастерски из тонких проволок. А также браслеты, так называемые манжетные, из широ­кой тонкой серебрянной бляхи с тисне­ным орнаментом” (Szukiewicz W., 1918, s. 15). В отчетах В. А. Шукевича по раскопкам каменных могильников есть описание некоторых браслетов. Так, в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха), в мог. 9 (1889 г.) найдены два пластинчатых браслета; в мог. 1 (1892 г.) – из бронзы шириной 6 см,

концы расширены в форме змеиной головы (Дело № 63/1892, л. 13). В могильнике у д. Дворчаны в мог. 1/10 найдены два браслета, сплетенные из тонких проволок; в мог. 12 – из согнутого кольцеобразно бронзового прута; в мог. 7/32 – сплетенный из проволоки; в мог. 11/25 – два витые из бронзовой проволоки; в мог. 4/24 – из бронзового прута, концы сплюснутые, орнаментирован полукру­гами – нарезками (Дело № 103/1890, л. 5, 32, 34; Дело № 68/1895, л. 6).

В могильнике у д. Пузели, в мог. 2 найдены два спиральных браслета; в мог. 5 – два браслета, выполненные из скрученных бронзовых проволок (Дело № 13а/1888, л. 49 и об.).

В могильнике у д. Опановцы, в мог. 6 выявлены два серебрянных браслета из тонкой серебрянной пластины, со­гнутой спирально в три оборота. Орнамент – тиснение (Дело № 103/1890, л. 42–43).

Браслеты были найдены и в других женских погребениях каменных мо­гильников, но в отчетах отсутствуют их описания, просто отмечено, что найден браслет.

В нашем распоряжении имеются браслеты из могильников у д. Вензовщина (ур. Гончариха), Дворчаны, Пузели, Кукли. Всего 11 штук. Они представлены следующими типами.

1. Плетенный из двух толстых и одной тонкой бронзовой проволоки, концы раскованы и загнуты в спираль (Дворчаны) (рис. 17:3). Очень похожие браслеты выявлены в могильнике Ажугиряй (Литва) (Urbanavičienė S., 1995, p. 156, rav. 10:5, 6). Датируются XII–XIV вв. в древностях пруссов (Кулаков В. И., 1994, с. 53, рис. 25:69).

2. Плетеный из тонких проволок (Дворчаны) (рис. 17:2). Аналогичный браслет найден в жальничном погребении XIII–XIV вв. Новгород-

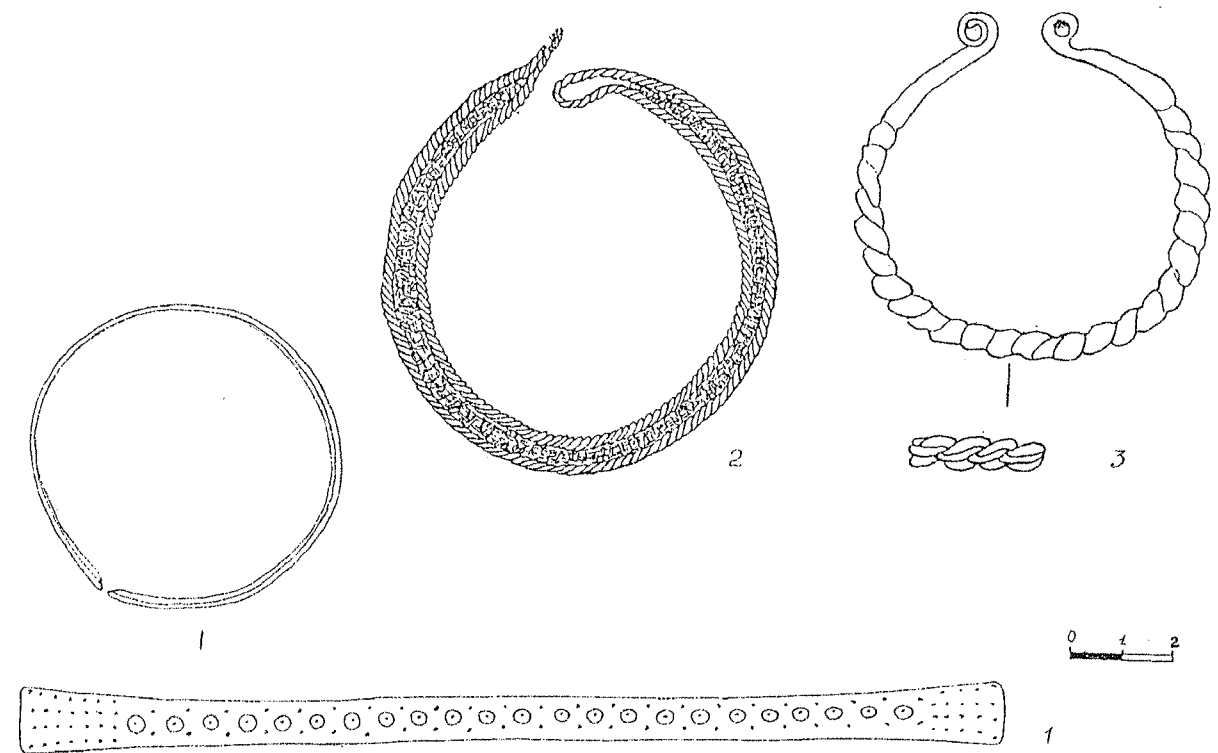

Рис. 17. Браслеты: 1 — д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича); 2-3 — д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича).

чины (№ 85) у д. Жидилов Бор. Вообще, это довольно частая находка в жальничных погребениях XIII–XIV вв. Новгородчины (Отчет, 1903, табл. XX:12–13).

3. Ложновитой браслет с раско­ванными лопатообразными концами (Дворчаны) (рис. 18:1). В Новгороде браслеты этого типа датируются концом XI – концом XII вв. (Седова М. В., 1981, с. 98).

4. Узкомассивный браслет, орнамен­тирован полукругами, концы расши­рены (Вензовщина (ур. Гончариха) (рис. 18:2). М. В. Седова относит их к древностям Балтийского региона и датирует X – началом XII вв. (Седова М. В., 1981, с. 103).

5. Пластинчатые браслеты по оформ­лению концов разделяются на несколь­ко типов:

а) Тупоконечные (Вензовщина (ур. Гончариха); Дворчаны, Кукли (фото 23), орнаментированные перекрещен­ными линиями, которые образуют ром­бы, а в центральной части – орнамент точки; концы имеют прямой срез, закругленные по углам (рис. 19:1–2; 20:2; 21:2); орнамент полукруги из насечек (рис. 21:1). В Новгороде тупоконечные браслеты найдены в слоях конца X–XIV вв. (Седова М. В., 1981, с. 103).

б) Два пластинчатых с расширенными трапециевидными концами браслета, украшены циркульным орнаментом, а по краям – рядами точек (Вензовщина (ур. Гончариха) (рис. 17:1; 20:1). Датируются XIII–XIV вв.

в) Пластинчатый браслет со спирале­видными концами найден в мог. 9 (1889 г.) (Вензовщина (ур. Гончариха) В. А. Шукевичем. Известны они и в

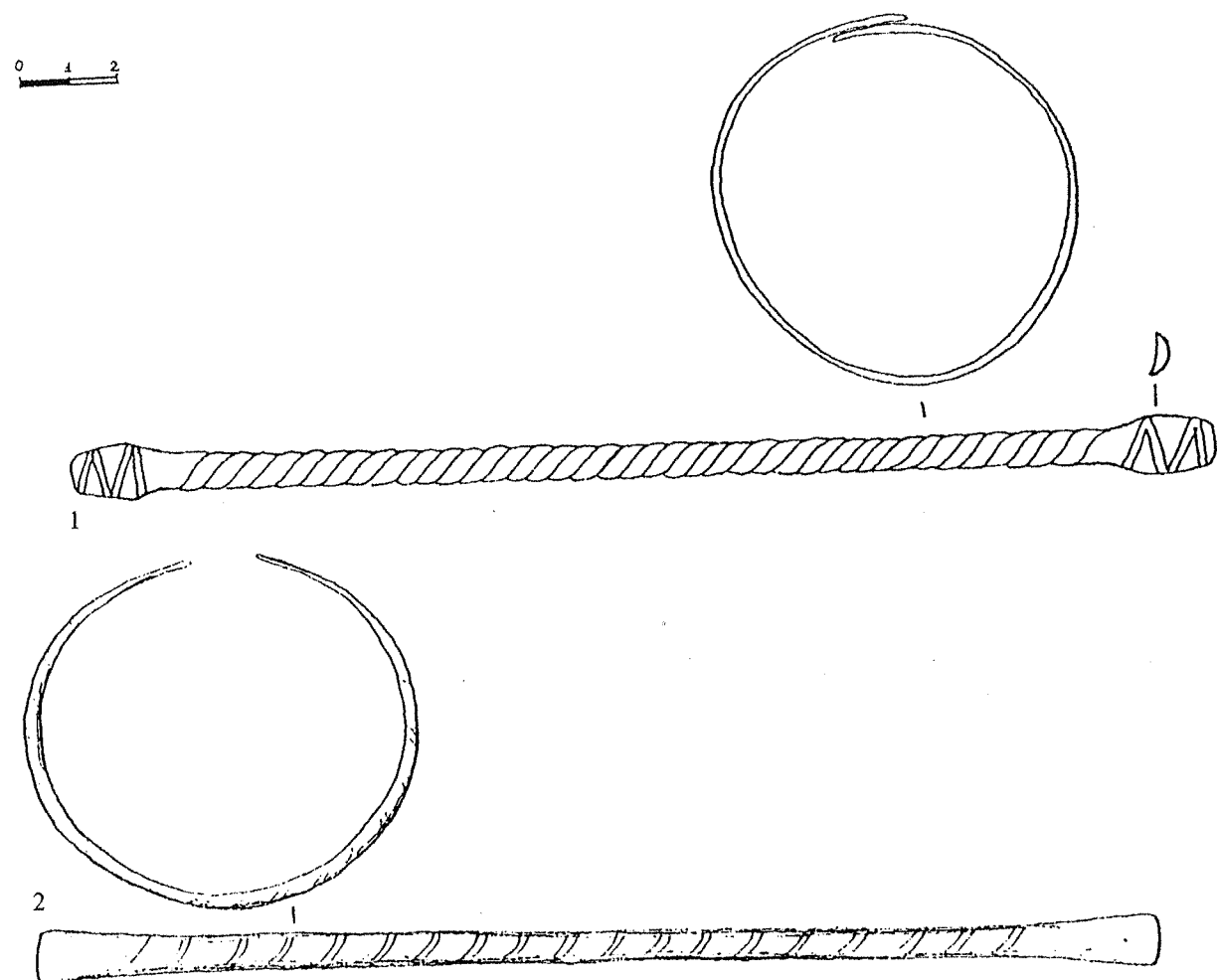

Рис. 18. Браслеты: 1 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича); 2 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича).

погребальных памятниках XIII–XIV вв. Литвы (Kuncienė O., 1979, p. 91, pav. 22:5; Urbanavičius V., Urbanavičienė S., 1988, p. 56, pav. 99:6, 7).

Браслет выполнен из толстой проволоки, концы его в форме змеиной головы. Браслет найден В. А. Шукевичем в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха). Датируется XI–XIII вв.

В целом пластинчатые браслеты были распространены на очень широкой территории. Р. Волкайте–Кули-

каускас отмечала, что женщины в восточной Литве носили лентовидные (пластинчатые) браслеты с незначительно расширенными и утолщенными, украшенными волнистым орнаментом концами (Волкайте–Куликаускас Р. К., 1986, с. 161).

6. Спиралевидные браслеты, согнутые в два оборота, выполнены из серебряной полосы шириной в центральной части 21 мм и которые суживаются на концах до 3,5–4 мм; орнамент

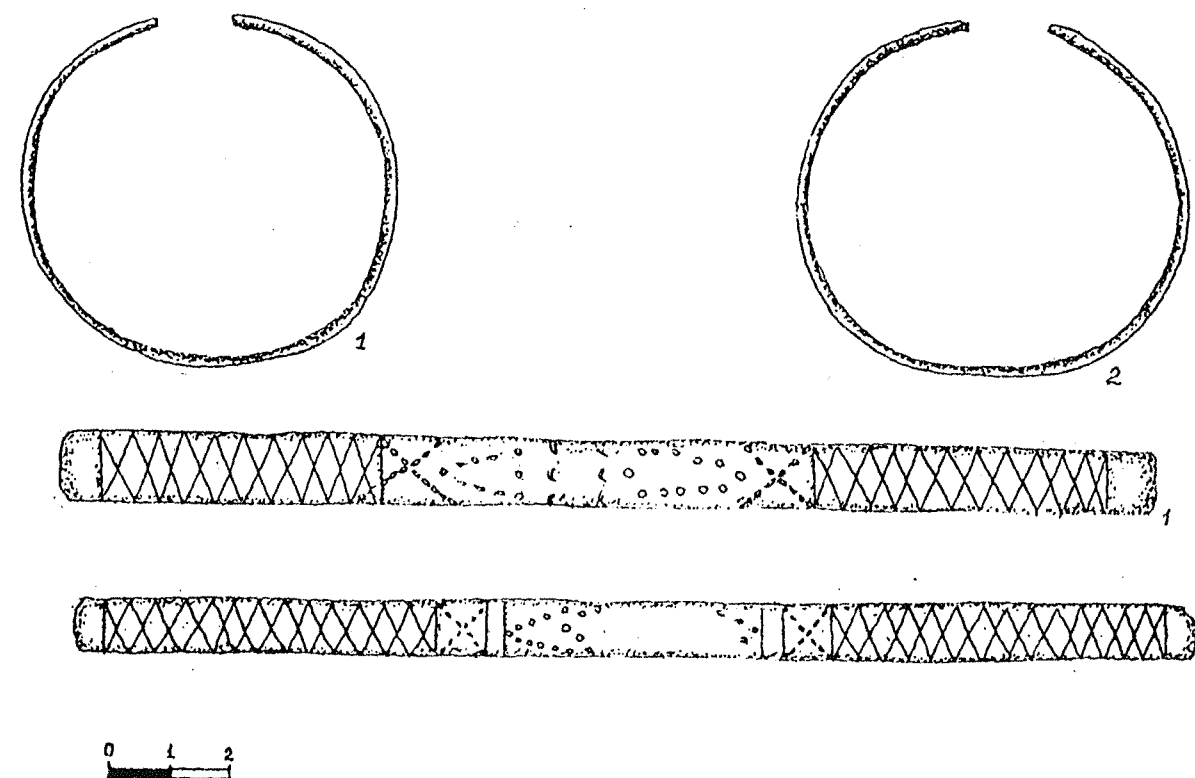

Рис. 19. Браслеты: 1-2 - д. Кукли, раскон 3, мог. 4.

тисненный. Концы загнуты спирально (Пузели, Опановцы, Вензовщина (ур. Гончариха) (рис. 22). Спиральные браслеты были широко известны в древностях балтов в X–XIII вв. Например, такие браслеты найдены в могильниках Литвы, в древностях селов, латгалов (Vaitkunskienė L., 1979, p. 64, pav. 24:9; Urbanavičius V., Urbanavičienė S., 1988, p. 30, pav. 42:7; Финно, 1987, табл. СХІІІ:6, СV:11). В составе серебряногоклада XII–XIII вв., который принадлежал ятвягам, были два спиральных браслета, которые завершались стилизованной головой змеи (Гурсвич Ф. Д., 1950, с. 115, рис. 51). Эта форма браслетов и перстней является очень устойчивой на протяжении долгого времени. Например, спиральные браслеты и перстни появились на территории Литвы еще в середине I ты-

сячелетия и продолжали широко использоваться почти до XIV в.

Следует отметить, что в балтских древностях, особенно в украшениях часто встречается изображение змеи в целом или её части, что связано с её культом. Вот что писал по этому поводу В. В. Седов: “Среди балтов был широко распространён культ змеи. Смысл этого культа заключался в следующем: змею (а обычно ужа) держали в доме, кормили его, считалось, что он, как объект культового почитания, являлся защитником семьи и домашнего очага” (Седов В. В., 1973, с. 80).

В таблице 8 (см. приложение) приведены данные о браслетах, найденных в каменных могильниках Беларуси. Как видно из таблицы, этот тип украшений у рассматриваемого населения немногочисленный.

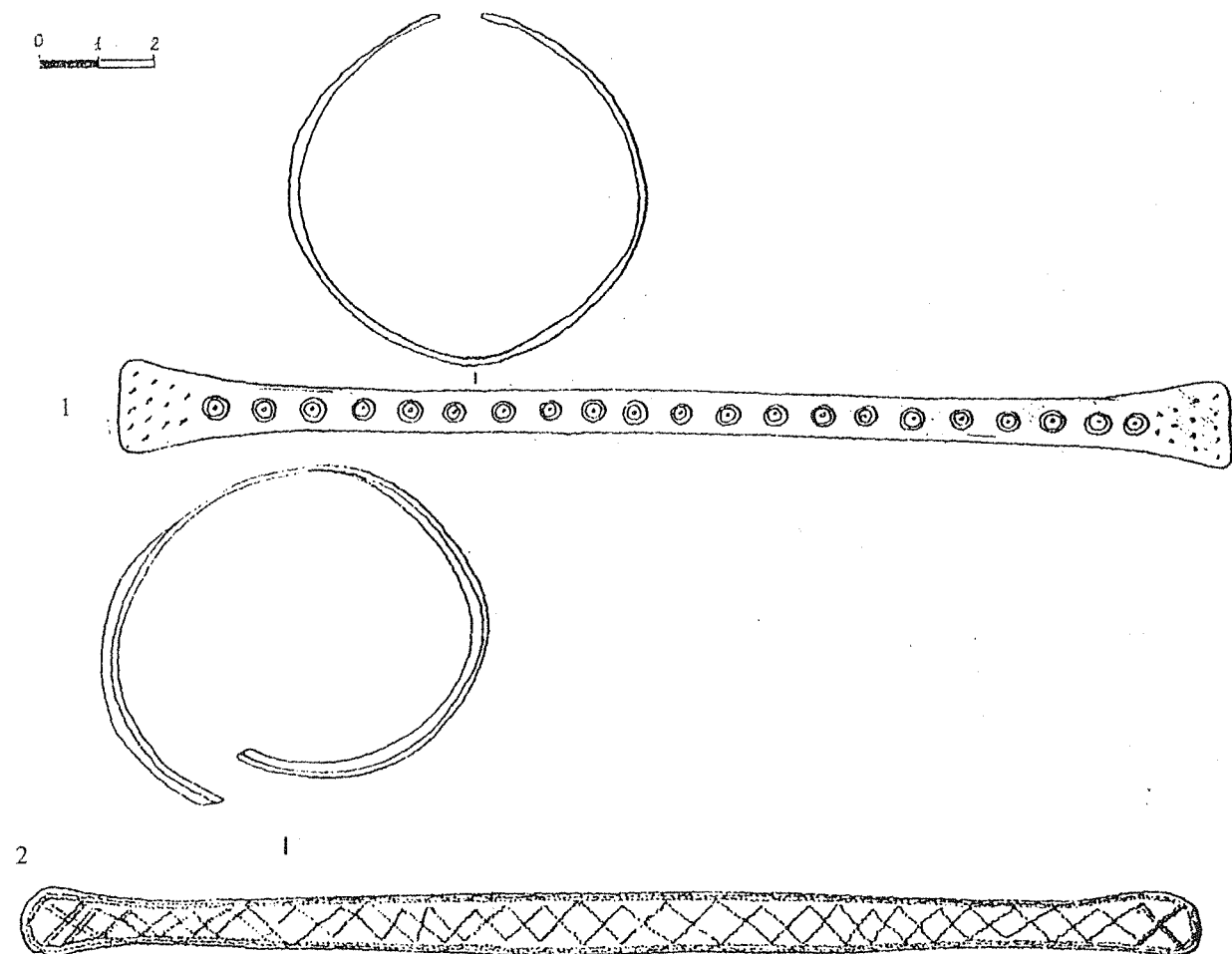

Рис. 20. Браслеты: 1-2 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича).

Перстни – одно из наиболее многочисленных украшений – найдены почти в каждом женском погребении. В отчетах В. А. Шукевича изредка содержатся описания перстней. Например, в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) в мог. 9 (1889 г.) найден бронзовый витой из четырех проволочек перстень; в мог. 1 (1890 г.) – гладкий с заходящими концами; в мог. 1 (1892 г.) – два перстня из тонкой бронзовой проволоки, согну-

той в спираль и один пластинчатый, в середине чечевицеобразный, концы не запаяны (Дело № 103/1890, л. 5). В могильнике у д. Дворчаны, в мог. 2 выявлен серебрянный перстень сплетенный из 8 толстых и 4 тонких проволочек, концы не запаяны; в мог. 13/17 были бронзовый и серебрянный перстни; в мог. 4/24 – бронзовый перстень, сплетенный из 4-х проволочек и серебрянный из 8-ми (Дело № 68/1895, л. 6; д. № 90/1894,

л. 6, 40-41). В могильнике у д. Опановцы – мог. 9 – найден перстень из бронзовой пластинки, согнутой в спираль (Дело № 103/1890, л. 41-42).

Общую характеристику найденных в каменных могилах перстней В. А. Шукевич дал в обобщающей статье: “Перстни чаще всего были сплетены из нескольких проволочек, имели незапаянные, заходящие один за другой концы. Перстни со щитками встречались редко. Выполнены перстни были чаще всего из бронзы, изредка – из серебра” (Szukiewicz W., 1918, s. 15).

В нашем распоряжении имеются перстни из могильников у д. Вензовщина (ур. Гончариха), Дворчаны, Пузели, Воробьи (раскопки В. А. Шукевича); у д. Вензовщина (Борок), Кукли, Клепачи (оз. Бездонное), Миневщина, Новоселки (Зельвенский район), Волча, Белица. Найденные перстни представлены несколькими типами (см. приложение, таблица 9).

1. Спиральные перстни. М. В. Седова отмечала, что спиральные перстни известны среди финно – угорских и балтских древностей X–XI вв. (Седова М. В., 1981, с. 122). Например, в могильниках северо – западной Литвы, в древностях селов, латгалов (Vaitkunskienė L., 1979, p. 63, pav. 23:4–6; Финно, 1987, с. 433, табл. СХІV:24, СVІІ:6,7), на поселениях Понеманья (Зверуго Я. Г., 1989, с. 58, рис. 29:5).

2. Плетенные перстни с гладкими, заходящими один за другой концами (рис. 15:5–11; 23:1–4). Аналогичные перстни происходят из Волковыска (Зверуго Я. Г., 1975, с. 42, рис. 13:40), жальничных погребений северо – восточной Латвии (Шноре Э. Д., 1980, с. 50, рис. 15:10, 11), Новгородчины, могильников Литвы (Kuncienė O., 1979, p. 90, pav. 21:20; Urbanavičius V., 1979, p. 147, pav. 22:14–17), древностей пруссов

XII–XIV вв. (Odoj R., 1956, s. 192, рис. 10:1; s. 195–196).

3. Пластинчатые перстни представлены следующими типами:

а) широкосрединные перстни с незамкнутыми концами. Украшены циркульным, геометрическим и в виде точек орнаментом. Отдельные экземпляры – без орнамента (рис. 23:5–14). В могильниках Литвы эти перстни встречаются от XIII до начала XVII вв. (Kuncienė O., 1979, p. 90, pav. 21:18; Urbanavičius V., 1979, p. 137, pav. 15:5–7, 15; p. 138, pav. 16:9–11; p. 139, pav. 17:9–11 и др.) Они часты в жальничных погребениях XIII–XIV вв. северо – восточной Латвии (Шноре Э. Д., 1980, с. 41, рис. 4:3; с. 47, рис. 17).

б) Пластинчатые щитковые перстни. По форме щитка делятся на:

– перстни с круглыми щитками (рис. 24:1). Такие перстни были распространены во второй половине XII – начале XIV вв. (Седова М. В., 1981, с. 132);

– перстни с овальными щитками (рис. 24:2–5). В Новгороде такие перстни были в слоях конца XII – середины XV вв. (Седова М. В., 1981, с. 135). Изредка они украшены орнаментом;

– перстни с прямоугольными щитками (рис. 24:6–7). В Новгороде они встречены в слоях конца XIII – второй половины XIV вв. (Седова М. В., 1981, с. 136).

– перстни с ромбическим щитком (рис. 24:8–11). Изредка украшены орнаментом. В Новгороде такие перстни встречены в слоях 30-х годов XIII – середины XIV вв. (Седова М. В., 1981, с. 131).

4. Перстень узкопластинчатый, орнаментированный, с разомкнутыми концами из могильника у д. Церемец (рис. 24:12). В Новгороде такие перстни встречены в слоях конца X–XIII вв. (Седова М. В., 1981, с. 131).

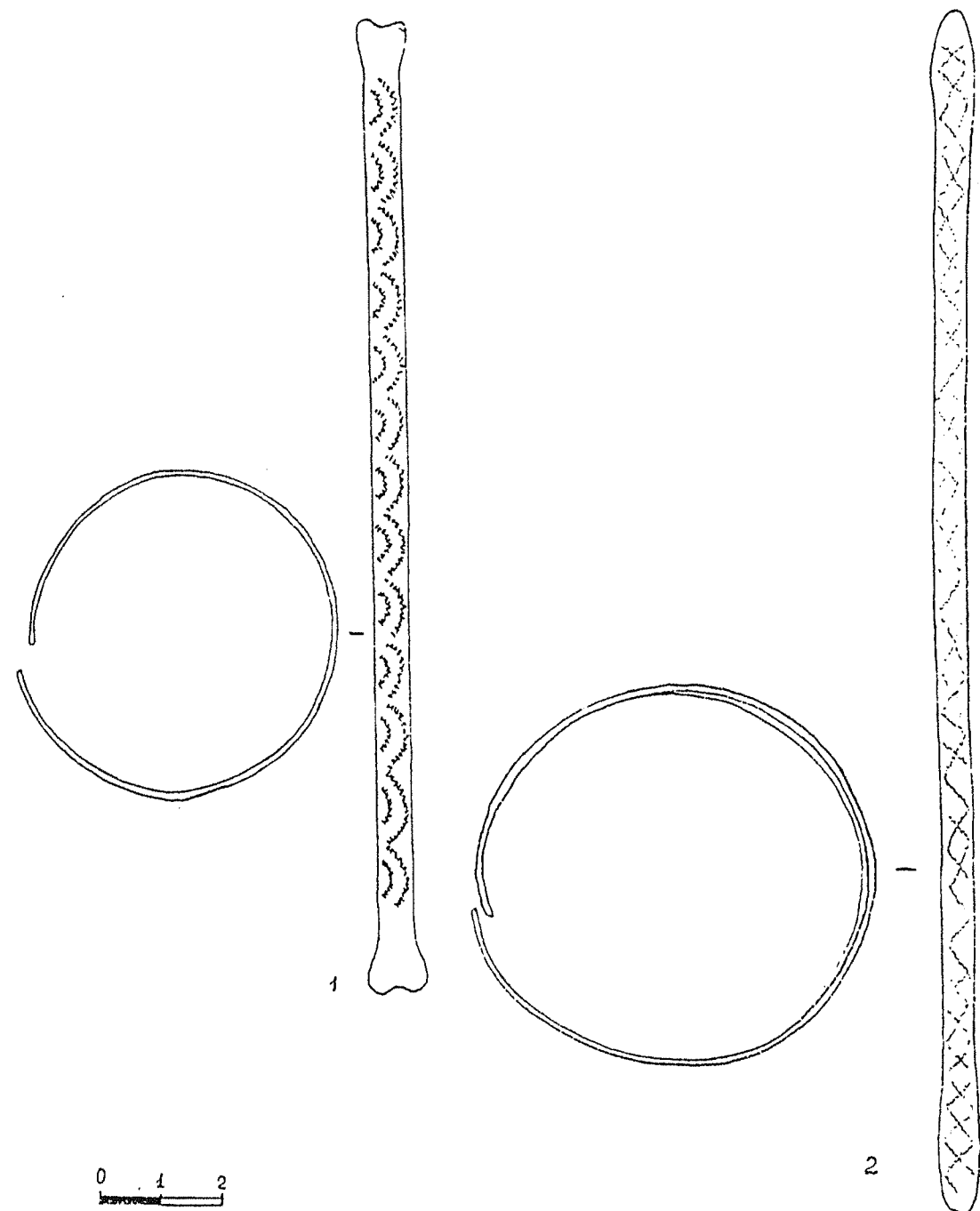

Рис. 21. Браслеты: 1 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича), 2 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича).

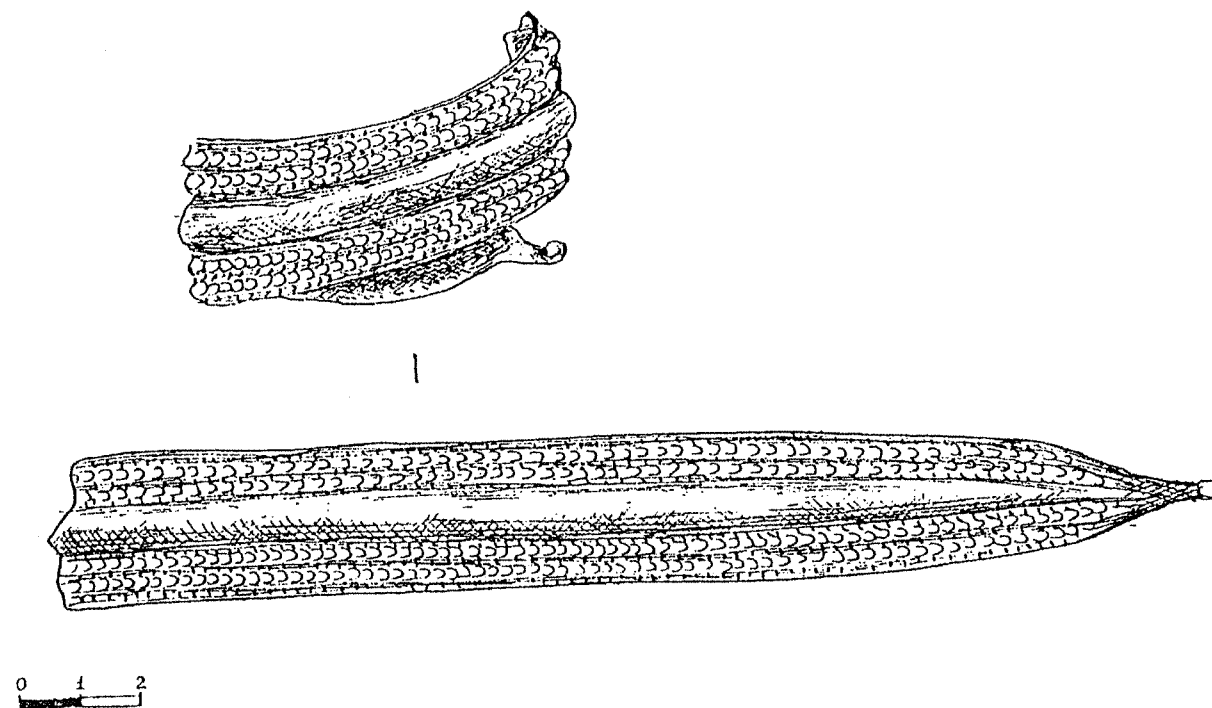

Рис. 22. Браслет: д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича).

5. Перстни узкопластинчатые, неорнаментированные с замкнутыми концами (рис. 24:13–14). Такие перстни в Новгороде были в слоях рубежа XI–XII – второй половины XIII вв. (Седова М. В., 1981, с. 131).

6. Узкопластинчатые перстни, замкнутые, с двумя бороздами. Аналогичные перстни найдены в могильниках XIII–XVI вв. Литвы (Kuncienė O., 1979, p. 90, pav. 21:15–16; Urbanavičius V., 1979, p. 141, pav. 19:3–4; p. 147, pav. 22:42), в древностях пруссов XIII–XIV вв. (Odoj R., 1956, s. 192, рис. 10:2, s. 195–196) (рис. 16:10–14).

7. Перстни со вставками. Серебрянный перстень с ажурным навершием, с углублением для вставки происходит из могильника у д. Вензовщина (Борок) (рис. 24:15) (фото 27). Аналогий ему не найдено. Еще один серебрянный перстень со вставкой из голубого стекла происходит из

могильника у д. Вензовщина (ур. Гончариха) (рис. 24:16). Перстни с такими вставками найдены в Новгороде, в слоях середины XII – конца XIV вв. Как отмечала М. В. Седова, к наиболее ранним относятся перстни с голубыми стеклянными вставками (Седова М. В., 1981, с. 140).

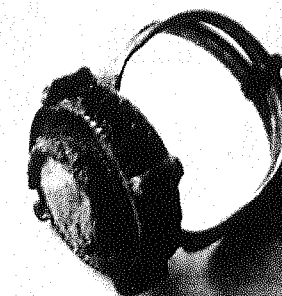

Фото 27. Серебрянный перстень из раскопа 1, мог. 2 (д. Вензовщина (Борок)).

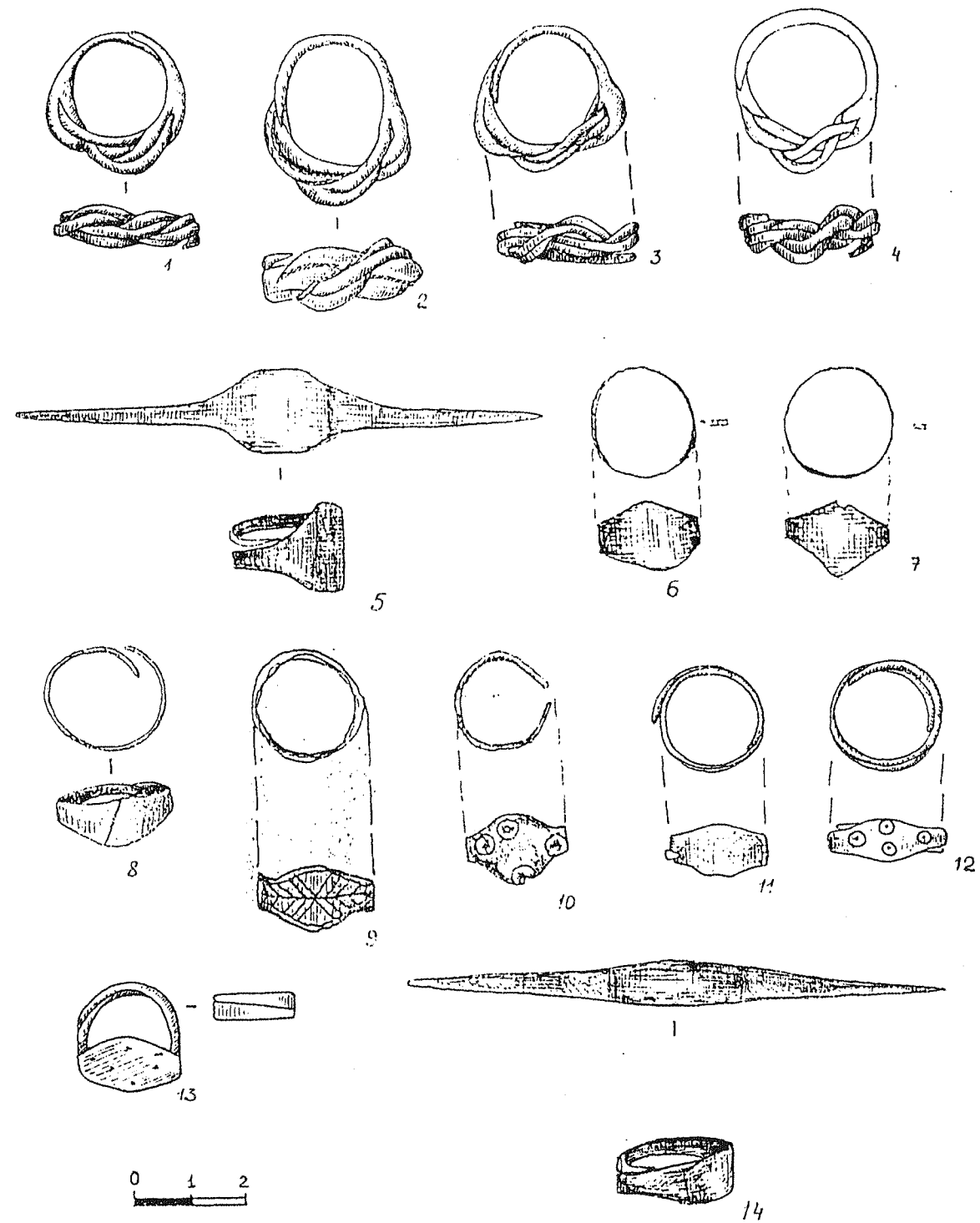

Рис. 23. Перстни: 1-2, 12 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 3-4, 11 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича); 5-10 - д. Вензовщина (Борок): 5 - раскоп 12, мог. 22; 6 - раскоп 7, мог. 3; 7 - раскоп 6, мог. 17; 8 - раскоп 4, мог. 4; 9 - раскоп 18, мог. 2; 10 - раскоп 12, мог. 15; 13 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича); 14 - д. Кукли, раскоп 1, мог. 9.

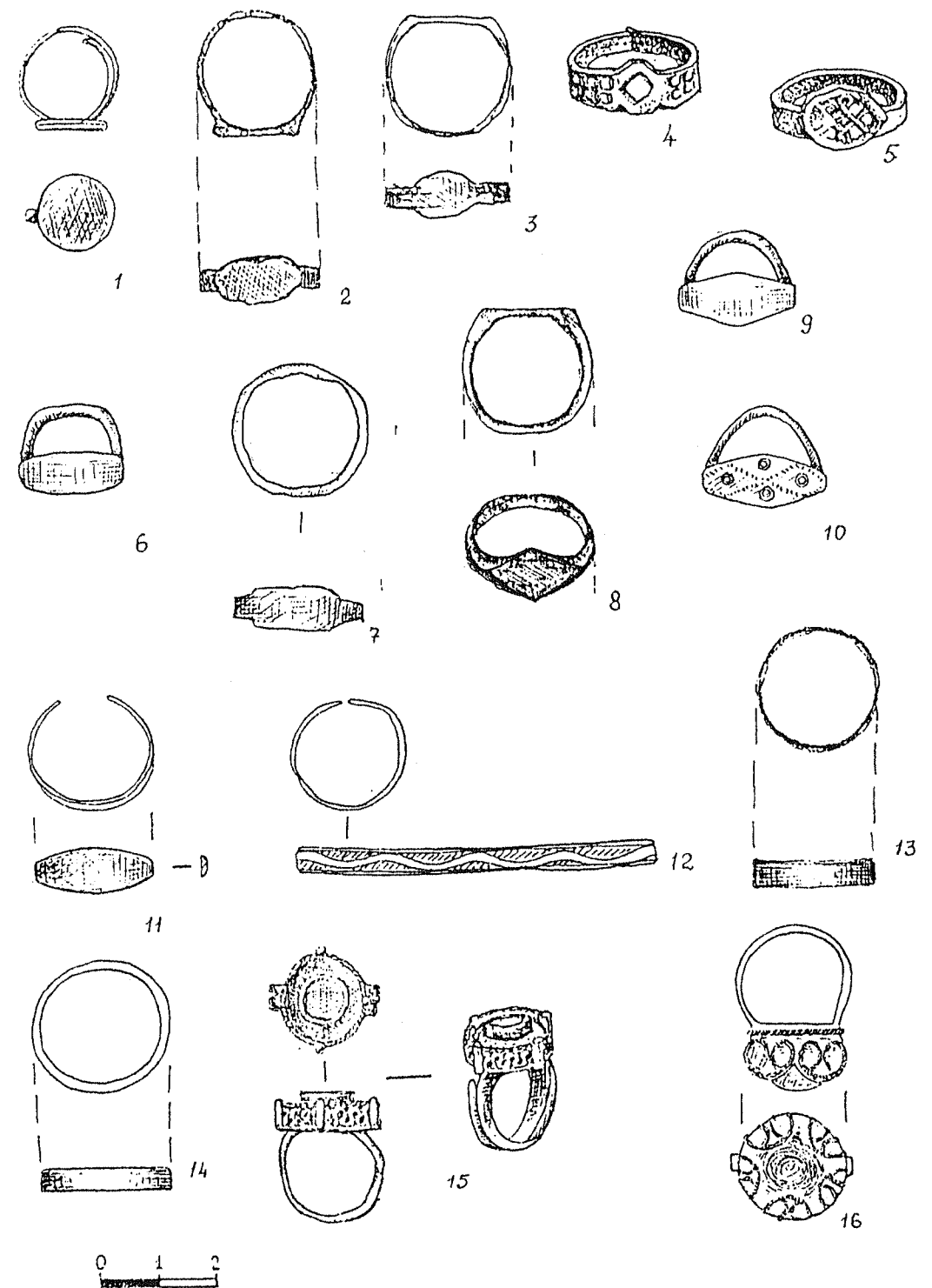

Рис. 24. Перстни: 1 - д. Клепачи (оз. Бездонное), раскоп 2, мог. 3; 4-5 - д. Вензовщина (Борок): 2 - раскоп 14, мог. 9; 3 - раскоп 6, мог. 18; 8 - раскоп 12, мог. 2; 13 - раскоп 14, мог. 7; 15 - раскоп 1, мог. 2; д. Волча: 4 - раскоп 1, мог. 1; 5 - раскоп 3; 6, 9-10 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича); 7 - д. Белица, раскоп 5, кв. 6; 11, 16 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича); 12 - д. Церемец (раскопки В. А. Шукевича); 14 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича).

В таблице 9 (см. приложение) содержатся сведения о перетнях, найденных в женских погребениях каменных могильников Беларуси. Наиболее распространенными были плетенные из тонких проволочек перетни или пластинчатые.

Как правило, одежда в погребениях не сохраняется. Только изредка встречаются фрагменты ткани или кожи – остатки головных уборов и одежды. В мог. 1/10 (Дворчаны), согласно сообщению В. А. Шукевича, голову умершей украшал ряд маленьких бронзовых бляшек, нашитых на ткань (Дело № 103/1890, л. 4). В мог. 7/32 (Дворчаны) на груди скелета слева лежал кусок ткани из шерсти (Дело № 103/1890, л. 34).

Остатки тканей от одежды находил Э. А. Вольтер в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) в мог. 3 (Дело № 103/1890, л. 76). Кроме того, в других изученных погребениях этого же могильника он находил “остатки одежды из кожи и ткани, украшенные бронзовыми кольцами” (Вольтер Э. А., 1890, с. 53).

В. А. Шукевич в мог. 9 этого же могильника около черепа нашел кусок шерстяной ткани бронзового цвета; на шее лежал кусок кожи длиной 14 см и шириной 4,5 см расшитый серебряными и золотыми нитками, и с нашитыми разной формы пластинками из серебра (Дело № 103/1890, л. 4); на тазовых костях находился небольшой кусок пояса. Это был не кожаный, а сплетенный из толстых шерстяных ниток пояс (Szukiewicz W., 1899, s. 36). В могильнике у д. Опановцы (раскопки В. А. Шукевича) в мог. 6 “под браслетами сохранился кусок тонкой шерстяной ткани” (Дело № 103/1890, л. 42). В обобщающей статье В. А. Шукевич отмечал, что “головы женщин покрывал полотняный чепец с нашитыми на нем бляшками”

Фото 28. Бронзовая подковообразная фибула со спиралевидными концами из раскопа 1, могилы 2 (д. Вензовщина (Борок).

(Szukiewicz W., 1885, s. 144). В могильнике у д. Пузели, в мог. 7 В. А. Шукевич нашел остатки шерстяного пояса с нашитыми на нем бронзовыми застежками. “На ткани сохранились цвета: зеленый, желтый, коричневый, которые были хорошо видны” (Szukiewicz W., 1898, s. 224).

В могильнике у д. Кукли, в раскопе 3, мог. 4 бляшки и бисер от налобного украшения были нашиты на ткань. Куски ткани от головных уборов и одежды встречены и в могильниках у д. Вензовщина (Борок), Кукли, Белица, Киспачи (оз. Бездонное).

Чаще, чем куски от одежды, в погребениях находили принадлежности костюма: фибулы, поясные пряжки, в одном случае – пуговицу.

Найдены 3 экземпляра фибул.

Тип I, вариант А. Подковообразная фибула со спиралевидными концами найдена в раскопе 1, мог. 2 могильника у д. Вензовщина (Борок). Фибула находилась на груди в центре, и очевидно, скрепляла одежду (рис. 16:7) (фото 28).

Аналогичные фибулы найдены в городах Беларуси, курганах Минской области (раскопки Вереньки и

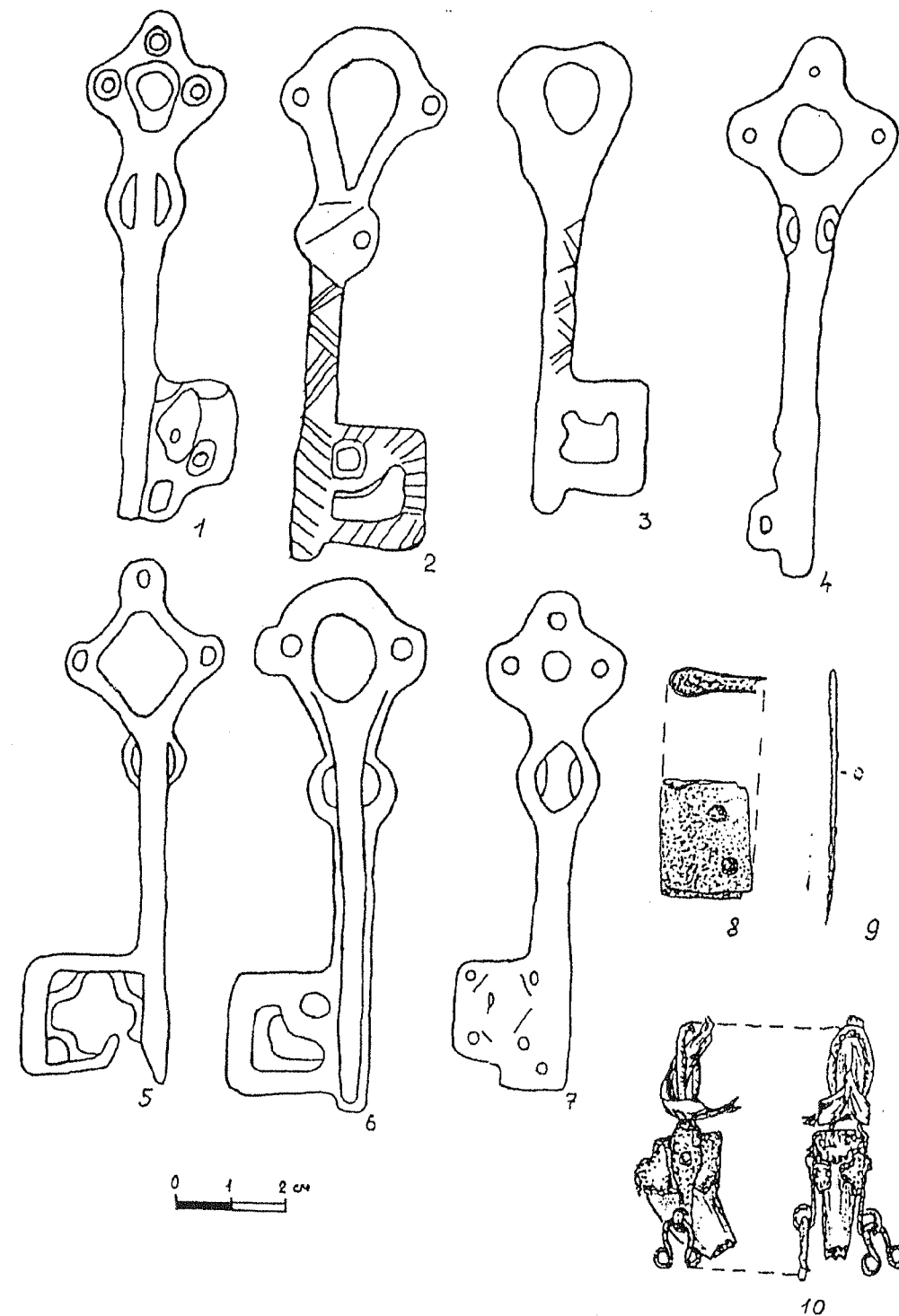

Рис. 25. Символические ключи: 1, 3, 4, 7 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича); 2, 6 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 5 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича); 8 - фрагмент символического ключа - д. Кукли, раскоп 2, мог. 11; игла 9 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 7, мог. 3; зуб окованный бронзой: 10- д. Кукли, раскоп 1, мог. 9.

Тышкевичей), на поселениях Понеманья (Штыхов Г. В., 1978, рис. 20:3; Зверуго Я. Г., 1975, рис. 11:4, 7, 8; Воронин Н. Н., 1954, рис. 16:9; Лысенко П. Ф., 1985, рис. 177; Гуревич Ф. Д., 1981, с. 23, рис. 12:9; Поболь Л. Д., 1979, рис. 78:6, 116:3–5, 7–13; Зверуго Я. Г., 1989, с. 52, рис. 25:6; с. 90, рис. 50:15). Эти фибулы были широко распространены в древностях балгов в период с X до XIV вв. (Vaitkuskienė L., 1979, p. 60, pav. 19:1; Финно, 1987, с. 447, табл. CXXXVIII:9; с. 433, табл. CXIV:23). М. В. Седова отмечала, что родиной этих фибул является Швеция, известны они и в древностях Финляндии (Седова М. В., 1981, с. 84, 87).

Вариант Б. Подковообразная фибула с загнутыми s-видными концами. Найдена в могильнике у д. Кукли, раскоп 4, мог. 1 (рис. 16:6). Фибула располагалась на ребрах скелета. Так как язычок – заковка утрачена, то к одежде, она, вероятно, крепилась с помощью кожаного шнурка, найденного вместе с фибулой. Фибулы этого типа известны в древностях XIII–XIV вв. пруссов (Кулаков В. И., 1990, с. 24, рис. 13:2).

Тип II. Фибула напоминает по форме цветок с шестью большими лепестками. Так как язычок – заковка отсутствует, крепилась она к одежде скорее всего путем пришивания. Происходит из могильника у д. Щурок (траншея 1, мог. 2). Лежала в области правого плеча скелета (рис. 16:8). Аналогичные фибулы найдены в могильниках Литвы (Rickevičiūtė K., 1995, p. 84, pav. 20:1; Urbanavičienė S., 1995, p. 181, pav. 29:17). В. И. Кулаков отмечает, что такие фибулы были известны только в Прибалтике в XIII–XIV вв. (Кулаков В. И., 1990, с. 24, рис. 13:14).

Пуговица происходит из могильника у д. Кукли, раскоп 2 мог. 7. Выполнена из бронзы, располагалась на груди скелета, в центре (рис. 16:5). Пуговицы известны из раскопок Новогрудка (Гуревич Ф. Д., 1981, с. 42, рис. 30:7; с. 64, рис. 49:6, 7; с. 76, рис. 59:6, 12), в могильниках Литвы (Kuncienė O., 1979, p. 84, pav. 14:3; Volkaitė-Kulikauskienė R., Luchtanas A., 1979, p. 104, pav. 3:5, p. 105, pav. 4:8; Urbanavičius V., 1979, p. 135, pav. 13:14; p. 137, pav. 15:2). Исходя из положения в погребениях на других территориях видно, что пуговицы использовали для застегивания воротников рубашек. Датированы XII–XVI вв. У населения рассматриваемых древностей распространения не получили.

В могильнике у д. Вензовщина (Борок), в раскопе 12, мог. 15 выявлена бронзовая пряжка от пояса в виде кольца диаметром 33 мм (рис. 16:9). Она лежала на поясе в центре. В могильнике у д. Дворчаны (мог. 2), слева на тазовых костях также располагалась пряжка (Дело № 90/1894, л. 28). В мог. 4/13 на тазовых костях найдена бронзовая пряжка в виде кольца (Дело № 103/1890, л. 31). В могильнике у д. Пузели, в мог. 7 найдены остатки пояса с бронзовыми застежками (Szukiewicz W., 1885, s. 144).

С. К. Лаул отмечала, что пояса у древних жителей Эстонии были из шерсти. Изредка женщины носили кожаные пояса, которые застегивались спереди бронзовыми пряжками. Сбоку к поясу привешивались разные предметы – ключи, игольник и нож, как правило, в ножнах, изредка с набором бронзовых блях (Лаул С. К., 1986, с. 196). Латыши подпоясывали юбки ткаными поясами, украшенными пышными кистями. “Судя по находкам из могильников, – отмечала А. Э. Зариня,

– к поясу привешивался также нож” (Зариня А. Э., 1986, с. 187). Р. Волкайте-Куликаускене отмечает, что юбки, а часто безрукавки литовок, подпоясывались ткаными поясами, к бахроме которых часто прикреплялся бронзовый бубенчик. Изредка тканый пояс заменялся богато украшенным бронзой кожаным ремнем. Такие, украшенные металлом ремни ранее были известны только в мужских погребениях, а, начиная с XIV в. их носили уже и богатые женщины. Тканый пояс или ремень были необходимой частью одежды женщин, к ним прикреплялись самые нужные предметы ежедневного пользования: железный нож в кожаных ножнах, игольница с иглами, бронзовые ключи, мешочек – кошелек и т. д. (Волкайте-Куликаускене Р. К., 1986, с. 168).

В. А. Шукевич подчеркивал, что “... предметом, характерным для этих могил, являются ключи из бронзы. Располагаются они обычно около пояса, привязанные ремешком”. (Szukiewicz W., 1918, s. 15). Например, в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) в мог. 16 ключ на ремешке найден на груди (Дело № 43/1889, л. 74). В могильнике у д. Дворчаны, в мог. 5/15 “под левой плечевой костью лежал бронзовый ключ”, а в мог. 13/17 “под левым локтем были 2 ключа из белого металла” (Дело № 103/1890, л. 32, 40, 41).

В фондах Национального музея Литвы в Вильнюсе хранятся ключи из могильников у д. Вензовщина (ур. Гончариха), Дворчаны, Пузели (рис. 25:1–7).

В могильнике у д. Кукли (раскоп 2, мог. 11) справа около бедренной кости найден фрагмент ключа, выполненный из бронзы и железа (рис. 25:8). Символические ключи выявлены в могильниках Литвы (Kun-

cienė O., 1979, p. 85, pav. 16:3; Volkaitė-Kulikauskienė R., Luchtanas A., 1979, p. 104, pav. 3:8; Urbanavičius V., Urbanavičienė S., 1988, p. 27, pav. 36:6, 7, p. 43, pav. 72:7; Urbanavičienė S., 1995, p. 155, pav. 8:7, p. 156, pav. 10:8–10, p. 180, pav. 27:2; p. 181, pav. 29:10; Varnas A., 1995, p. 246, pav. 2:1; Zabiela G. 1995, p. 331, pav. 3, p. 366, pav. 5; Zabiela G. 1995, p. 388, pav. 9:32, 33), в погребальных памятниках веси (Финно, 1987, с. 266, табл. XVIII:16). С. Урбанавичене отмечает, что бронзовые ключи нужно относить к украшениям символического значения. Их привешивали к поясу и своеобразно дополняли комплект украшений. Довольно часто их находили в кошельках. Ключи чаще всего встречаются в погребениях богатых женщин, что даёт основание считать их символическим украшением экономок имений, которые определяли власть на какую-то часть богатства, а возможно и семьи (Урбанавичене С., 1988, с. 165–166). В. Урбанавичюс считает, что бронзовые ключи, которые были копиями настоящих ключей, носили хозяйки имений (но не жены бояр), как символические украшения. Это копии ключей от плоских замков, которые в Литве появились в самом конце XIII в. Найдены они и в женских погребениях вместе с монетами XVI в. (Урбанавичюс В., 1967, с. 23).

В некоторых погребениях женщин найдены кости и зубы животных. Например, В. А. Шукевич в мог. 2/11 (д. Дворчаны) на груди скелета нашел “что-то похожее на мешок из толстого полотна, который рассыпался. В нем был железный нож в кожаных ножнах и кость какого-то животного” (Szukiewicz W., 1885, s. 144). В могильнике у д. Кукли (раскоп 1, мог. 9), слева у бедренной кости скелета лежал зуб животного, окованный бронзой на кожаном шнурке (рис. 25:10, фото

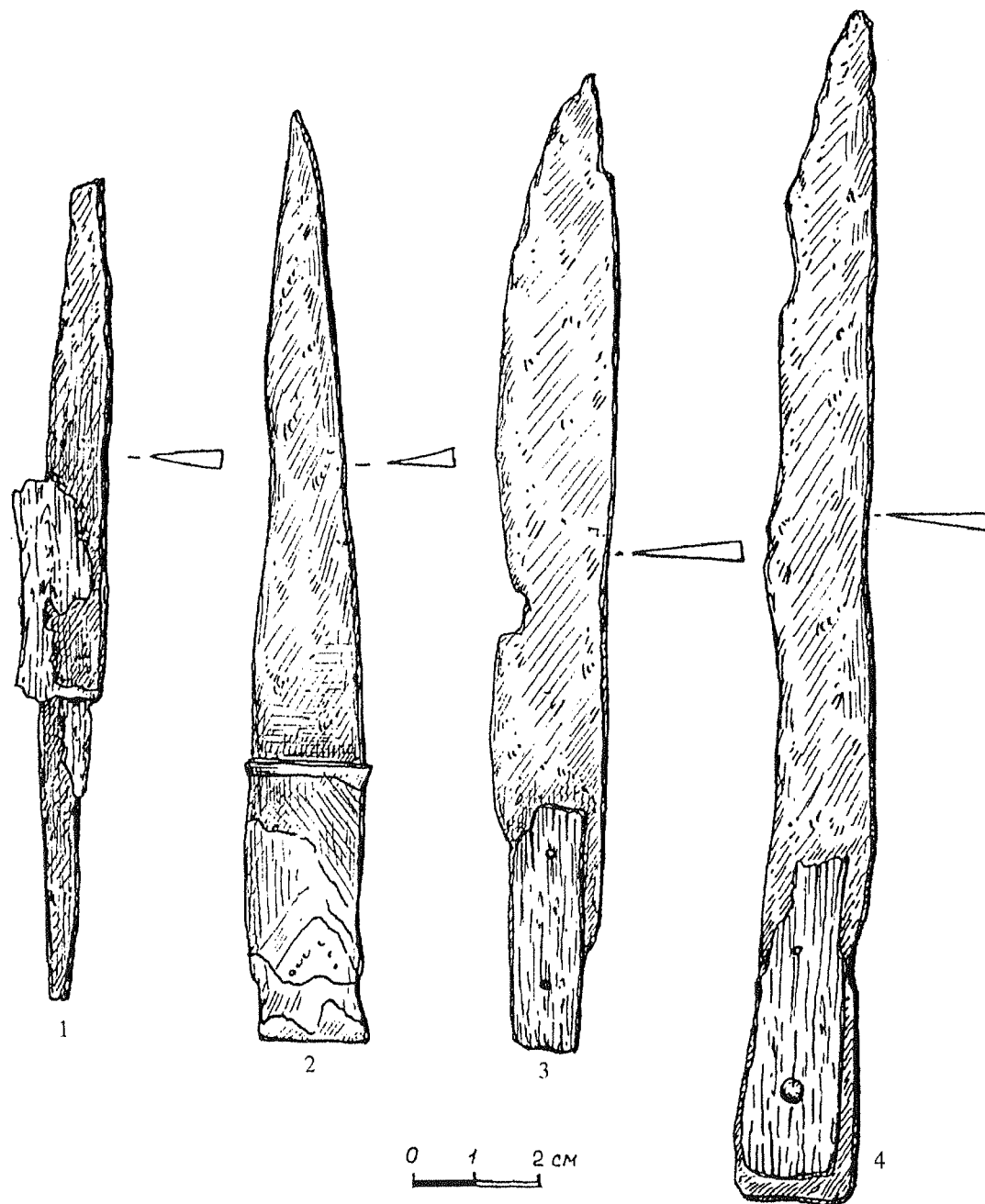

Рис. 26. Ножи: д. Кукли: 1 - раскоп 2, мог. 8; 3 - раскоп 1, мог. 9; 4 - раскоп 2, мог. 6; 2 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 1, мог. 2.

22:1). Скорее всего, и кость и зуб животного являлись амулетами – оберегами. Аналогичные амулеты из когтей и зубов животных найдены в могильниках Литвы XIII–XVII вв. (Volkaitė-Kulikauskienė R., Luchanas A.,

1979, p. 105, pav. 4:5; Urbanavičius V., 1979, p. 137, pav. 15:3; p. 139, pav. 17:2, p. 140, pav. 18:4, p. 141, pav. 19:2, p. 144, pav. 21:2), в древностях пруссов, селов, ливов, эстов (Финно, 1987, с. 433, табл. CXIV:12, с. 368, с. 250, табл. II:11);

куршей (Žulkus V., 1995, p. 5, pav. 5:11). Это означает, что они были широко распространены в древностях балтских и финских племен. Найдены они в грунтовых могильниках конца XI – первой половины XII вв. на территории Польши (Kaszewscy E. i Z., 1971, s. 433). С. Урбанавичене отмечает, что такие амулеты прикрепляли к поясу, как и символические ключи, и таким образом дополняли украшения. Носили их и в кошельках (Урбанавичене С., 1988, с. 165). По мнению В. Урбанавичюса, украшенные металлом когти найдены только в погребениях молодых женщин Литвы, которые датируются XV–XVII вв. и являются подарками, которые мужчины – охотники преподносили своим невестам в знак доказательства своей храбрости и мужества во время охоты (Урбанавичюс В., 1967, с. 23).

В могильнике у д. Вензовщина (Борок) в раскопе 7, мог. 3 слева от бедра скелета нашли железную иголку (рис. 25:9). В могильнике у д. Кукли, в раскопе 2, мог. 6 на груди скелета лежал фрагмент бронзовой игольницы. В могильнике у д. Пузели, в мог. 5 и 7 слева у пояса находились глиняные пряслица (Дело № 103/1890, л. 5–6). О. Кунцене считает характерными для женских погребений Литвы иголки, ключи, пряслица, игольницы (Kuncienė O., 1979, p. 100).

Ножи являются обязательным атрибутом женских погребений. Отсутствие их в погребениях – случаи редкие. В. А. Шукевич во время раскопок могильника у д. Вензовщина (ур. Гончариха) в мог. 9 нашел “под локтем правой руки железный нож в кожаных, украшенных вышивкой ножнах, к которым с помощью бронзовой пуговицы крепился ремешок с бронзовой петлей; в мог. 10 “около левого плеча лежал нож в кожаных ножнах, частью рас-

шитых бронзовой провололочкой”; в мог. 7/32 “на груди слева лежал нож в кожаных расшитых ножнах”; в мог. 12/8 – у левого плеча находился “нож в кожаных ножнах” (Дело № 103/1890, л. 4, 32, 39). В могильнике у д. Вензовщина (Борок), в раскопе 1, мог. 2 слева под локтем найден нож с костяной орнаментированной рукояткой. Ножи располагались чаще всего справа или слева у пояса, под локтями рук, изредка – у черепа. Все найденные ножи можно разделить на 2 основных типа: 1) черешковые (рис. 26:1-2) и 2) пластинчатые, когда лезвие непосредственно переходит в ручку. У пластинчатых ножей рукоятка состояла из двух половинок – накладок, прикрепленных к лезвию ножа с помощью металлических гвоздиков. Как правило, рукоятки выполнены из дерева, изредка – из кости (рис. 26:3-4). Ножи такого типа появляются в Литве в XIV в. (Урбанавичюс В., 1967, с. 13). Тем не менее, как первый, так и второй типы встречаются в каменных могильниках до начала–середины XVI в. С. Урбанавичене отмечала, что ножи в Литве носили и женщины и мужчины, и дети до середины XVI в. Чаще всего они помещались в ножнах, привязанных к поясу. Ножи в украшенных бронзой ножнах следует трактовать не только как оружие, или как орудие труда, но и как своеобразное украшение одежды (Урбанавичене С., 1988, с. 166).

В некоторых женских погребениях были найдены монеты. Например, в могильнике у д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича) в мог. 10 “с левой стороны около тазовых костей на кусочке кожи лежала монета литовская, истертая” (Дело № 13а/1888, л. 49, и об.).

В могильнике у д. Опановцы (раскопки Э. А. Вольтера) в мог. 16/2 “около черепа найден серебряный

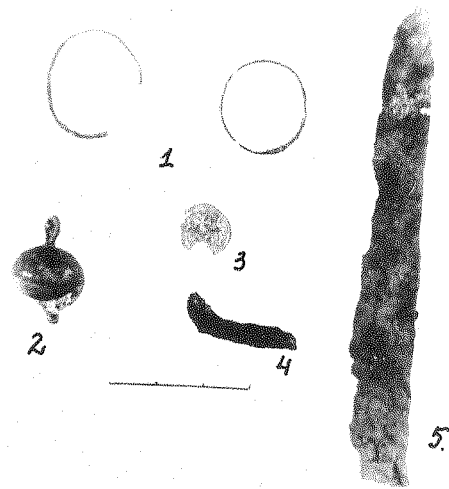

Фото 29. Погребальный инвентарь: 1 - перстни (раскоп 1, д. Миневщина); 2 - бронзовый бубенчик (раскоп 4, кв. 6); 3 - денарий Сигизмунда I Старого (могила 12); 4 - фрагмент железного гвоздя (могила 4); 5 - нож (могила 1) - из могильника у д. Новоселки Зельвенского района Гродненской обл.

чешский грош" (Дело № 87, л. 13). В могильнике у д. Первомайск в мог. 7 "под черепом лежала монета - денарий короля польского Александра"; в могильнике у д. Воробы в мог. 1 слева на тазовых костях (слегка ниже) найдена серебряная монета князя Кейстуга (Дело № 103/1890, л. 40). В могильнике у д. Кукли, в раскопе 2, мог. 6 на груди скелета находился серебряный денарий Александра Ягеллончика (1501-1506 гг.). В могильнике у д. Новоселки (Зельвенский район) в раскопе 3, мог. 12 в области коленей найден денарий Сигизмунда I Старого, не датирован. Он был отчеканен в Восточной Пруссии (г. Эльблонг) между 1530-1533 гг. (фото 29:3).

Приведенные данные о расположении монет в погребениях, говорят о том, что попали они туда не случайно, а были положены специально и являются частью погребального инвентаря. Обычай класть деньги в могилы

связан, видимо, с задабриванием Копши. Согласно сообщению П. М. Шпилевского, "Копша - злой и мстительный могильный дух, который требовал, чтобы родственники умершего клали в его домовину разную еду и деньги" (Прыказкі, 1976, с. 569). Про необходимость исполнения этого обычая говорит и поговорка: "с деньгами и Копше угодишь" (Прыказкі, 1976, с. 163). Обычай класть деньги в могилы умерших существует и сегодня на Беларуси. В. Урбанавичус отмечал, что монеты в Литве клали умершим в погребения еще в XIX - начале XX вв. В то время люди верили, что умерший может купить себе место у предыдущего, похороненного до него умершего (Урбанавичус В., 1967, с. 25).

Горшки в заполнении могил или около скелетов встречаются очень редко. Например, во время исследований у д. Вензовщина (ур. Гончариха) Э. А. Вольтер в мог. 15 нашел глиняную миску; в мог. 16 "в ногах скелета находились два горшка мискообразной формы, один из которых верх дном" (Дело № 43/1889, л. 72, 74). В могильнике у д. Дворчаны В. А. Шукевич в мог. 1/10 на глубине 0,54 м слева от скелета, который лежал ниже, нашел хорошо сохранившийся горшок, украшенный двумя - одной прямой и одной волнистой линиями; в мог. 11/25 на глубине 0,5 м на боку лежал горшок (Дело № 103/1890, л. 5, 38). В могильнике у д. Пузели, в мог. 2 В. А. Шукевич слева около черепа выявил горшок (Дело № 13а/1888, л. 49). Горшок без дна найден в заполнении могилы (над ногами скелета) в раскопе 2, мог. 6 в могильнике у д. Новоселки (Зельвенский район) (рис. 66:3, фото 30). Но, как отмечал и В. А. Шукевич, целые горшки в могилах встречаются редко, чаще - это фрагменты керамической посуды, которые

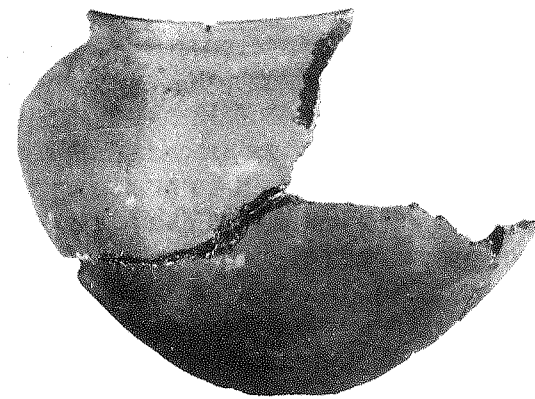

Фото 30. Профиль горшка (без дна) из могилы 6 могильника у д. Новоселки Зельвенского района Гродненской обл.

Рис. 27. Сельский женский костюм XI в. Реконструкция по материалам каменного могильника у д. Подрось (раскопки Я. Фицтке).

располагались на поверхности могил, под каменными кладками (Szukiewicz W., 1918, s. 15).

В. Урбанавичус отмечал, что целые горшки составляют одну из самых больших групп предметов, найденных в могильниках Литвы XIV-XVII вв. В большом количестве они найдены во всех исследованных могильниках этого периода. В более древних могильниках Литвы они встречаются очень редко. Помещали их в мужские, женские и детские погребения около головы или у ног умерших (Урбанавичус В., 1967, с. 16).

Рассмотренные предметы погребального инвентаря женских могил выступают в различных сочетаниях. Данные об этом помещены в таблице 12 (см. приложение).

Полученные во время археологических исследований материалы позволяют более - менее правдиво восстановить женский костюм рассматриваемого населения и проследить изменчивость моды на протяжении значительного отрезка времени: от XI по XVII вв.

В XI в. женский костюм выглядел следующим образом. Голову покрывал полотняный чепчик или полусферическая шапочка, к которым в области висков изредка крепились перстнеобразные или полтораоборотные височные кольца, или первые и вторые вместе. На шее находились золотые или стеклянные бусы, или трапециевидные или ромбической формы бронзовые подвески с тисненым орнаментом, или бронзовые бубенчики. Пальцы рук украшали плетеные или спиральные перстни. Платье или юбка подпоясывались поясом, к которому подвешивался нож в кожаных орнаментированных ножнах; полотняный мешочек, в котором находились иголка, пряслице (рис. 27).

В первой половине XII в. появляются серебряные с позолотой, бронзовые или медные бляшки с тисненым орнаментом, которые нашивали непосредственно на шапочку, или привешивали на спирально перекрученную проволоку в налобной ее части от виска к виску. Часто бляшки обшивали одним или двумя рядами очень мелкого бисера желтого или черного цвета. В XII в. к головному убору в области висков прикрепляли изредка трехбусинные, а в конце XII – начале XIII вв. многобусинные височные кольца. Шею украшали

Рис. 28. Сельский женский костюм XII-XIII вв. по материалам каменных могильников: 1 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 2 - д. Кукли.

ожерелья, в состав которых входили стеклянные разноцветные бусы, бронзовые бубенчики, подвески разной формы, редко – крестики, а с конца XIII в. – раковины каури. На пальцах рук были перстни – плетеные из нескольких проволочек, изредка со вставками. Руки украшали браслеты: спиральные в три оборота, плетеные, пластинчатые, ложновитые. Как и ранее, к поясу привешивался нож в кожаных ножнах и мешочек, а в XIII в. в моду вошли символические ключи. Изредка к поясу привешивали амулеты – обереги из зубов или когтей

животных. Использовали наплечные покрывала, которые закрепляли с помощью фибул (рис. 28:1-2, фото 31).

В конце XIII – начале XIV вв. по причине изменения моды изменяются и украшения. Вместо височных колец в моду вошли серьги различных типов, которые вначале носили прикрепленными к головному убору, как ранее носили височные кольца. Перстни пластинчатые и со щитками различной формы, с замкнутыми концами. По-прежнему к поясу привешивали ножи в ножнах и мешочки (рис. 29:1).

Во второй половине – конце XIV в. изменяется головной убор. Можно полагать, что вместо шапочек стали использовать намитки, о чем свидетельствуют находки в ряде погребений

Фото 31. Реконструкция женского лица по черепу выполнена И. В. Чаквинным и Л. Яшуком (раскоп 1, могила 2, д. Вензовщина (Борок)).

большого количества истлевшей ткани у черепов. Намитки скрепляли бронзовыми булавками типа “пус йеппи”. Во время раскопок грунтового могильника IX-XII вв. у г. Паланга (Западная Литва) были получены данные, которые позволили реконструировать не только прически, но и головные уборы женщин. Установлено, что в эпоху раннего феодализма в Литве замужние женщины и девушки носили не только разный головной убор, но и прически. Голову женщины покрывали белой намиткой и скрепляли бронзовой булавкой с треугольной, круглой или пластинчатой, покрытой листовым серебром головкой. Девушки свои головы покрывали красивыми шапочками (Волкайте – Куликаускаене Р. К., 1964, с. 51-52). Данные об использовании намиток женщинами, которые погребены в каменных могильниках территории Беларуси ранее середины – конца XIV в., отсутствуют. Вполне вероятно, что их стали использовать в качестве головного убора позднее, чем в Литве. Могло быть, что намитки употребляли, как и в Литве, уже в X-XII вв., но не скрепляли их металлическими предметами. Так или иначе, исходя из полученных материалов во время раскопок каменных могильников территории Беларуси, сегодня мы можем говорить об употреблении женщинами намиток в качестве головного убора не ранее чем середина – вторая половина XIV в. Намитка, согласно описанию П. М. Шпилевского, в XIX в. выглядела следующим образом: это узкое длинное полотнище, сложенное в несколько рядков и обвитое вокруг головы, со множеством складок, со свисающими концами по бокам головы. П. М. Шпилевский в своей книге сообщал, что головы полесянок украшали белые

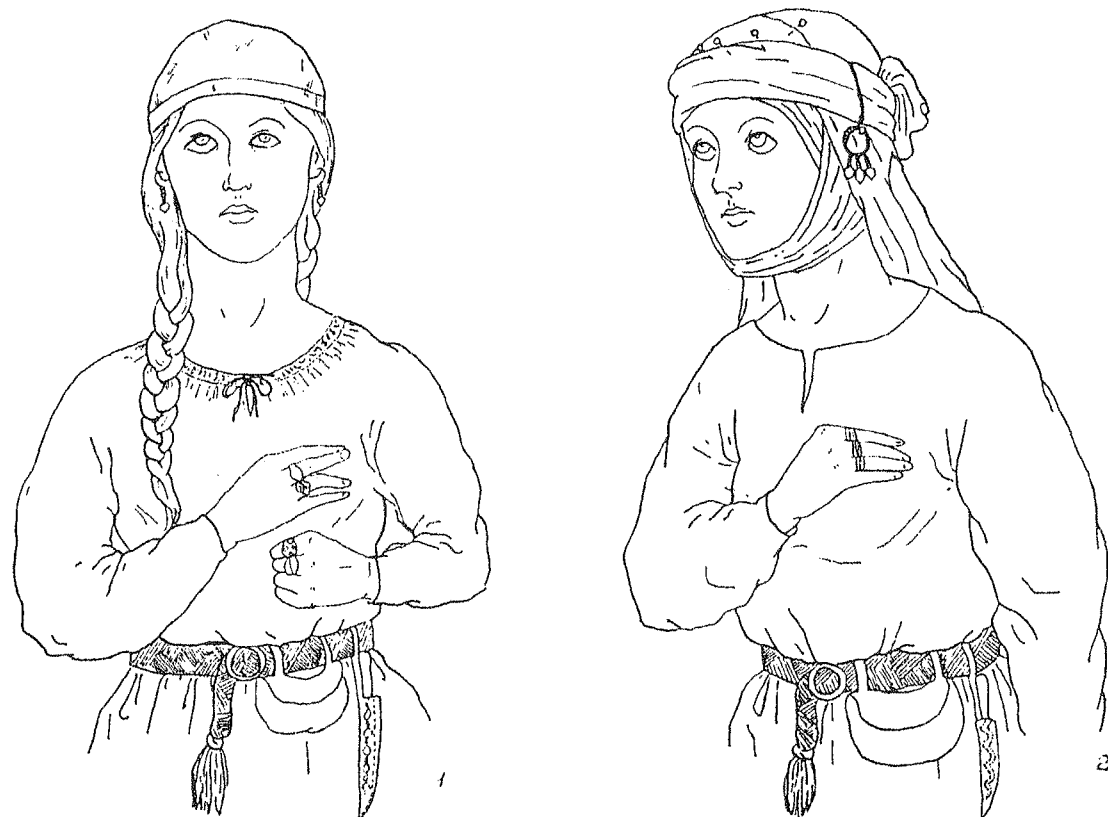

Рис. 29. Сельский женский костюм по материалам каменного могильника у д. Клепачи (оз. Бездонное), реконструкция: 1 - раскоп 7, мог. 2; 2 - раскоп 8, мог. 2.

большие с развешивающимися по бокам крыльями покрывала, похожие по покрою на древние литовские или ятвяжские (Шпилевский П. В., 1992, с. 39, 52).

Пальцы рук, как и ранее, украшали перстнями. К поясу привешивали нож в ножнах и мешочек. Такой костюм существовал в XVI–XVII вв. (рис. 29:2).

По характеру рассмотренный костюм является языческим. К языческим относился обычай украшать костюм металлическими предметами определенного ассортимента. Украшениям придавали особый смысл: они выполняли не только эстетическую, утилитарную роль, но и роль оберегов. Поэтому они и присутствуют в костюме, тем более в праздничном, в котором было

принято хоронить умерших. Количество и качество украшений, это значит благородство материалов, из которых они сделаны, зависели прежде всего от состоятельности владельца, его социального положения. И об этом также свидетельствуют материалы изученных погребений, которые исходя из найденных там предметов, можно разделить на “богатые” и “бедные”.

Таким образом, весь костюм, изготовленный из ткани или кожи, украшенный металлическими предметами, являлся языческим. Согласно языческим представлениям, все имеет особый смысл и значение, а главная идея язычества – вера в воскрешение. Поэтому умершего хоронили в праздничном костюме, украшенном металлом и с разными предметами; верили,

что все это ему пригодится, и во время воскрешения он будет выглядеть соответствующе.

Приведенные реконструкции показывают, что в сравнении с XI–XIII вв. костюм XV–XVII вв. уже не содержал многочисленных украшений. Традиционно в костюме остались привязанные к поясу нож в ножнах и мешочки, в которых находились иголка и игольница. Из украшений известны кольцообразные с перевитием серьги, узкопластинчатые перстни с двумя бороздками.

С. Урбанавичене считает, что отсутствие металлических украшений в литовском костюме (начиная с середины XVI в.) вызвано разными причинами, а в первую очередь тем, что во время реформации и контрреформации проводилась борьба с древними, дохристианскими обычаями крестьян, а металлические украшения связывались с язычеством. По мнению исследовательницы, дальнейшее закрепощение и обеднение крестьянства привели к тому, что они уже не могли приобретать дорогие металлические украшения. Поэтому костюм крестьянки в середине XVI в. не имеет металлических предметов, а украшения – единичные (Урбанавичене С., 1988, с. 167).

По нашему мнению, вероятным можно считать и то, что исчезновение металлических предметов из костюма было вызвано, кроме распространения христианского погребального обряда, утратой металлическими украшениями функции денежного эквивалента. Свидетельством этому могут быть данные, которые привела Т. И. Макарова, изучая некоторые ювелирные украшения с точки зрения сохранения определенных мер. Например, когда изготавливали перстни с геральдическими изображениями, вятичские семилучевые височные кольца исходили

из такой меры как вершок или его части. И это понятно: условия заказа на их изготовление и оплату допускали договор об их размерах и весе использованного материала (Макарова Т. И., 1993, с. 194–196). В свою очередь, эти предметы могли уже выполнять роль денежного эквивалента при расчетах. В пользу такого вывода свидетельствует и то, что на рассматриваемой территории XII–XIII вв. – безмонетный период. Поэтому совершенно естественным представляется употребление ювелирных изделий в качестве денежного эквивалента.

В заключении заметим, что не все представленные реконструкции опираются на найденные в одном погребении предметы. Ни одна из них не является эталоном, так как в каждом погребении найдены отдельные, по-разному скомплектованные наборы украшений, что дает основание для вывода об определенной индивидуальности каждого костюма.

Инвентарь мужских погребений

В мужских погребениях найдены предметы, которые можно разделить на несколько групп: оружие, орудия труда и быта; принадлежности костюма, украшения, амулеты.

Оружие представлено наконечниками копий, одним экземпляром боевого ножа и топорами.

Наконечники копий находил В. А. Шукевич в могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха) – мог. 3/1889; 3/1890; 2, 4, 6/1892) (Дело № 103/1890, л. 4, 23); у д. Дворчаны: мог. 8/28 (Дело № 68/1895, л. 6); у д. Пузели – мог. 1.

В нашем распоряжении имеются наконечники копий из могильников у д. Вензовщина (ур. Гончариха) – 3 экз;

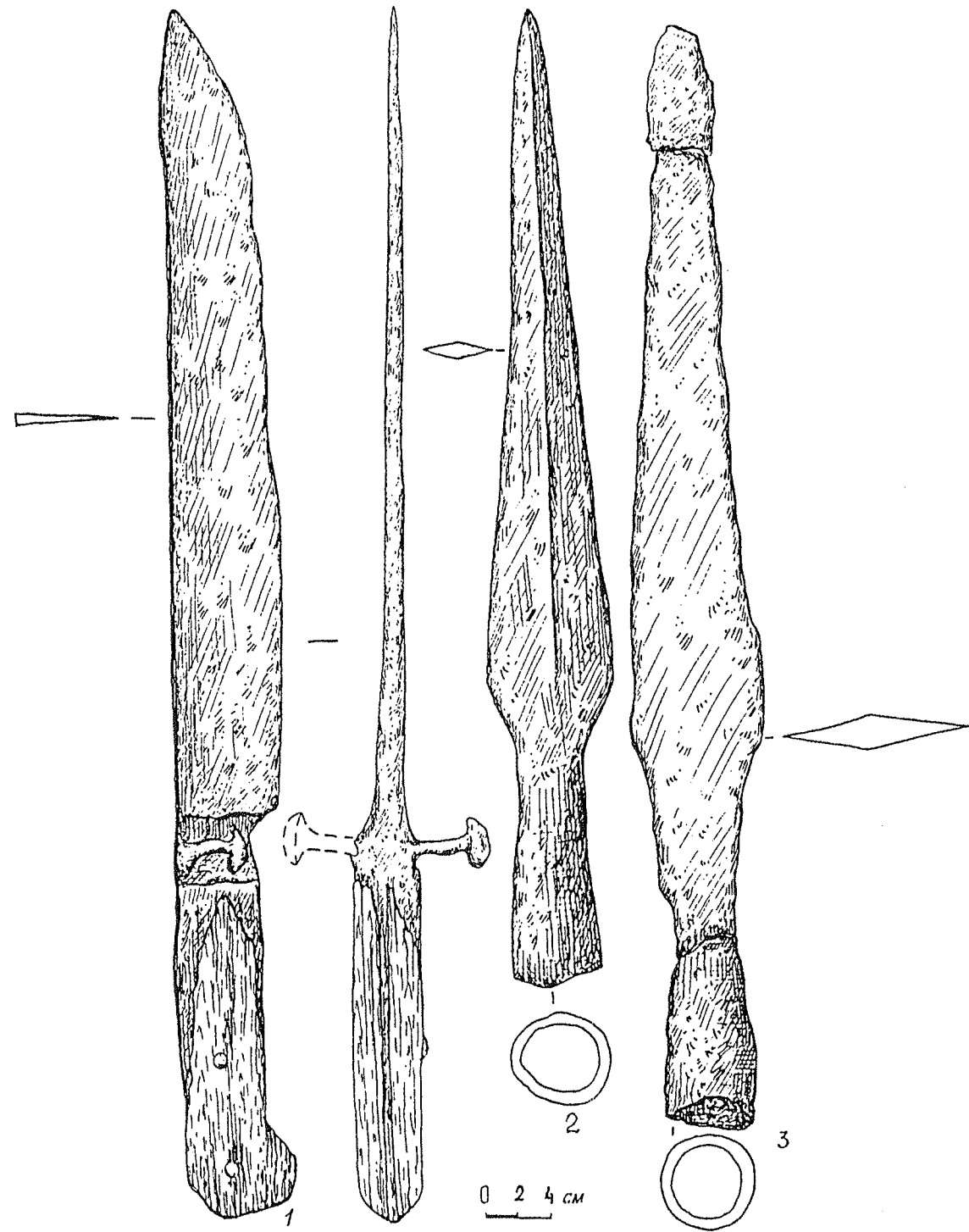

Рис. 30. Боевой нож: 1 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 12, мог. 16; наконечники копий: 2 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича); 3 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 16, мог. 6.

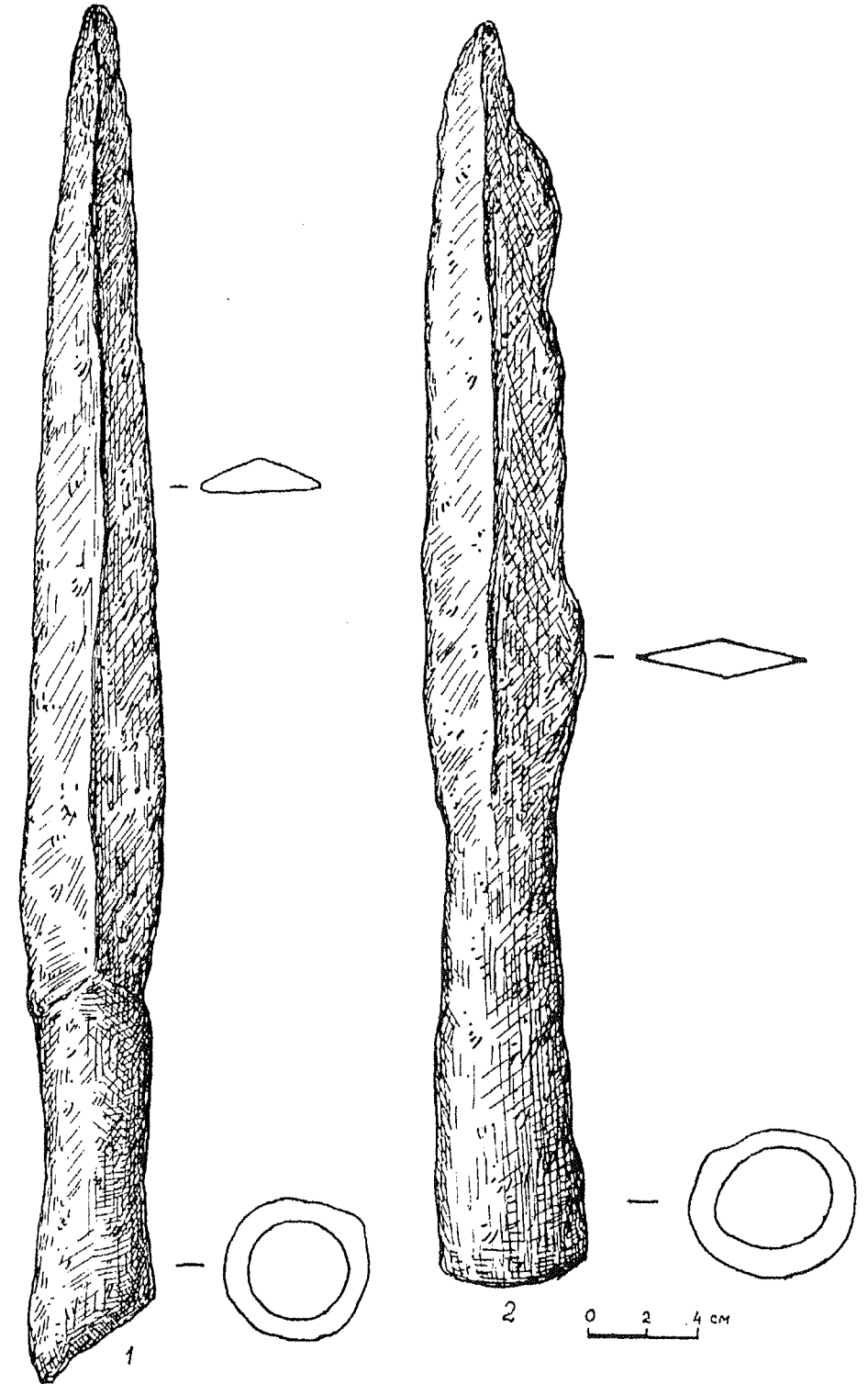

Рис. 31. Наконечники копий: 1 - д. Вензовщина (ур. Гончариха); 2 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича).

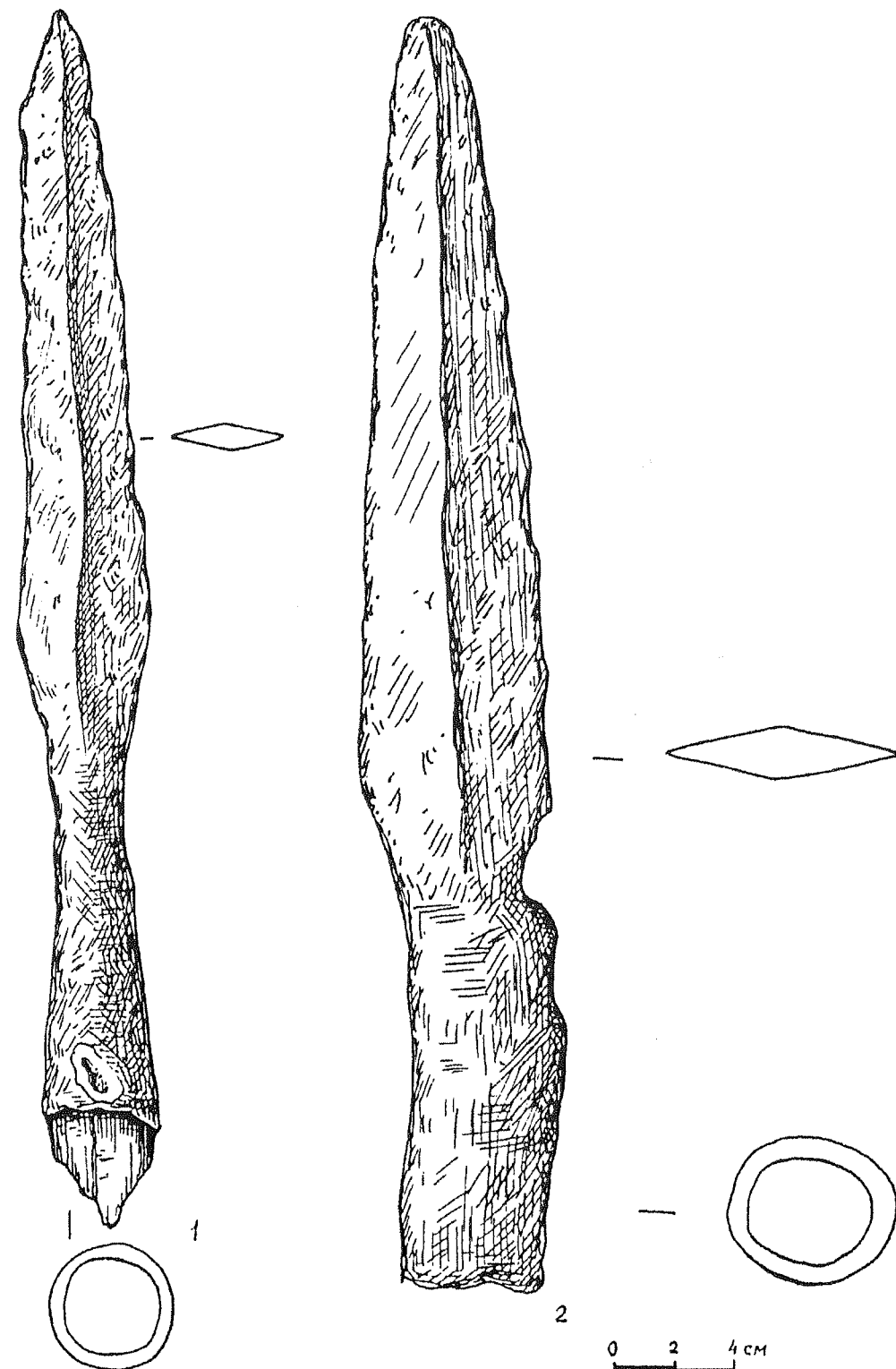

Рис. 32. Наконечники копий: д. Вензовщина (Борок): 1 - раскоп 9, мог. 3; 2 - раскоп 16, мог. 5.

у д. Пузели – 2 экз. (раскопки В. А. Шукевича), а также из могильника у д. Вензовщина (Борок) – 3 экз. Они представлены двумя типами.

К I типу отнесены наконечники, найденные в могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха и Борок) (рис. 30:2–3). Размеры первого: длина лезвия 23 см; диаметр втулки 2,5 см, сечение ромбическое, общая длина — 31 см. Размеры второго: длина 35 см, диаметр втулки 2,5 см. Сечение ромбическое. По классификации А. Н. Кирпичникова, это наконечники с широким листом и низко опущенными плечиками (Кирпичников А. Н., 1978, с. 81). Аналогичные наконечники копий найдены в курганах у д. Королино (Зельвенский район, Гродненская область), в могильниках X–XII вв. Литвы, в древностях пруссов, латгалов (Зверуго Я. Г., 1989, с. 100, рис. 56:1; Vaitkunskiene L., 1979, p. 54, pav. 13: 3; Финно, 1987, с. 449, табл. СXXX :11; с. 430, табл. СХI:2).

Тип II, вариант А. Наконечники копий, найденные в могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха) – 2 экз. (рис. 31:1) у д. Пузели (рис. 31:2) и Борок (1 экз.) (рис. 32:1). Их размеры: а) длина копья 24,5 см, длина пера – 18 см, ширина пера – 2,8 см; б) длина копья 22,5 см, длина пера – 13,6 см, ширина пера – 3,2 см; диаметр втулки 2,5 см, сечение ромбическое; в) длина копья 21,5 см, длина пера – 14 см, ширина лезвия 3,5 см, диаметр втулки 2,8 см. Как видим, копья этого типа, в отличие от предыдущего, меньше по размерам. Согласно классификации А. Н. Кирпичникова, это наконечники со скошенными плечиками (Кирпичников А. Н., 1978, с. 81). Аналогичные копья найдены в могильниках Литвы, где датируются X–XIII вв. (Vaitkunskiene L., 1979, p. 54, pav. 13:2).

Тип II, вариант Б. Наконечник копья происходит из могильника у д. Вензовщина (Борок) (рис. 32:2) (фото 32:6). Длина его 19 см, длина пера – 12,5 см, ширина пера 2,2 см диаметр втулки 2,1 см; сечение ромбическое. По бокам втулки имеются отверстия для гвоздиков, с помощью которых наконечник крепился к древку. А. Н. Кирпичников классифицирует такие наконечники как разновидность наконечников копий со скошенными плечиками и считает, что они были типичными для замков, погребений

Фото 32. Погребальный инвентарь: 1 - топор, 2 - кресало с кремнем, 3 - фрагмент ножа, 4 - бронзовая бусина, 5 - перстень, 6 - копье из могилы 5, раскоп 16 (д. Вензовщина (Борок)).

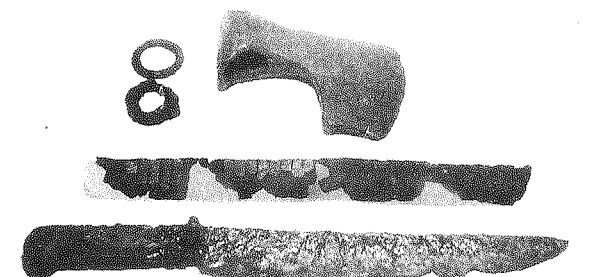

Фото 33. Погребальный инвентарь: поясные железные кольца, топор, фрагменты кожанного ремня с бронзовыми накладками, боевой нож из раскопа 12, могила 16 (д. Вензовщина (Борок)).

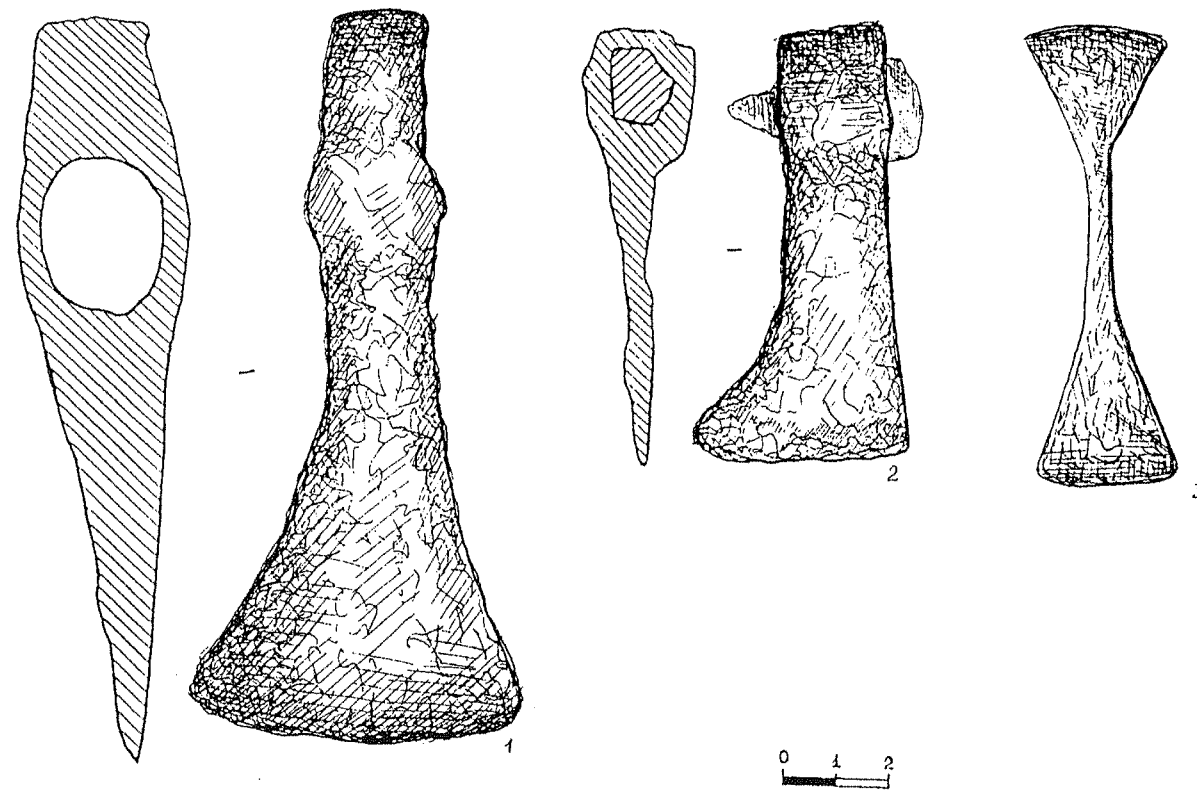

Рис. 33. Топоры: 1-2 - д. Вензовщина (ур. Гончариха); 3 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича).

воинов (Кирничников А. Н., 1978, с. 81). Аналогичные наконечники копий найдены в могильниках XIII–XIV вв. Литвы (Kuncienė O., 1979, р. 88, раv. 19:4).

Один экземпляр боевого ножа с деревянной рукояткой выявлен в мог. 13 (Опановцы) (Дело № 103/1890, л. 42), и один экземпляр – в могильнике у д. Вензовщина (Борок), раскоп 12, мог. 16. Этот последний имеет длину лезвия 26 см, ширину – 3,5 см. Лезвие непосредственно переходит в ручку, на которой с помощью бронзовых гвоздиков крепились деревянные накладки. Перед переходом в ручку с обеих сторон лезвия имеются железные выступы – перекрестья (рис. 30:1) (фото 33). В. Урбанавичюс отмечал, что в Литве ножи с пластинчатой ручкой появляются в XIV в. Таким

образом, и наш экземпляр боевого ножа следует датировать не ранее XIV в. Топоры найдены во многих погребениях; их можно считать предметами, очень характерными для мужских погребений этого типа древностей.

Фото 34. Погребальный инвентарь из раскопа 6, могилы 19 - топор, кресало с кремнем, нож, точильный камень (д. Вензовщина (Борок)).

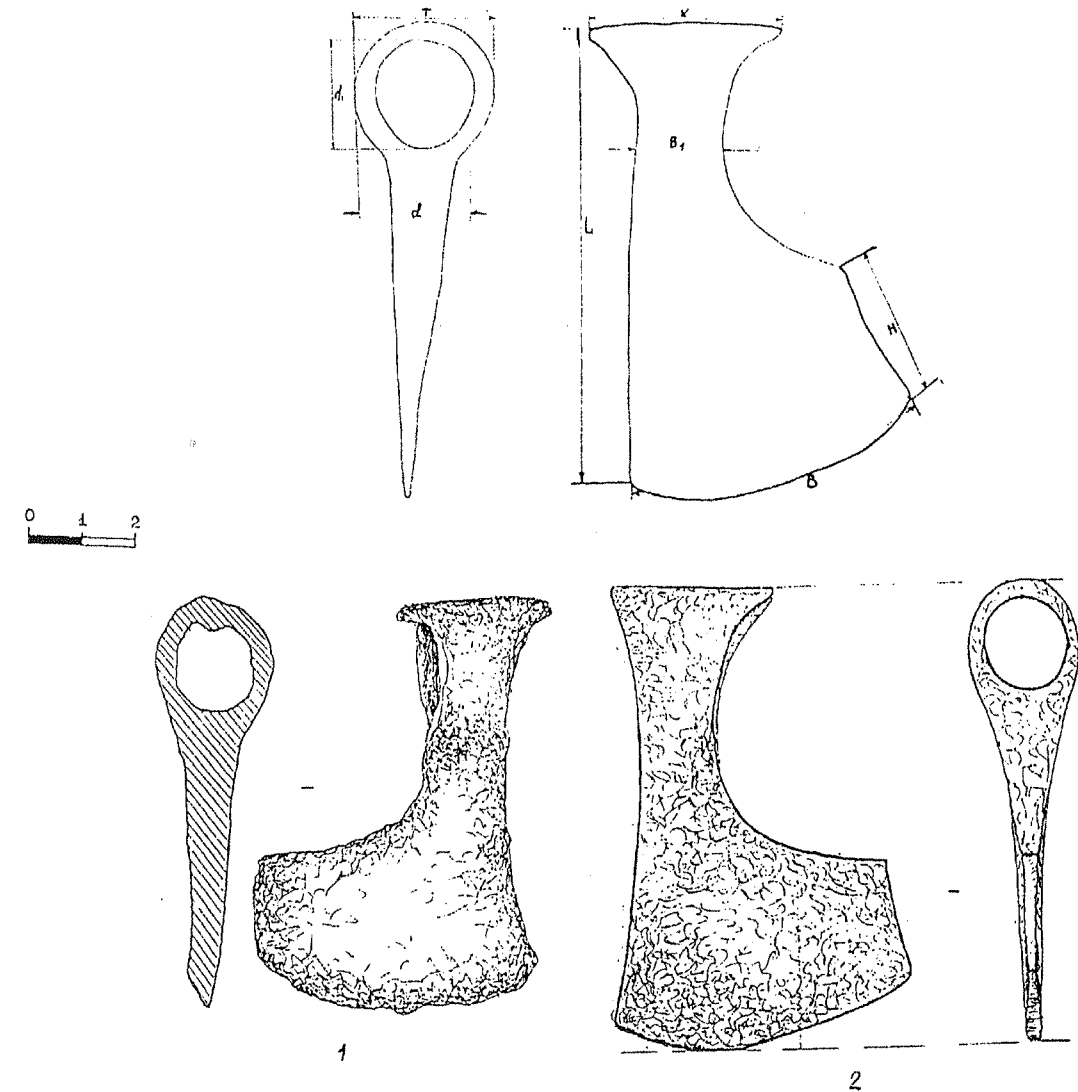

Рис. 34. Топоры: 1 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича); 2 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 4, мог. 1.

Так, в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха), раскопки Э. А. Вольтера, в мог. 12 железный топор находился у черепа, справа (Дело № 43/1889, л. 49). В. А. Шукевич в этом же могильнике также находил топоры в погребениях мужчин. Топоры были найдены и в погребениях других могильников отмеченного типа. Расположение топоров представлено в таблице 12 (см. приложение).

В нашем распоряжении есть топоры из могильников у д. Вензовщина (ур.

Гончариха), Дворчаны, Пузели (раскопки В. А. Шукевича), а также из могильника "Борок" у д. Вензовщина. Они разделяются на 2 основных типа: узколезвийные и широколезвийные.

Узколезвийные топоры представлены одним экземпляром, который происходит из могильника у д. Вензовщина (ур. Гончариха) (рис. 33:1). Аналогичные топоры известны в древностях литовских и ятвяжских племен. Они датируются X–XII вв. (Финно, 1987, с. 443, табл. СХХIV:21). Согласно

классификации А. Н. Кирпичникова, это боевые топоры, которые ближе всего к типу VIII и датируются XI–XII вв. (Кирпичников А. Н., 1966, с. 30, рис. 6).

Широколезвийные проушные топоры (рис. 34, 35, фото 32:1, 33). Размеры их представлены в таблице 10 (приложение). Такие топоры были широко распространены на территории Прибалтики, Беларуси и Польши (они часто встречаются в погребальных памятниках XI–XIII вв.) (Gassowski J., 1953, s. 88, рис. 3:с). Так, топоры этого типа были найдены в городах Беларуси (Поболь Л. Д., 1979, с. 129, рис. 83:1; Штыхов Г. В., 1975, с. 59, рис. 29:2; Зверуго Я. Г., 1989, рис. 59:27; с. 143, рис. 74:3; Лысенко П. Ф., 1985, с. 207, рис. 147:8), в древностях Лигвы и Латвии (Финно, 1987, с. 443, табл. СХХIV:3, 4). Они датируются XI–XIII вв. К. Мусянович указывала, что широколезвийные топоры с оттянутым вниз лезвием являются характерными для прибалтийских и польских земель в X–XII вв. (Musianowicz K., 1968, s. 342, рис. 6). В могильниках Литвы топоры встречаются и в погребениях XIV–XVII вв. (Урбанавичюс В., 1967, с. 11). Г. Ф. Соловьёва отмечала, что «топор – предмет настолько характерный для латгальских погребений, что обычай этот существовал у латгалов и после принятия христианства» (Соловьёва Г. Ф., 1963, с. 104).

По классификации А. Н. Кирпичникова, топоры с удлиненным обухом и оттянутым вниз лезвием относятся к типу IVA и датируются XII–XIII вв. Исследователь отмечал, что в период X–XI вв. (материалы исследований показывают, что и в XIV–XV вв. также – А. К.) топоры эти были широко распространены в Польше и Прибалтике и их можно считать типично прибалтийскими. Они сочетали

в себе качества как специально боевых, так и сочетающих качества орудия труда и оружия (Кирпичников А. Н., 1966, с. 36–37).

Данные о размерах топоров, которые помещены в таблице 10 показывают, что эволюция их происходила за счет увеличения размера В1 и уменьшения размера В. Таким образом, топоры с размерами В1=22–25 мм и В=100–110 мм следует считать более древними. Наиболее ранние топоры этого типа найдены в могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха и Борок), Дворчаны, а более поздние – в могильниках у д. Вензовщина (Борок), Пузели. В могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) (рис. 33:2) и Дворчаны (рис. 33:3) найдены маленькие миниатюрные топоры, один из них (из Вензовщины) имел остатки деревянного топорича. Возможно, эти топоры имели значение амулетов – оберегов или были ритуальными.

Ещё в XIX в. в бывшем Кобринском повете Гродненской губернии существовал обычай выгонять душу умершего, которая возвращалась в дом; подметали веником комнату, в которой лежал умерший, размахивали топором. Кроме того, почти всегда в гроб помещали некоторые орудия труда, например, нож, топор или серп (Паханни, 1986, с. 102, 151). В Каменецком районе Брестской области (д. Шестаково, Хотиново, Лускалы, Ратайчицы, Дмитровичи, Рожковка и др.) и сегодня зафиксировано присутствие топора в погребальном обряде. Его обычно кладут под лавку, на которой стоит гроб с умершим, чтобы его «не раздувало». По этой же причине ставят ведро с водой или кладут соль на руки или грудь.

С. Урбанавичене отмечала, что как меч, так и топор были своеобразным украшением. С топорами крестьяне

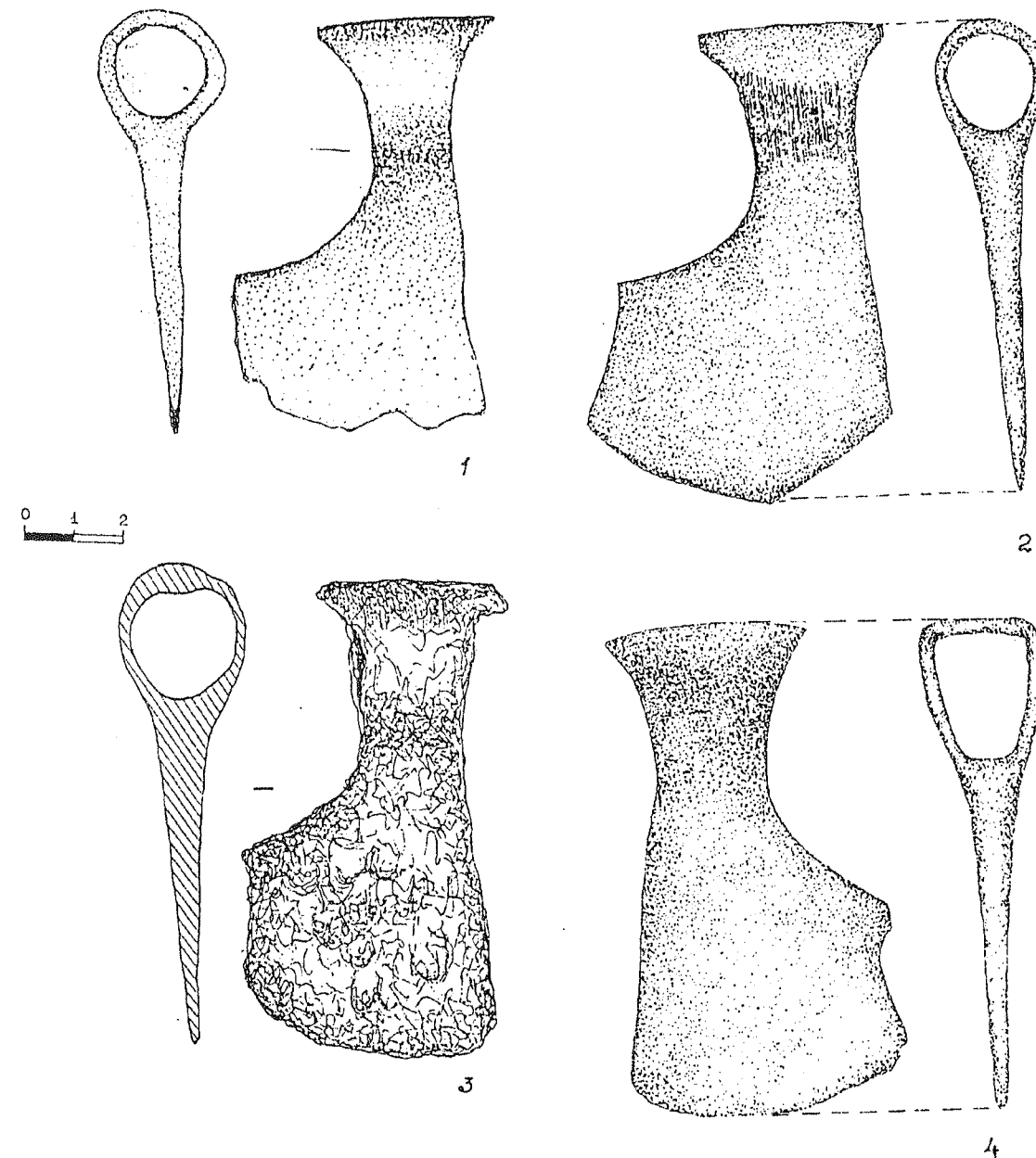

Рис. 35. Топоры: д. Вензовщина (Борок): 1 - раскоп 6, мог. 19; 2 - раскоп 12, мог. 18; 4 - раскоп 12, мог. 8; 3 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича).

ходили на все праздники, участвовали в разных турнирах. «Это было время, когда крестьянин без топора не выходил из дома. Судебные протоколы Шяуляйской земли XVI в. свидетельствуют о том, что изредка из-за этого происходили бессмысленные инциденты» (Урбанавичене С., 1988, с. 166).

К предметам снаряжения всадника относятся шпоры и фрагмент стремени, который был найден в раскопе 4, мог. 2 (д. Вензовщина (Борок) (фото 35). Шпоры были выявлены в могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха), мог. 10 – 2 шт. (Дело № 43/1889, л. 49); у д. Дворчаны, мог. 1–2 шт. (Дело №

Фото 35. Шпора и фрагмент стремени из раскопа 4 могилы 2 (д. Вензовщина (Борок)).

103/1890, л. 29). В нашем распоряжении имеются шпоры из могильников у д. Вензовщина (ур. Гончариха и Борок), которые относятся к разным типам.

Тип I. Шпоры с округлым шипом (рис. 36:1). Аналогичные шпоры найдены в Дрочине Надбужском, в слоях XII – первой половины XIII вв. (Musianowicz K., 1955, s. 341, рис. 10). А. Надольский такие шпоры относил к III-ему типу и считал, что датировать их нужно концом XI – первой половиной XIII вв. (Nadolski A., 1954, s. 339). Такую же датировку для шпор предложила и З. Гильчерувна (Hilczegówna Z., 1956, табл. XXIV,

Тип II. Шпоры с репейкой – колесиком, закрепленным по оси на конце раздвоенного шипа (рис. 36:2). Аналогичные шпоры найдены в Берестье, в слоях XIII–XVI вв. (Лысенко П. Ф., 1985, с. 228, рис. 152:14–15). А. Н. Кирпичников датирует шпоры такого типа серединой XIV–XV вв. (Кирпичников А. Н., 1973, с. 68, рис. 37).

Железные ножи – обязательный атрибут в погребениях мужчин. Положение их в отношении к скелетам – различное. Железные ножи найдены в погребениях могильников у д. Пузели, Первомайск, Опановцы, Кукли, Вензовщина (Борок), Белица, Новоселки (Зельвенский район), Клепачи (оз. Бездонное), Подрось,

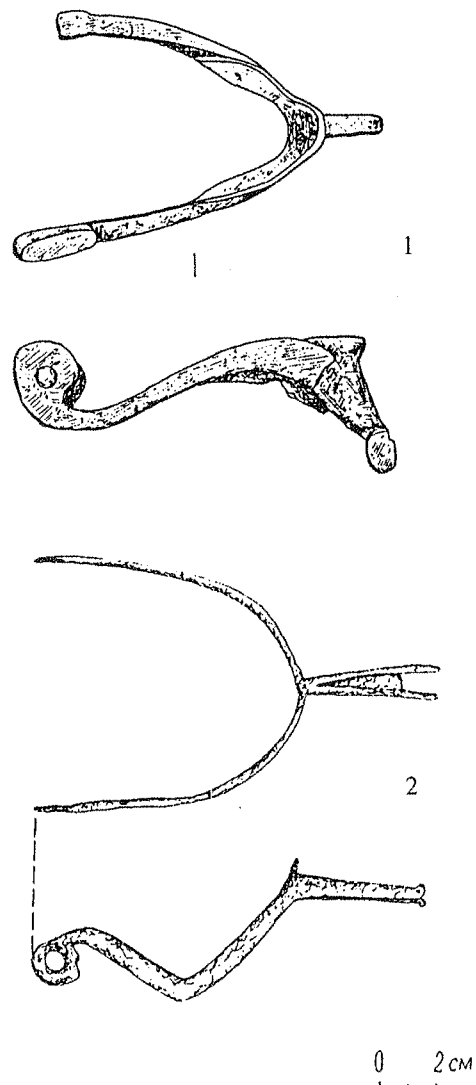

Рис. 36. Шпоры: 1 — д. Вензовщина (Борок), раскоп 4, мог. 2; 2 — д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича).

Сырни, Угольники, Марксенты. Как и в женских погребениях, ножи найдены двух типов: 1) черешковые и 2) с пластинчатой рукояткой (рис. 37, 38). Часто ножи помещались в кожаных ножнах. Изредка встречены куски ножен, они украшены прорезями. Ножи, как атрибут костюма, на территории Прибалтики и Беларуси носили до конца XVI – первой половины XVII вв., а в некоторых местах – до начала XX в.

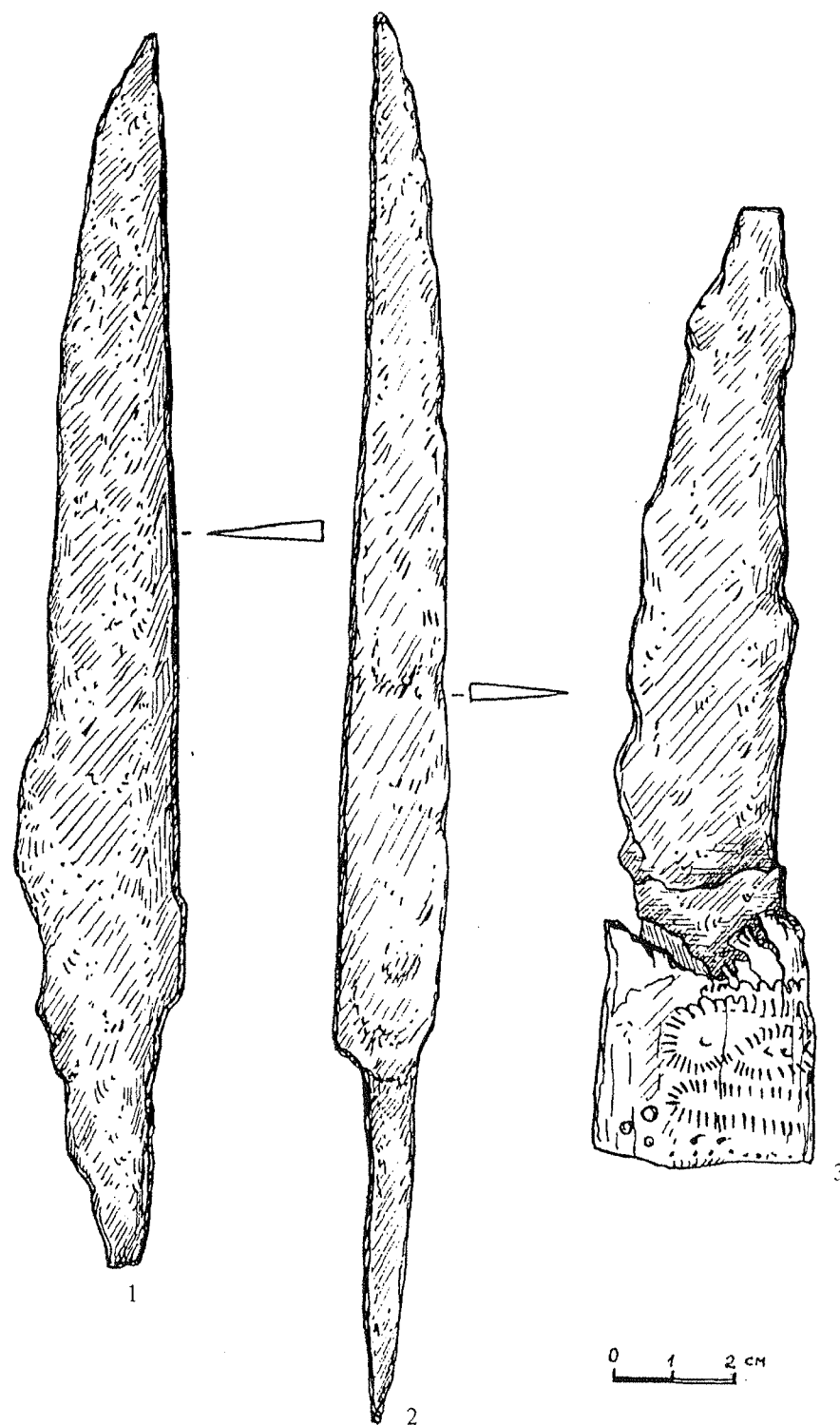

Рис. 37. Ножи: д. Вензовщина (Борок): 1 - раскоп 12, мог. 20; 2 - раскоп 9, мог. 3; 3 - раскоп 4, мог. 2.

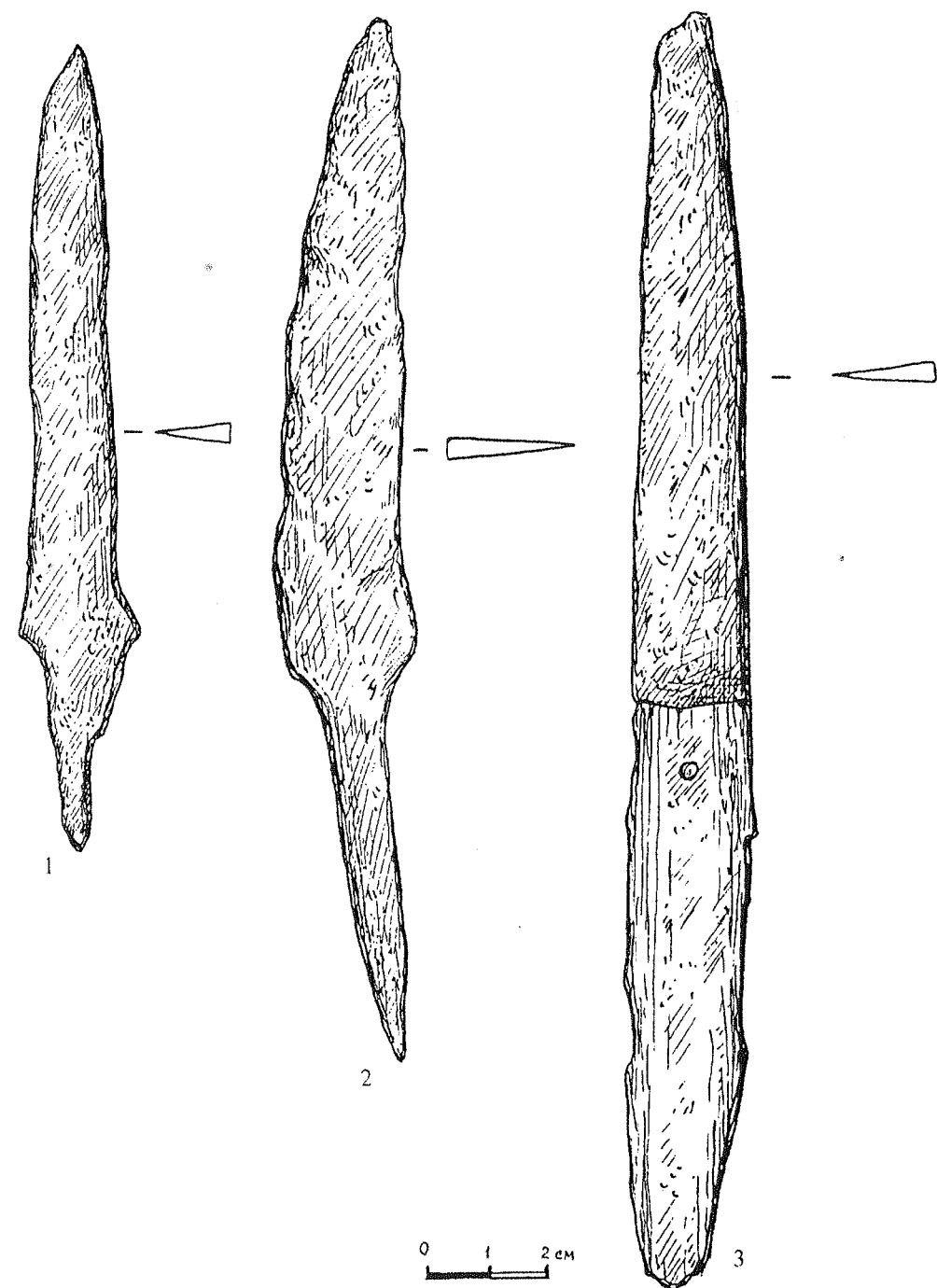

Рис. 38. Ножи: д. Вензовщина (Борок) 1: - раскоп 12, мог. 9; 2 - раскоп 6, мог. 6; 3 - раскоп 12, мог. 14.

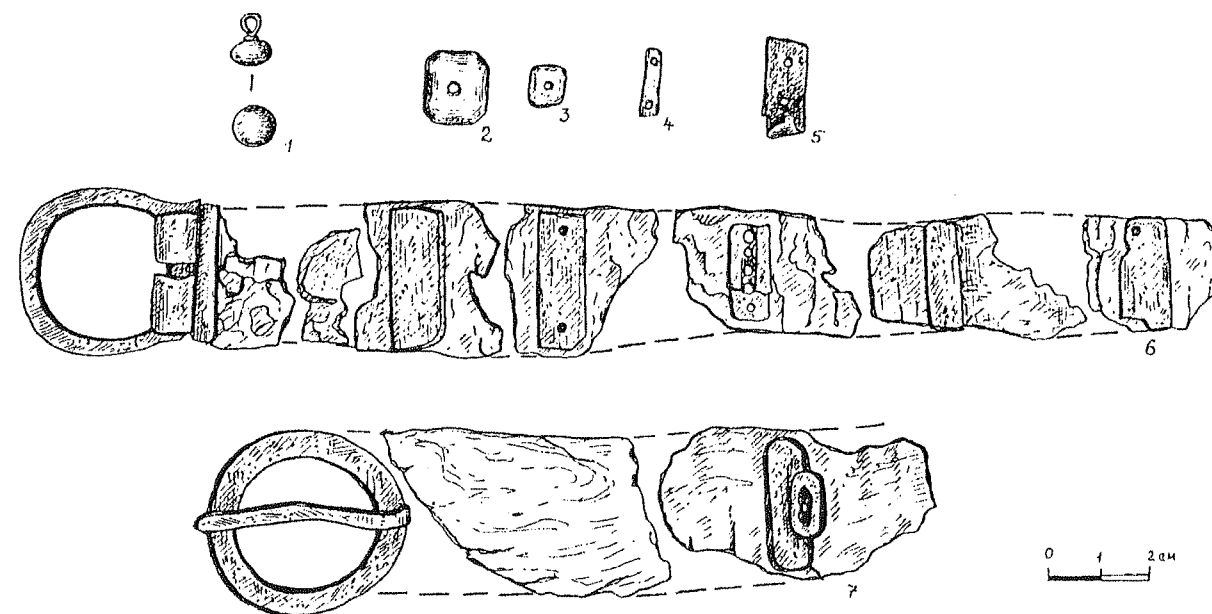

Рис. 39. Пуговица: 1 - д. Кукли, траншея 1, мог. 7; пластинки к ремню: 2-4 - д. Вензовщина (ур. Гончариха); 5 - д. Воробьи (раскопки В. А. Шукевича); 6 - остатки кожного, украшенного пластинками ремня и пряжка - д. Вензовщина (Борок), раскоп 4, мог. 1; 7 - фрагменты кожного ремня, пряжка - д. Вензовщина (Борок), раскоп 5, мог. 6.

В могильнике у д. Белица, в раскопе 2, кв. 1 (погребение разрушено перекопком) нашли фрагмент серпа.

В мужских погребениях, как и в женских, не сохранилась одежда. Поэтому сказать, как выглядел мужской костюм на указанной территории – трудно. В. А. Шукевич отмечал, что в мог. 3 (д. Первомайск) “под головой находилась какая-то ткань, возможно шерстяная, она вся истлела” (Дело № 103/1890, л. 40–41). В мог. 4 (1892) (д. Вензовщина (ур. Гончариха) он же “около черепа нашел много истлевшей ткани” (Дело № 103/1890, л. 42). В могильнике у д. Кукли, в раскопе 4, мог. 6 в погребении подростка около черепа было много истлевшей кожи. Эти находки свидетельствуют о том, что головы мужчин покрывал убор из ткани или кожи. Но, к сожалению, неизвестно как он выглядел.

В могильнике у д. Кукли, в траншее 1, мог. 7 на груди скелета выявили маленькую медную пуговицу (рис. 39:1).

Гораздо чаще в погребениях встречали прикладные принадлежности костюма – пояса (фото 33, 36). В мужских погребениях встречены кожаные ремни – пояса, украшенные бронзой, а изредка и серебром. В поясной набор входили: кожаный ремень и бронзовые или серебрянные пластинки, которые его украшали; пряжка, поясные железные кольца. Фрагменты кожаных ремней выявлены в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха), в мог. 12 (1889) (Дело № 43/1889, л. 52). В. А. Шукевич в том же могильнике, в мог. 12 (1890) под черепом выявил кожаный ремень (Дело № 103/1890, л. 5–6), в мог. 3 (1892) – “кожаный ремень украшен серебрянными круглыми и гранеными пуговицами разной

Фото 36. Бронзовая пряжка с кусочками кожаного ремня, бронзовыми накладками и бронзовой застежкой (?) из раскопа 5, могилы 6 (д. Вензовщина (Борок)).

величины и серебрянными четырёхугольными пластинками, согнутыми в желоб. Каждая из пуговиц одним, а продолговатые пластинки – двумя стержнями крепились к коже, на концах стержней были пластинки; в мог. 4 найден кусок кожи от пояса (Дело № 63/1892, л. 14). В могильнике у д. Дворчаны В. А. Шукевич в мог. 1 (1891) нашел остатки кожаного пояса, украшенного 7-ю железными пуговицами, покрытыми тонкими серебрянными пластинками с вырезанным рисунком. Диаметр их – 20–27 мм; пояс украшала прямоугольная пластинка длиной 80 мм и шириной 21 мм, все эти предметы крепились к коже с помощью бронзовых гвоздиков (Дело № 63/1892, л. 29); в мог. 6/26 на тазовых костях лежал кожаный пояс, украшенный серебром (Дело № 68/1895, л. 5). В могильнике у д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича) в мог. 1 выявлены остатки кожаного ремня; в мог. 8 – пояс с бронзовыми украшениями (Дело № 13а/1889, л. 47). В могильнике у д. Опановцы в мог. 3 В. А. Шукевич нашел остатки кожаного ремня; в мог. 4 – пояс из кожи шириной 15 мм, украшенный круглыми, выпуклыми бронзовыми пуговицами (Дело № 103/1890, л. 42–43).

В нашем распоряжении имеются бронзовые пластиночки от украшений пояса из могильника у д. Вензовщина (ур. Гончариха). Пластиночки трех видов: прямоугольные размером 1,5x0,4 см с отверстиями для гвоздиков по краям (рис. 39:4); квадратные со срезанными углами, с отверстиями для гвоздиков в центре, размером 1,3x1,5 см (рис. 39:2) и такие же, но размерами 0,7x0,8 см (рис. 39:3). В могильнике у д. Воробьи также найдены бронзовые пластиночки, которые украшали пояс. Они прямоугольные, размером 2,0x0,8 см с отверстиями для гвоздиков по краям (рис. 39:5). В могильнике у д. Кукли, в траншее 1, мог. 2 на поясе скелета найден кусок кожаного ремня шириной 3,2–3,5 см (рис. 39:6). В могильнике у д. Вензовщина (Борок), раскоп 4, мог. 1 выявлены остатки ремня шириной 3,3 см, украшенного бронзовыми пластинками прямоугольной формы с гвоздиками по краям; в раскопе 5, мог. 6 – кожаный ремень шириной 3,5 см с бронзовыми украшениями (рис. 39:7), в раскопе 12, мог. 16 – остатки кожаного ремня, украшенного бронзовыми прямоугольными пластинками, которые крепились к ремню с помощью маленьких гвоздиков по краям. Пластиночки крепились к поясу вертикально. Ширина ремня 3,8 см. Размеры пластинок 3,5x0,7 см (рис. 40:1).

Традиция украшать пояса металлическими пластинками известна по раскопкам курганных могильников балтских и финноязычных народов. Так, пояса, украшенные бляшками из бронзы и поясные железные кольца выявлены в ливских курганах XI–XII вв. (Граудонис Я. Я., Тыннисон Э. Ю., 1963, с. 246, рис. 5:2, 4, 10). Кожаные пояса, покрытые бронзовыми, изредка – серебрянными украшениями известны во всех куршских могильниках (напр.,

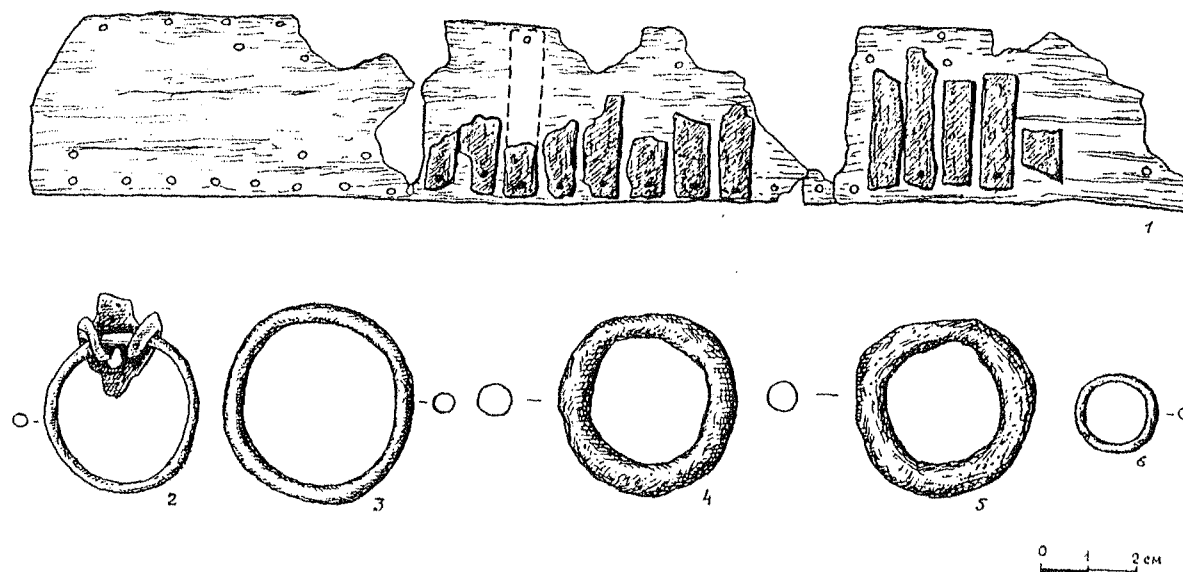

Рис. 40. Принадлежности костюма: 1 - фрагменты кожаного, украшенного пластинками ремня - д. Вензовщина (Борок), раскоп 12, мог. 16; 2-6 - поясные железные кольца - д. Вензовщина (Борок): 2 - раскоп 6, мог. 3; 4 - раскоп 12, мог. 16; 5 - раскоп 12, мог. 18; 3 - д. Вензовщина (ур. Гончариха); 6 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича).

Гиркаляй, Гинталишкес, Лайвяй, Лаздининкай, Паланга, Пришманчяй и др.), где датируются X–XII вв. (Вайткунскене Л., 1985, с. 72, рис. 4). В Эстонии кожаные пояса с металлическими украшениями принято было носить только на острове Хийума (Историко, 1986, с. 124). Начиная с XIII в. мужская одежда на всей территории Латвии становится более однородной и обязательным атрибутом её является пояс, орнаментированный металлическими бляшками. Это была наиболее красивая часть одежды (Зариня А. Э., 1986, с. 187). В Литве, как и в предыдущий период, ремни довольно узкие. Они часто украшены металлом. Любимым элементом украшения ремня стали бляшки разной формы. Вообще украшенные металлом ремни были обязательным элементом убранства мужчин не только в I-м, но и во II-ом тысячелетии. Они были широко распространены почти до XIX в. (Волкайтс –Куликаускаене Р. К. 1986, с. 162–163).

По письменным источникам известно, что в начале XIX в. в Жемайтии, Сувалкии и в некоторых местах Аукштайтии для подпоясывания одежды служили широкие старинные ремни, богато украшенные металлическими пластинками, гвоздиками и пряжками. Видимо, они были похожи на ремни, которые носили крестьяне в XVI–XVII вв. (Историко, 1986, с. 124). Несомненно, такие украшенные серебром или бронзой ремни принадлежали состоятельным людям. Ремни без металлических украшений встречены в бедных погребениях.

Обязательным атрибутом пояса была пряжка. Они найдены почти в каждом мужском погребении, изредка по 2, 3 и даже 4 штуки одновременно. Так, В. А. Шукевич в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха), в мог. 12 нашел бронзовую пряжку; в мог. 6 – на левой ноге лежала железная пряжка, а справа на бедренной кости – бронзовая (Дело № 103/1890, л. 5–6,

23); в мог. 3/1892 справа на тазовой кости лежала бронзовая пряжка; в мог. 5 – слева у таза – большая четырехугольная с перемычкой в центре пряжка (Дело № 63/1892, л. 14). Бронзовые и железные пряжки найдены в могильниках у д. Дворчаны, Первомайск, Пузели, Воробы – раскопки В. А. Шукевича; в могильниках у д. Вензовщина (Борок), Кукли, Белица. Пряжки относятся к различным типам. Прежде чем классифицировать пряжки заметим, что они различаются по размерам. Учитывая ширину найденных ремней – не более 3,5–3,8 см, следует думать, что пряжки больших размеров использовались к ремням, которыми подпоясывали верхнюю одежду, а меньших размеров – к ремням, которые употребляли в нательной одежде.

Тип I, вариант А. Пряжки лировидной формы. В коллекции есть пряжки этого типа из могильников у д. Вензовщина (ур. Гончариха и Борок) (рис. 41:1–4), Дворчаны (рис. 41:5), Пузели (рис. 41:6). Аналогичные пряжки найдены в древностях ятвягов (Финно, 1987, с. 456, табл. СXXXVII:17–18), в Литве (Vaitkunskienė L., 1979, р. 55, раб. 14:5). Датируются первой четвертью XI – концом XII вв.

Вариант Б. Эти пряжки нужно рассматривать как разновидность лировидных пряжек. Найдены в могильнике у д. Дворчаны (рис. 41:7). Очень похожие пряжки выявлены в могильнике у д. Гингалишкес (Литва), где датируются X–XII вв. (Vaitkunskienė L., 1979, р. 55, раб. 14:1, 2).

Тип II. Пряжки В-образной формы. Найдены в могильнике у д. Дворчаны (рис. 41:8). Аналогичные пряжки известны в древностях Литвы (Финно, 1987, с. 444, табл. СXXV:15) датируются X–XIII вв.

Тип III. Круглые пряжки. Найдены в могильнике у д. Вензовщина (ур.

Гончариха) (рис. 41:9). Аналогичные пряжки встречены в древностях пруссов (Финно, 1987, с. 451, табл. СXXXII:51). Датируются X–XIII вв.

Тип IV. Вариант А. Пряжки овальной формы с перемычкой в центре из могильников у д. Вензовщина (ур. Гончариха), Дворчаны (рис. 41:10–12). Аналогичные пряжки выявлены в могильниках у оз. Обяляй (Литва) (Urbanavičius V., Urbanavičienė S., 1988, р. 50, раб. 87:2), и у д. Диктарай (Urbanavičienė S., 1995, р. 183, раб. 34:6). Датируются концом XIII–XV вв.

Вариант Б. Пряжки удлиненно-овальной формы с перемычкой в центре из могильника у д. Вензовщина (Борок) (рис. 42:1). Аналогичная пряжка найдена в Полоцке, в слоях 30-х годов XIII в. (Штыхов Г. В., 1975, с. 62, рис. 31:27).

Тип V. Полукруглые пряжки из могильника у д. Вензовщина (Борок) и Кукли (рис. 42:2–3). Аналогичные пряжки выявлены в Волковыске, в слоях X–XIII вв. (Зверуго Я. Г., 1975, с. 36, рис. 11:9, 11, 17); в древностях пруссов (Финно, 1987, с. 451, табл. СXXXII:48).

Тип VI. Пряжки прямоугольной формы, сжатые по бокам. Найдены в могильнике у д. Вензовщина (Борок), Кукли, Белица (рис. 42:4–6, 43:1). Аналогичные пряжки встречены в могильниках Литвы (Urbanavičius V., 1979, р. 132, раб. 11:2; Volkaitė-Kulikauskienė R., 1979, р. 118, рис. 5:5), могильниках куршей (Žulkus V., 1995, р. 5, раб. 5:5). Датируются XIV – первой половиной XVI вв.

Тип VII. Прямоугольные пряжки с перемычкой в центре из могильника у д. Вензовщина (ур. Гончариха) (рис. 43:2–3). Аналогичные пряжки выявлены в грунтовом могильнике у д. Салапятишки (Вороновский район, Гродненская область) (Поболь Л. Д., 1979,

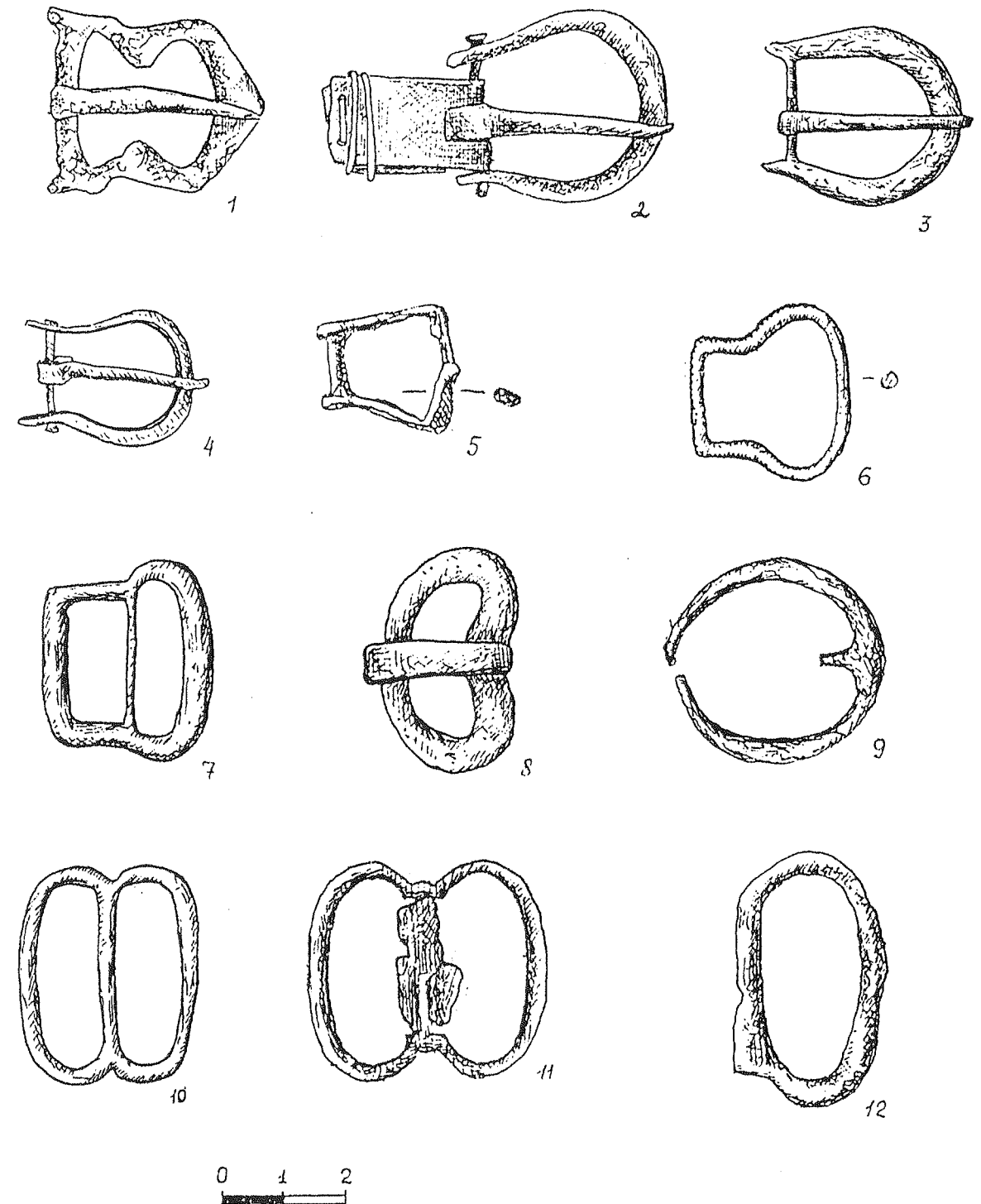

Рис. 41. Пряжки: 1-2, 9, 12 - д. Вензовщина (ур. Гончариха); 3, 7, 8, 10 - д. Дворчаны; 4 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 5-6 - д. Вензовщина (Борок): 5 - раскоп 14, мог. 1; 6 - раскоп 6, мог. 19; 11 - д. Кукли, траншея 1, мог. 2.

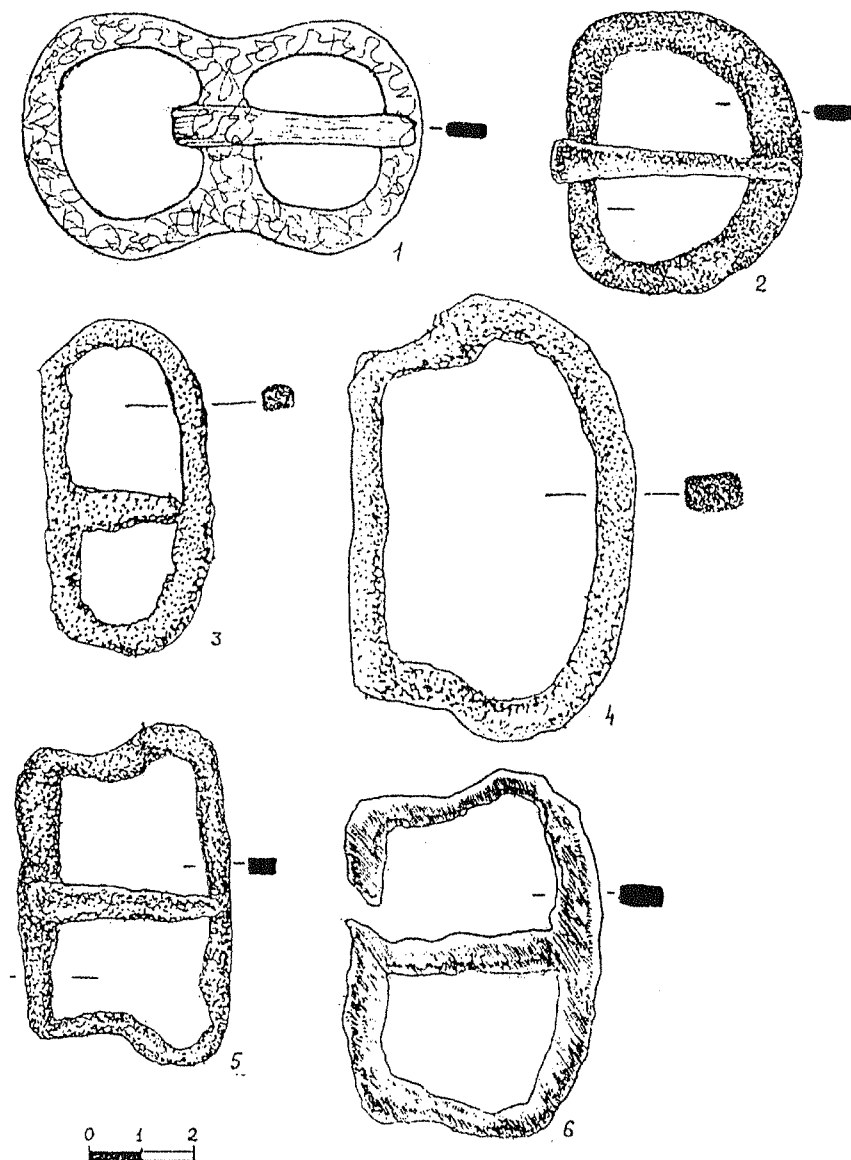

Рис. 42. Пряжки: д. Вензовщина (Борок): 1 - раскоп 5, мог. 5; 2 - раскоп 12, мог. 8; 5 - раскоп 12, мог. 14; д. Кукли: 3 - траншея 1, мог. 5; 4 - траншея 1, мог. 1; 6 - д. Белица, раскоп 4, кв. 6.

с. 140, рис. 90:6). Датируются XIII–XV вв.

Тип VIII. Прямоугольные пряжки из могильников у д. Вензовщина (Борок), Белица (рис. 43:4–5). Аналогичные пряжки выявлены в грунтовом могильнике у д. Салапятишки, в древностях Литвы (Поболь Л. Д., 1979, с. 140, рис. 90:4; Финно, 1987, с. 444, табл. СХХV:16).

Обязательным предметом поясного набора были металлические, изредка бронзовые, а чаще – железные поясные кольца, которые крепились к поясу и на которые привешивались разные предметы (фото 37). Например, ножи, кресала, точильные бруски и др. Поясные железные кольца – очень частая находка в мужских погребениях. Так, они были найдены в могильниках

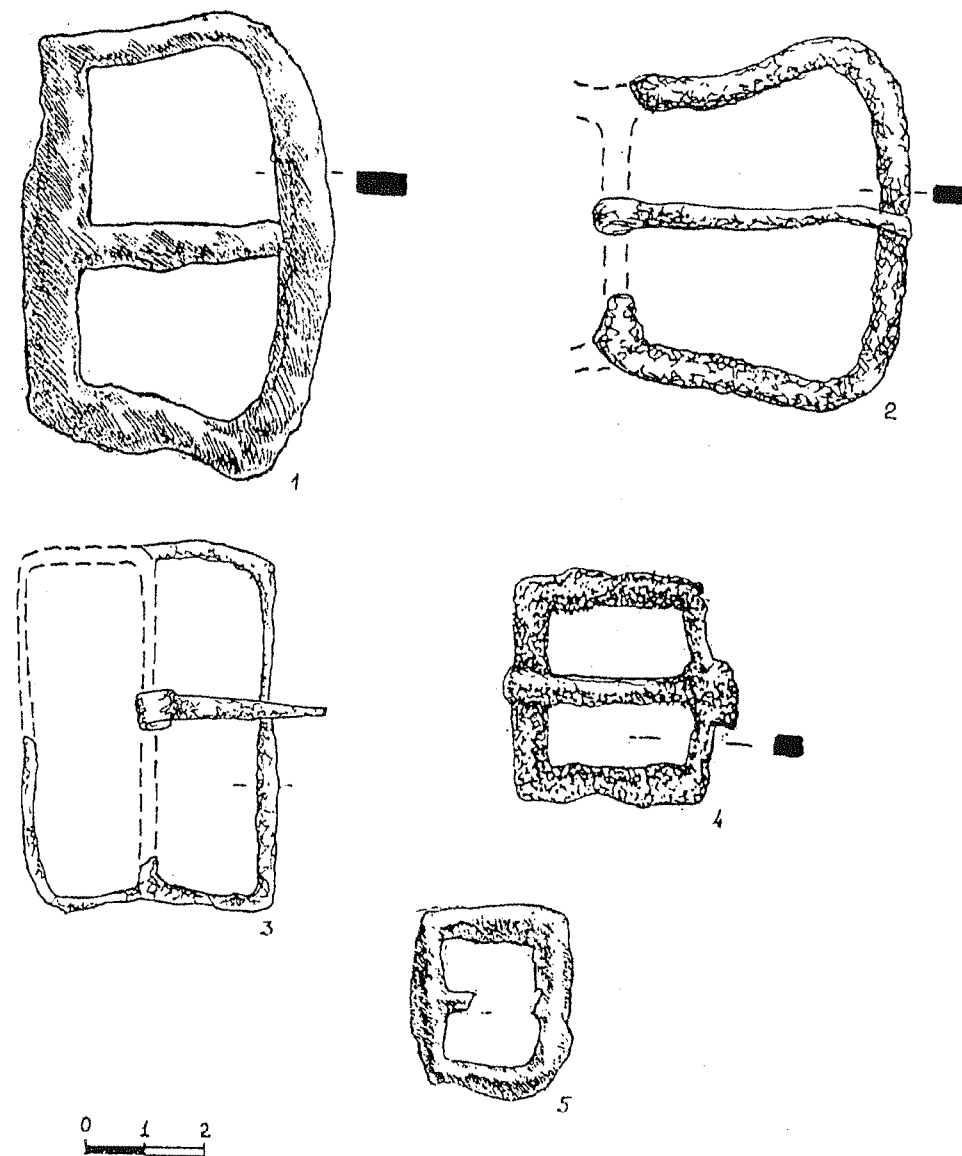

Рис. 43. Пряжки: д. Белица: 1 - раскоп 4, кв. 1; 5 - раскоп 4, кв. 3; 2-3 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича); 4 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 12, мог. 17.

у д. Вензовщина (ур. Гончариха и Борок), Кукли, Дворчаны, Пузели, Белица, Опаповцы. Как показали раскопки, поясные кольца чаще всего носили по два, изредка – по одному.

Поясные кольца появились еще в I тысячелетии и продолжали использоваться и во II тысячелетии. Они были широко распространены в древностях Прибалтийского историко-культурного региона до конца XVI в. (Поболь Л. Д., 1979, рис.

122:16–22; Kuncienė O., 1979, p. 83, pav. 12:3, p. 84, pav. 14:4). В нашем распоряжении имеются поясные кольца из раскопок В. А. Шукевича в могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха) и Дворчаны, а также из могильников у д. Вензовщина (Борок), Кукли, Белица (рис. 40:2–6).

Предметы быта представлены кресалами (фото 32:2, 34) (некоторые с кремнями), точильными брусками, ножницами, иглками и шилом.

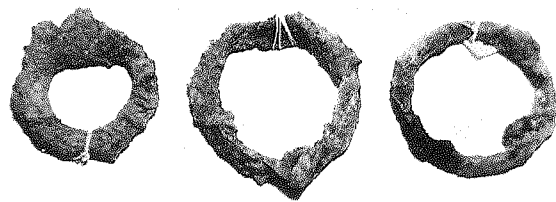

Фото 37. Поясные железные кольца из р.1, могилы 3 и раскопа 4 (д. Вензовщина (Борок)).

Кресала, обязательный атрибут мужских погребений, найдены В. А. Шукевичем и Э. А. Вольтером в могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха), Пузели, Дворчаны, Первомайск, Опановцы, Воробьи (Дело № 13а/1888, л. 46); Дело № 43/1889, л. 49, Дело № 103/1890, л. 5–6, 23; Дело № 63/1892, л. 14; Дело № 90/1894, л. 28.

Все кресала, которые были найдены в каменных могильниках, представлены двумя типами: 1) калачевидные и 2) двулезвийные удлиненно – овалы и двулезвийные овалы.

Тип I. Калачевидные кресала. Четыре из них на внутренней стороне имеют язычок, у пятого – небольшое утолщение. Происходят из могильников у д. Пузели, Вензовщина (Борок), Кукли, Белица (рис. 44:1–3). Аналогичные кресала найдены в Волковыске, в слоях X – начала XII вв. (Зверуго Я. Г., 1975, с. 31, рис. 9:10, 11). Кресала этого типа найдены в могильниках XIII–XIV вв. Литвы (Kuncienė O., 1979, p. 84, pav. 14:1, pav. 15:5; Urbanavičius V., Urbanavičienė S., 1988, p. 38, pav. 60:1–4).

Тип II, вариант А. Двулезвийные, удлиненно-овальной формы. Одно такое кресало на одном конце украшено с внутренней стороны округлыми выемками (рис. 44:4–6). Выявлены в

могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха и Борок). Аналогичные кресала найдены в Волковыске и других городах Беларуси в слоях XII – первой половины XIII вв. (Зверуго Я. Г., 1975, с. 31, рис. 9:13, 14; Штыхов Г. В., 1969, рис. 10:3).

Тип II, вариант Б. Двулезвийные овалы (10 шт.) из могильников у д. Дворчаны, Вензовщина (Борок) (рис. 45). Аналогичные кресала найдены в Волковыске в слоях XIII–XIV вв.; в других городах Беларуси, в могильниках Литвы (Зверуго Я. Г., 1975, с. 31, рис. 9:15; Лысенко П. Ф., 1969, рис. 11:9; Kuncienė O., 1979, p. 85, 16:6; Volkaitė-Kulikauskienė R., Luchtanas A., 1979, p. 103, pav. 2:7; p. 104, pav. 3:10). В. Урбанавичюс отмечал, что кресала с кремнем помещали в погребения до ХУП вв. (Урбанавичюс В., 1967, с. 13).

Точильные бруски — частая находка в мужских погребениях каменных могильников (фото 34). В коллекции есть точильные бруски из могильников у д. Вензовщина (ур. Гончариха и Борок), Пузели, Белица. Некоторые из них имеют просверленное отверстие: с помощью металлических колец или шнурков их можно было привешивать к поясу. Часть точильных брусков не имела отверстий: их носили в мешочке на поясе (рис. 46).

Точильные бруски встречаются достаточно часто как на поселениях, так и в погребальных памятниках территории Беларуси от середины I тысячелетия до XVI–XVII вв. (Зверуго Я. Г., 1975, с. 59, рис. 20:6, 7, 14; Зверуго Я. Г., 1989, с. 49, рис. 22:1, 6, 8, с. 73, рис. 41:10-14; Поболь Л. Д., 1979, с. 139, рис. 89:1,2); в могильниках Литвы (Kuncienė O. 1979, p. 85, pav. 16:11, 12; Urbanavičius V., 1979, p. 132, pav. 11:11), в древностях пруссов (Финно, 1987, с. 450, табл. СXXXI:2, 3). В. Урбанавичюс отмечал, что как погреб-

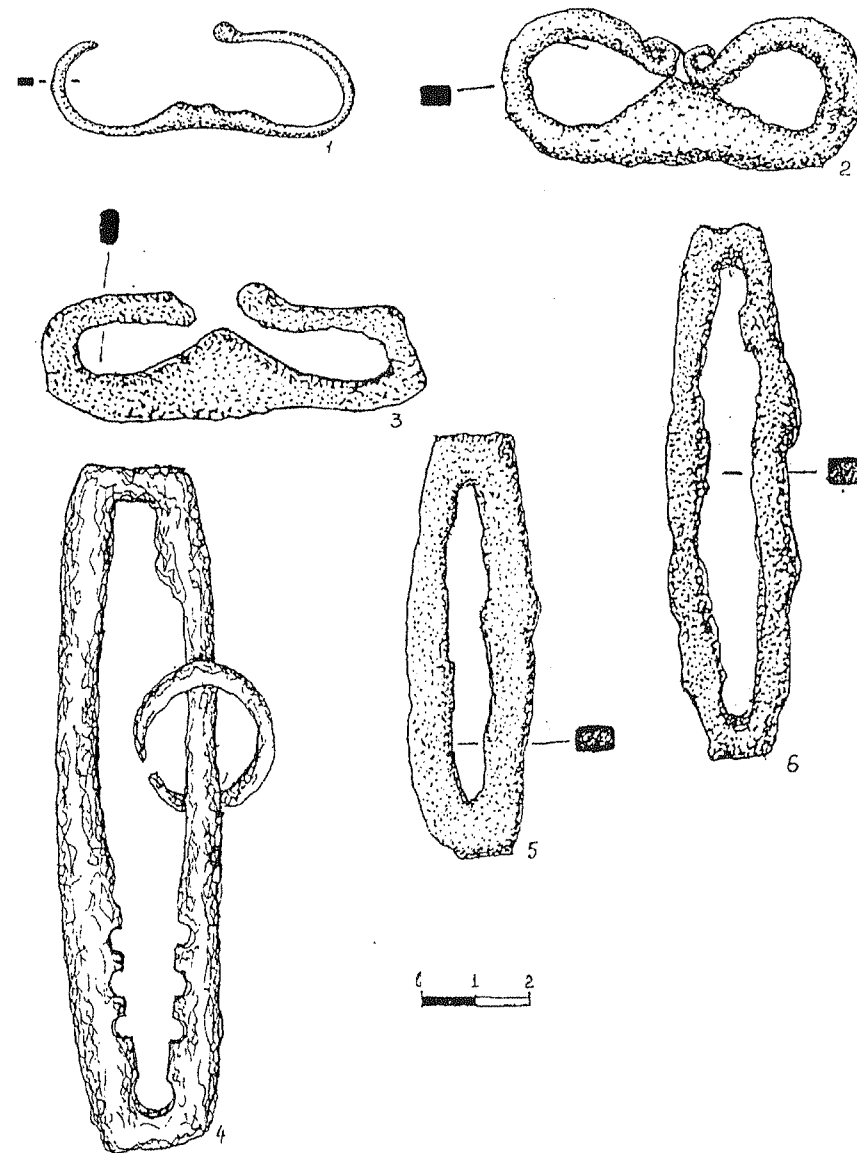

Рис. 44. Кресала: 1 — д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 2, 5-6 - д. Вензовщина (Борок): - 2 - раскоп 14, мог. 6; 5 - раскоп 16, мог. 1; 6 - раскоп 16, мог. 7; 3 - д. Кукли, траншея 1, мог. 5; 4 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича).

бальный инвентарь точильные бруски существовали до середины XVI в. В позднейших погребениях они не найдены (В. Урбанавичюс В., 1967, с. 13).

Шарнирные ножницы найдены в могильнике у д. Вензовщина (Борок) в раскопе 8, мог. 5 – слева у черепа в комплекте с двумя ножами (рис. 47:1). В раскопе 12, мог. 13 ножницы лежали

справа от бедра скелета, острием вниз (рис. 47:2) (фото 38). Аналогичные ножницы выявлены в городах Беларуси в слоях XI–XIV вв. (Лысенко П. Ф., 1974, с. 152, рис. 48:7; Зверуго Я. Г., 1989, с. 70, рис. 38:19; Штыхов Г. В., 1975, с. 35, рис. 18:9), в могильниках Литвы XIV–XVII вв. (Urbanavičius V., Urbanavičienė S., 1988, p. 52, pav. 91:3).

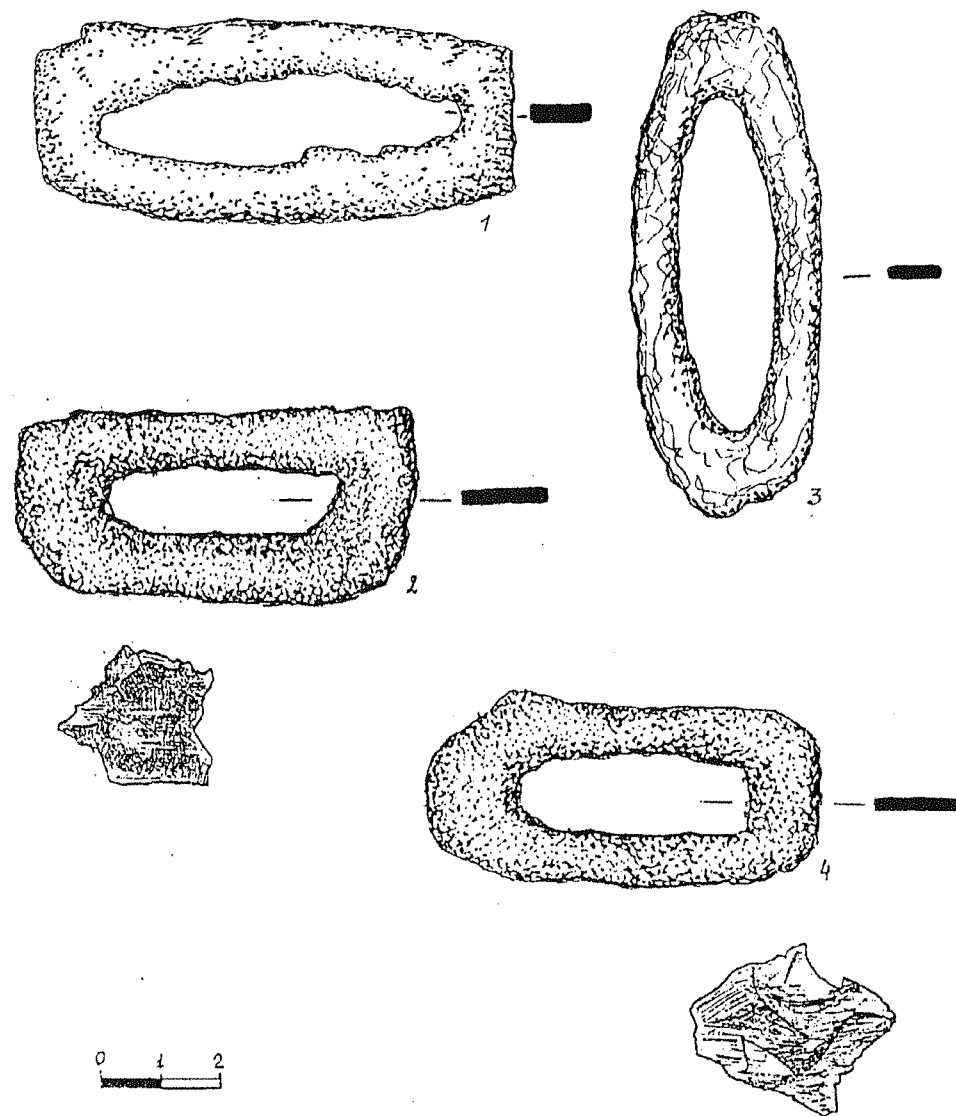

Рис. 45. Кресала: 1 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича); 2, 4 - д. Вензовщина (Борок): 2 - раскоп 12, мог. 17; 4 - раскоп 12, мог. 4; 3 - д. Церемец (раскопки В. А. Шукевича).

В. Урбанавичюс писал, что в народном фольклоре имеются сведения о том, что ножницы, которые давали умершим, не связаны с ремеслом портного, а с мировоззрением людей того времени. Люди представляли, что Кащей, Чума и т. д. являются живыми существами, которые навещают умерших и языком собирают яд. Поэтому умерший с помощью ножниц мог отрубить им язык и тем самым спасти от смерти живых (Урбанавичюс В., 1967, с. 14). Очевидно, в нашем случае,

найденные в раскопе 8, мог. 5 ножницы в комплекте с двумя ножами и иглой, как раз и свидетельствуют о том, что умерший при жизни был портным. Хотя в других случаях ножницы, очевидно, клали исходя из упомянутых верований.

Только в одном случае (Вензовщина (Борок), раскоп 8, мог. 5) в погребении на груди скелета найдена бронзовая игла (рис. 47:3). Такая находка в мужских погребениях попадаетея изредка. Иглы, как правило, присуци

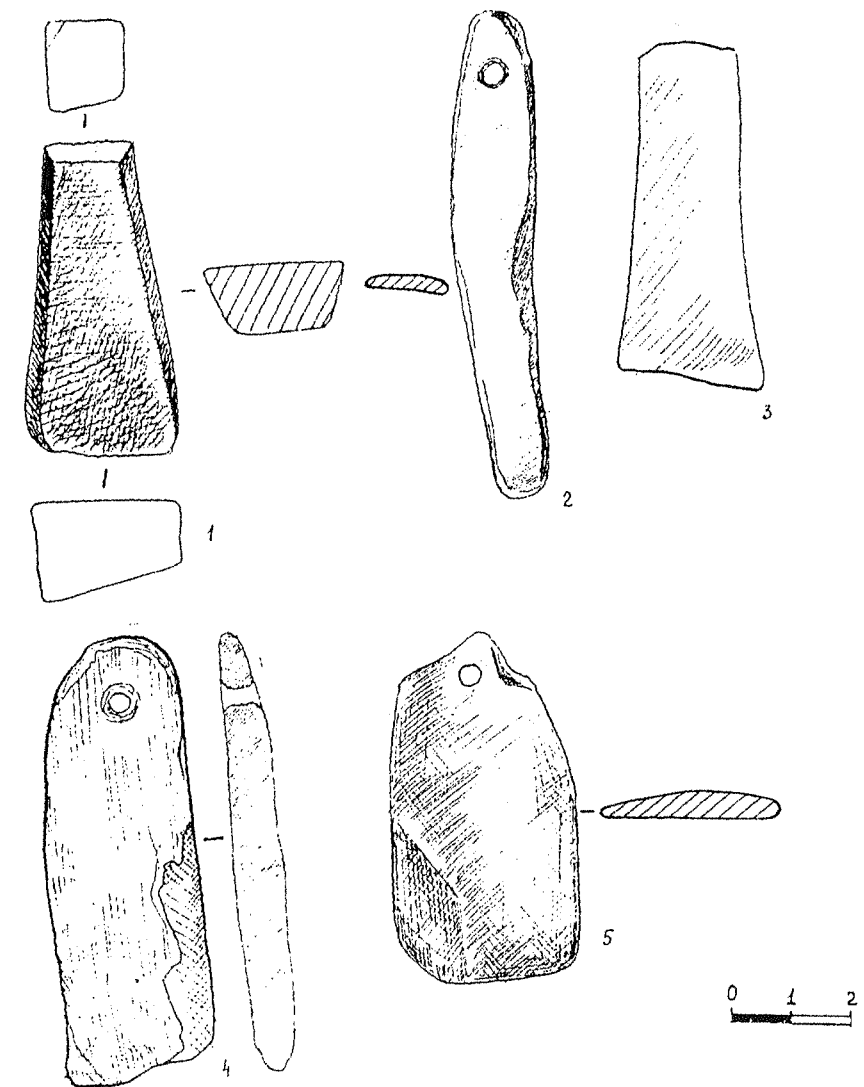

Рис. 46. Точильные бруски: д. 1, 4 - Вензовщина (Борок), 1 - раскоп 9, мог. 2; 4 - раскоп 5, мог. 6; 2 - д. Пузели; 3-5 - д. Вензовщина (ур. Гончариха) (раскопки В. А. Шукевича).

женским захоронениям. В могильнике у д. Кукли (раскоп 2, мог. 5) на тазовых костях скелета острием вниз было положено железное шило (рис. 47:4). На сегодняшний день это пока что единственная находка в рассматриваемых памятниках. В. Урбанавичюс отмечал, что шила в погребениях XIV-XVII вв. Литвы встречаются очень редко. По своей форме они близки к шилам как IX-XIII вв., так и известным

по этнографическим материалам (Урбанавичюс В., 1967, с. 13).

В. А. Шукевич сообщал, что в мужских погребениях часто выявляли фрагменты кожаных мешочков в форме эллиса с усеченными углами, с бронзовыми украшениями - оковками. Исследователь указывал, что "кожаные мешочки и сегодня еще используются нашим народом (это значит в конце XIX - начале XX вв. - А. К.). Носили

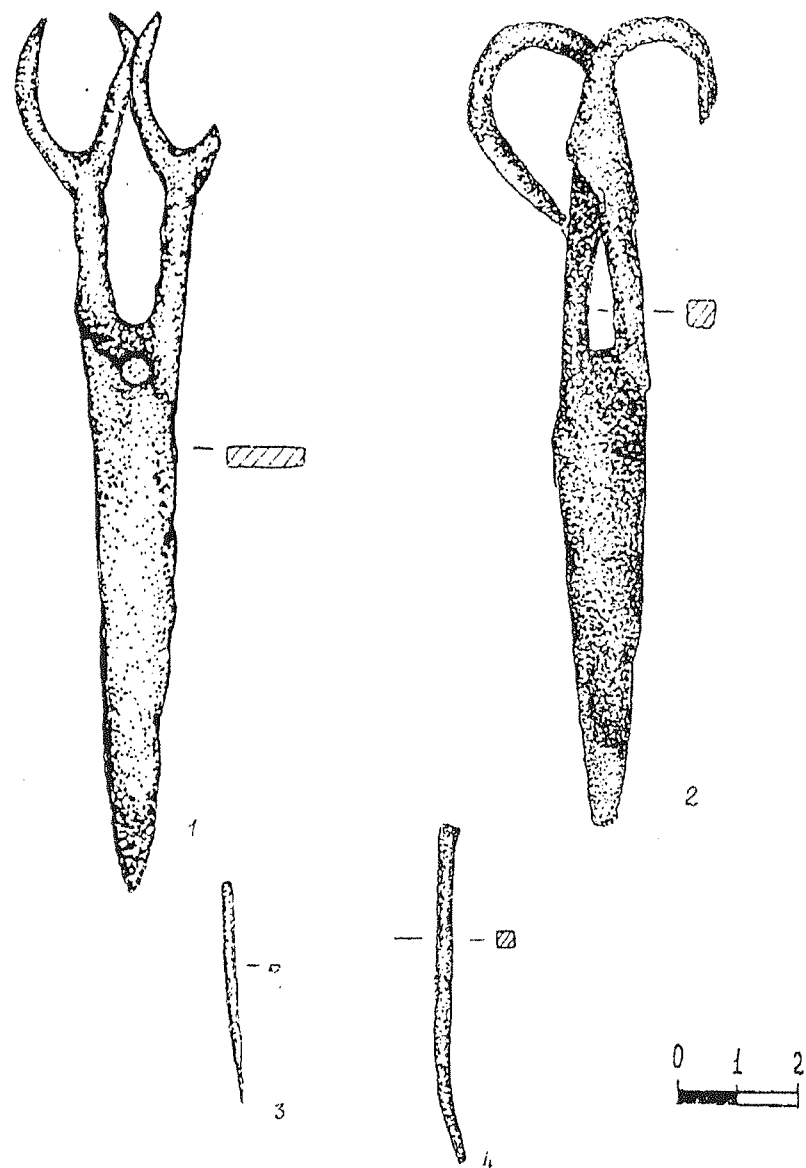

Рис. 47. Ножницы: 1-3 - д. Вензовицна (Борок); 1 - раскоп 8, мог. 5; 2 - раскоп 12, мог. 13; 3 - игла - раскоп 8, мог. 5; 4 - шило, д. Кукли, раскоп 2, мог. 5.

обычно в них табак, кресало с кремнем, губку, насыщенную селитрой для высекания искры, и пожик. Назывался такой мешочек "каптюх" (Szukiewicz W., 1899, s. 36). Мешочек этот очень часто стягивался ремешками с панизанными цветными бусами (Szukiewicz W., 1918, s. 15). Так фрагмент кожаного мешочка и оковку к нему нашел В. А. Шукевич в могильнике у д. Вензовицна (ур. Гончариха)

в мог. 5 (1892) слева у тазовых костей. Оковка в виде звезды с шестью лучами (Дело № 63/1892, л. 14). В нашем распоряжении есть несколько экземпляров оковок к мешочкам из раскопок этого исследователя могильников у д. Вензовицна (ур. Гончариха), Дворчаны, Пузели (рис. 48:1-3). В могильнике у д. Кукли в траншее 1, мог. 1 - слева у пояса найдены фрагменты кожаного мешочка с бронзовыми украшениями

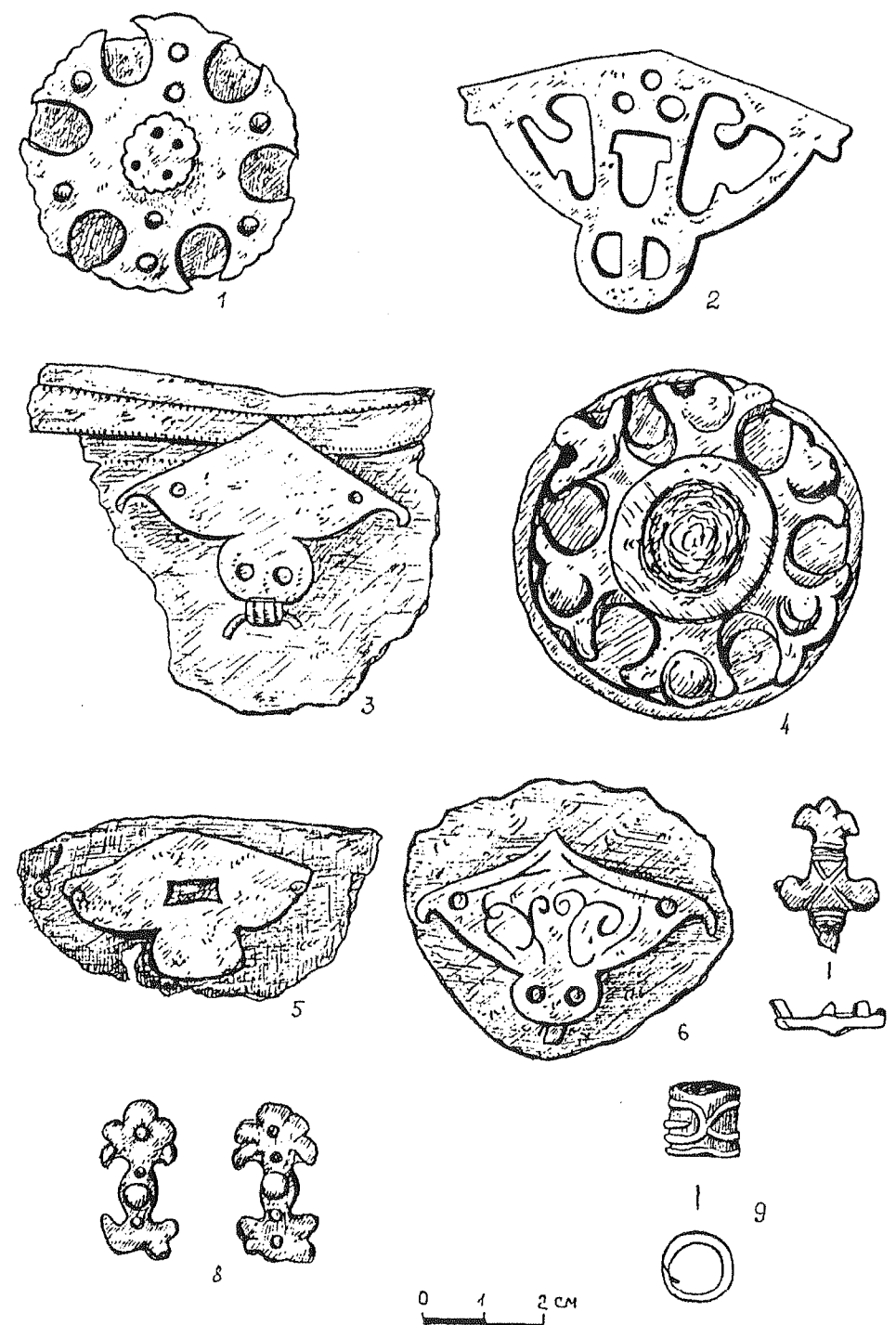

Рис. 48. Оковки на мешочки: 1 - д. Вензовицна (ур. Гончариха); 2 - д. Дворчаны, 3 - д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 4, 6, 8-9 - д. Вензовицна (Борок): 4 - раскоп 5, мог. 6; 6 - раскоп 6, мог. 19, 8 - раскоп 12, мог. 4, 9 - бусинка от шнура к мешочку - раскоп 16, мог. 5; 5, 7 - д. Кукли: 5 - траншея 1, мог. 4; 7 - траншея 1, мог. 5.

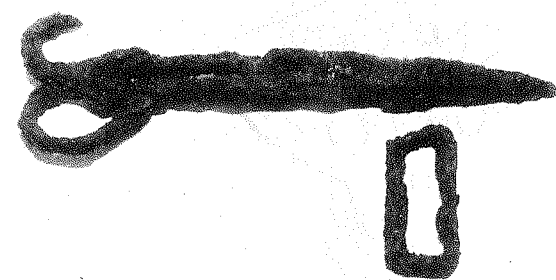

Фото 38. Погребальный инвентарь: ножницы и фрагмент пряжки из раскопа 12, могилы 13 (д. Вензовщина (Борок)).

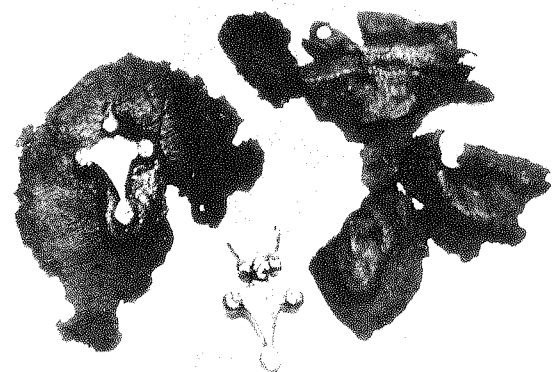

Фото 39. Фрагменты кожаного мешочка с оковками из бронзы из траншеи 1, могилы 1 (д. Кукли).

(рис. 49) (фото 39); в траншее 1, мог. 4 – справа на тазовых костях лежали фрагменты кожаного мешочка; в траншее 1, мог. 5 – слева у тазовых костей – фрагменты кожаного мешочка с бронзовыми украшениями; в траншее 1, мог. 6 – слева на тазовых костях найдены фрагменты кожаного мешочка с бронзовыми украшениями. В могильнике у д. Вензовщина (Борок) в раскопе 5, мог. 6 в центре на тазовых костях выявлена бронзовая шестилучевая оковка и фрагменты кожаного мешочка (фото 40), в раскопе 6, мог. 13 – за черепом располагались фрагменты кожаного мешочка с бронзовой оковкой. К сожалению, восста-

новить полностью форму мешочков из каменных могильников невозможно. Сделать это можно только с большими допущениями. В могильнике у д. Вензовщина (Борок) вместе с вышеописанными, были найдены фрагменты мешочка, который стягивался с помощью кожаного шнура, на концах украшенного бронзовыми бусинами (рис. 48:9).

Найденные оковки к мешочкам представлены несколькими типами.

Оковки в форме “бабочки” найдены в могильниках у д. Дворчаны, Пузели, Вензовщина (Борок) и Кукли (рис. 48:2, 3, 5, 6). Аналогичные оковки найдены в Литве в могильниках у д. Наркунай и Диктарай. Датируются XIV–XV вв. (Volkaitė-Kulikauskienė R., Luchtanas A., 1979, p. 108, pav. 6:1, 2; Urbanavičienė S., 1995, p. 185, pav. 38:2).

Круглые шестилучевые оковки найдены в могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха и Борок) (рис. 48:1, 4). Аналогичные оковки найдены на городище в Турейске, в слоях XII–XIII вв. (Зверуго Я. Г., 1989, с. 72, рис. 40:16); в Литве, в могильниках у Саряй (XIII–XIV вв.) (Kuncienė O., 1979, p. 85, pav. 15:8) и Диктарай (Urbanavičienė S., 1995, p. 185, pav. 38:1).

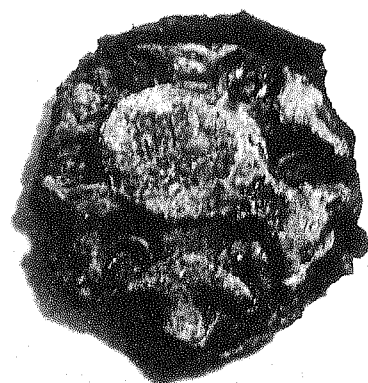

Фото 40. Бронзовая оковка на мешочек из раскопа 5, могилы 6 (д. Вензовщина (Борок)).

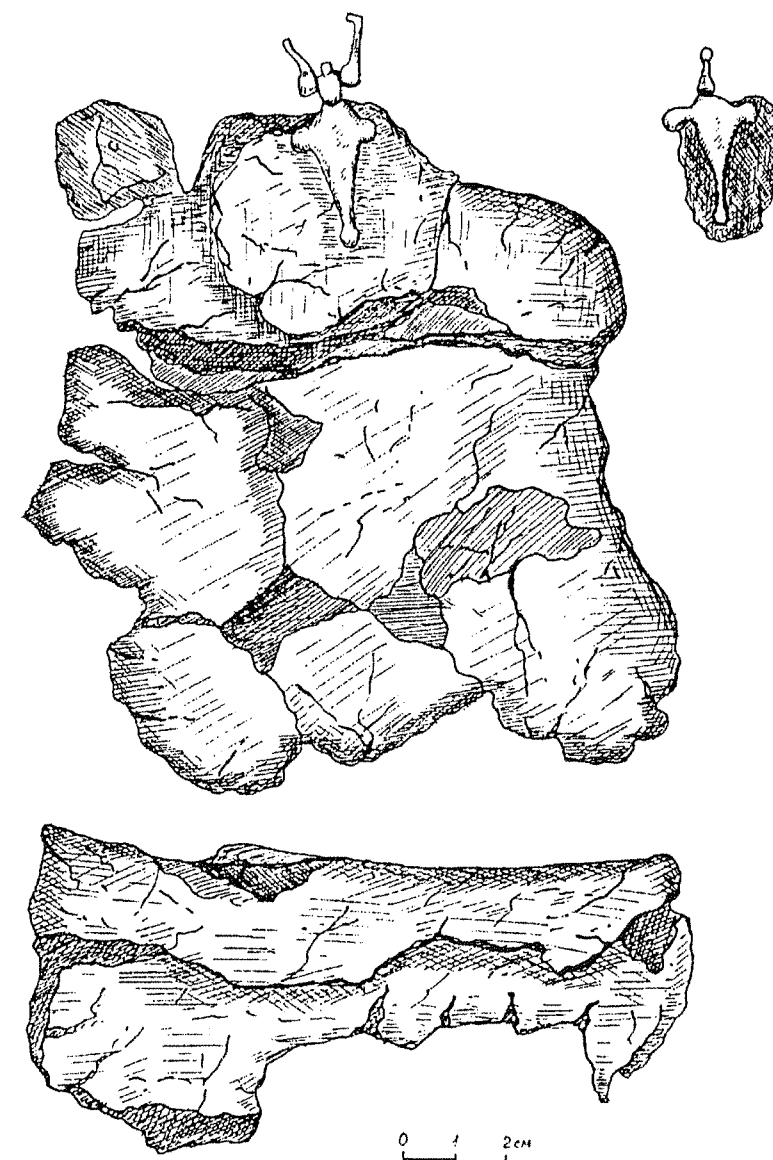

Рис. 49. Фрагменты кожаных мешочков, д. Кукли: 1 - траншея 1, мог. 1; 2 - траншея 1, мог. 5.

Найдены также оковки от мешочков в форме цветка (Вензовщина (Борок) раскоп 12, мог. 4) (рис. 48:8); крестовидные (Кукли, траншея 1, мог. 1,5) (рис. 48:7), каплевидные (Кукли, траншея 1, мог. 6) (рис. 50).

Кожаные мешочки-кошельки найдены на территории Верхнего замка в Полоцке, в слое XIII в. Их выполняли из двух кусков кожи, в верхней части которых были отверстия для протя-

гивания ремешков, которыми стягивались кошельки (Штыхов Г. В., 1975, с. 78, рис. 38:6–8, с. 80). Кожаные кошельки найдены в Минске в слоях XII–XIII вв. (Штыхов Г. В., 1978, с. 77, рис. 31:9). В Берестье найдены кожаные мешочки прямоугольной формы и фигурные. Стягивались они с помощью ремешка или шнура (Лысенко П. Ф., 1985, с. 300, рис. 207). Аналогичные мешочки выявлены в

Рис. 50. Фрагменты кожаного мешочка: д. Кукли, траншея 1, мог. 6.

Минске (Загорульский Э. М., 1982, с. 267, рис. 272, рис. 172), и в других городах. Интересно отметить, что найденные в городах Беларуси мешочки (как и чехлы ножей) не имели ornamentации и бронзовых оковок.

Кожаные кошельки-мешочки были широко распространены в Литве в XIII–XVII вв. С. Урбанавичене отмечала, что они часто украшались бронзовыми, изредка покрытыми серебром, оковками и еще в XVII в. играли роль кармана: их носили привязанными к поясу спереди, дополняя таким образом комплект одежды (Урбанавичене С., 1988, с. 160). Такие мешочки-кошельки носили женщины Клайпедского края до начала XX в. и называли их долмонами (Урбанавичене С., 1988, с. 160). А. Э. Зариня отмечала, что начиная с XIII в. на всей территории Латвии мужчины носили прикрепленными к поясу кошельки или мешочки для разных предметов (кресала с кремнем, ножа и др.) (Зариня А. Э., 1986, с. 187). Кожаные мешочки на территории Беларуси употребляли на протяжении долгого времени. Так,

С. Терехин сообщает, что кресала, кремь (или громух, как его называли в некоторых районах Беларуси) и губу в XVIII–XIX вв. носили на поясах с левой стороны в магалеях – своеобразных кожаных или из бараньей мошонки капшуках, которые не имели швов, не пропускали влагу. Все магалеи – капшуки, из чего бы они не были сделаны, стягивались кожаным шнурком (Цярохин С., 1993, с. 41). Н. Н. Улащик писал, что во время экскурсий по Полесью в 1927–1929 гг. он видел крестьян подпоясанных ремешком, на котором с левой стороны висела небольшая кожаная сумка – калита, в которой находились табак, бумага, спички. Рядом с калитой висел нож (Улащик Н. Н., 1986, с. 140).

В мужских погребениях выявлены также предметы, которые можно отнести к двум разрядам: а) украшения и б) амулеты.

В могильнике у д. Вензовщина (Борок) в раскопе 4, мог. 2 справа под черепом был кусок ткани, а на нем прикрепленная бронзовая подковообразная фибула с концами в виде

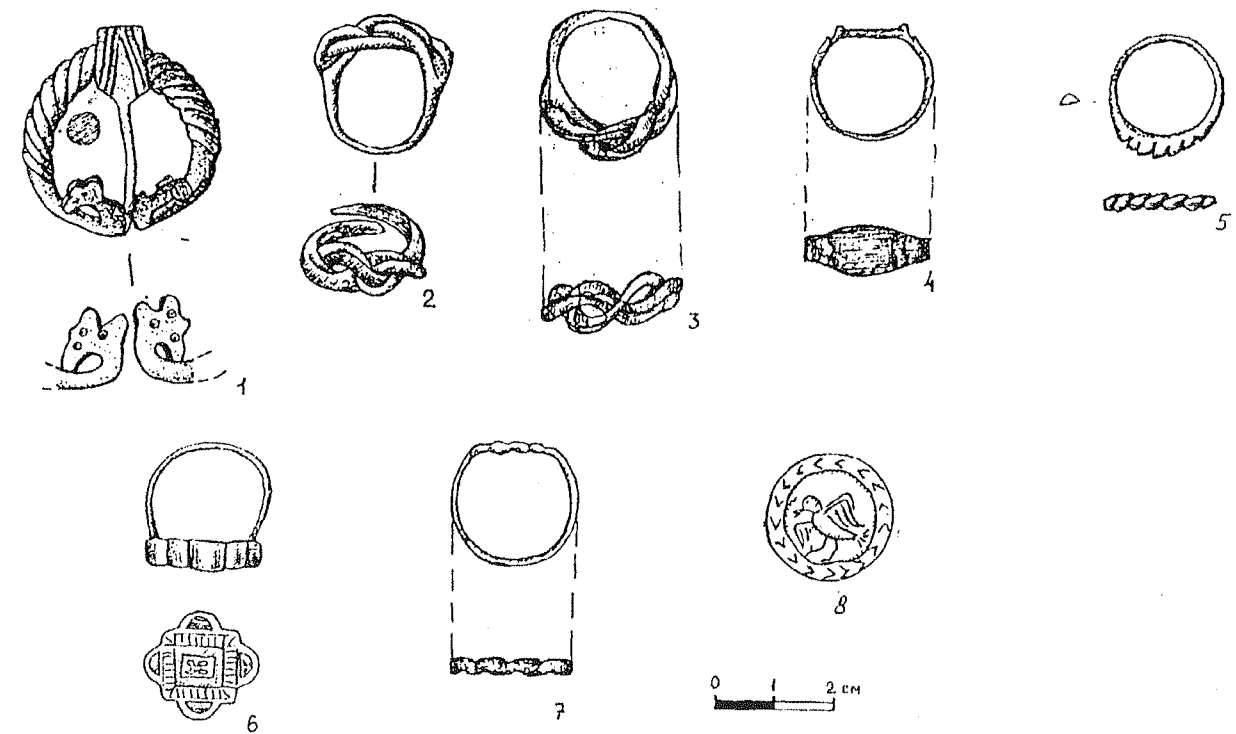

Рис. 51. Фибулы: 1 - д. Вензовщина (Борок), раскоп 4, мог. 2; перстни: 2-5, 7 - д. Вензовщина (Борок): 2 - раскоп 4, мог. 2; 3 - раскоп 16, мог. 5; 4 - раскоп 12, мог. 9; 5 - раскоп 6, мог. 19; 6 - д. Пузели, 7 - раскоп 12, мог. 4; 8 - д. Апоновцы (бывш. Опановцы), раскопки В. А. Шукевича).

морд драконов, украшенных циркулярным орнаментом (фото 41). Видимо, на головном уборе фибула была украшением (рис. 51:1). Аналогичные фибулы были в составе ятвяжскогоклада, найденного при Скомонтовом городище. Датируются XII–XIII вв. (Гуревич Ф. Д., 1950, с. 115, рис. 51). Подковообразные фибулы с зооморфными концами в виде морд драконов были широко распространены в древностях балтов в XI–XIV вв. (Седова М. В., 1981, с. 85, рис. 30:2).

В могильнике у д. Апоновцы (раскопки В. А. Шукевича) в мог. 12 на тазовых костях найдена бронзовая привеска в виде крестика с ушком (Дело № 103/1890, л. 41). Её следует рассматривать как украшение потому, что согласно канонам христианской религии, крест никогда не может быть помещен на чреве.

Перстни – это достаточно часто встречаемое украшение в мужских погребениях. Так, в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) в мог. 10 был найден перстень (Дело № 43/1889,

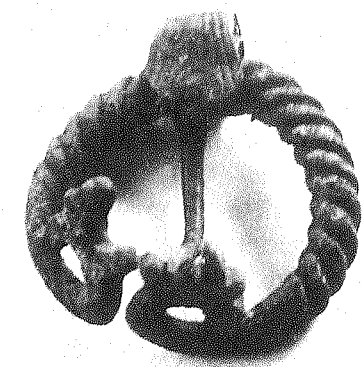

Фото 41. Бронзовая подковообразная фибула с зооморфными концами из раскопа 4, могилы 2 (д. Вензовщина (Борок)).

Фото 42. Бронзовый перстень из раскопа 4, могилы 2 (д. Вензовщина (Борок)).

л. 62). В. А. Шукевич в этом же могильнике в мог. 3/1892 на правой руке выявил 2 перстня – плетеный из 4-х бронзовых проволочек и из бронзовой пластинки, расширенной в середине и согнутой в спираль (Дело № 63/1892, л. 14).

В нашем распоряжении имеются несколько перстней из могильников у д. Пузели и Апоновцы (раскопки В. А. Шукевича), а также из могильников у д. Вензовщина (Борок) и Кукли. Они представлены несколькими типами.

I. Перстни плетеные из 4-х бронзовых проволочек с заходящими концами (Вензовщина (Борок) раскоп 4, мог. 2) (рис. 51:2, фото 42) и с запаяными концами (Вензовщина (Борок) раскоп 16, мог. 5) (рис. 51:3).

II. Пластинчатый перстень с прямоугольным щитком (Вензовщина (Борок), раскоп 16, мог. 9) (рис. 51:4).

III. Рубчатый перстень с запаянными концами (Вензовщина (Борок), раскоп 12, мог. 4) (рис. 51:5, 7). М. В. Седова считает, что подобные перстни были одним из самых распространенных украшений у всех славянских племен. В Новгороде такие перстни найдены в слоях 90-х годов XI–90-х годов XIV вв. (Седова М. В., 1981, с. 122).

В могильнике у д. Пузели найден серебрянный перстень с квадрифольной печаткой, на которой в центре вписаны один в другой три квадрата и помещено еще одно трудноопределяемое изображение (рис. 51:6). Аналогичный перстень найден в Новгороде в слоях 40–60-х годов XV в. (Седова М. В., 1981, с. 138, рис. 52:3, с. 139).

Второй перстень с печаткой с круглым щитком, на котором имеется изображение птицы с поднятыми крыльями, происходит из могильника у д. Апоновцы (рис. 51:8). М. В. Седова отмечала, что перстни с круглым щитком и изображением птицы являются наиболее древними и датируются серединой X–60–70-ми годами XII вв. Она полагает, что появление этих перстней связано с византийским влиянием и отражает раннегосударственную символику (Седова М. В., 1981, с. 137). А. М. Семеновский сообщал, что в 1864 г. в Люцинском уезде, недалеко от д. Езерник крестьянин нашел клад, который состоял из 22-х монет начала XII в. и двух перстней с изображением птицы с поднятыми крыльями. На одном перстне птица стояла на ветке, а на другом – перед змеей (Семеновский А. М., 1890, с. 71). Он считал, что эти перстни могли символизировать княжескую власть. В. Антоневич сообщал, что в каменных могилах найдены перстни с вырезанными знаками крестов и свастики, а также с птицами, вырезанными на плоской поверхности, и допускал, что они, видимо, имели какой-то культовый смысл (Antoniewicz W., 1930, s. 121). В таблице 9 (см. приложение) приведены данные о типах перстней, найденных в мужских погребениях каменных могильников.

Изредка в мужских погребениях встречались бронзовые бубенчики. Так в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) в мог. 2 на шею под нижней челюстью находился маленький бронзовый бубенчик (Дело № 63/1892, л. 14). В могильнике у д. Пузели в мог. 8 В. А. Шукевич в левой руке нашел 2 бронзовых бубенчика (Дело № 13а/1888, л. 49 и об.).

В мужских погребениях встречены стеклянные и пастовые бусы. Так, в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) в мог. 3 справа, у черепа были две бусины – одна черно – синего цвета, вторая – черная, украшенная тонкими волнистыми линиями. Через бусины был продет ремешок. В мог. 11 слева у черепа лежали 3 бусины: одна большая из прозрачного светло – зеленого стекла, вторая – черная с белыми волнистыми линиями, третья – маленькая, синего цвета (Дело № 103/1890, л. 5–6.). В могильнике у д. Пузели, в мог. 15 на груди скелета лежали две стеклянные бусины: одна синего цвета, вторая – черная с белыми волнистыми линиями (Дело № 13а/1888, л. 49 и об.). В могильнике у д. Апоновцы в мог. 15 на груди скелета лежали две стеклянные бусины, с правой стороны на тазовых костях – еще 2 стеклянные и одна медная бусины (Дело № 87, л. 26.). Возможно, бусины выполняли роль амулетов – оберегов.

Монеты в мужских погребениях встречаются чаще, чем в женских. Расположение их по отношению к умершему, также как и в женских погребениях, показывает, что положены они туда специально. В могильнике у д. Пузели, в мог. 6 чуть “выше пояса лежали две совсем испорченные монетки, вероятно литовские” (Дело № 13а/1888, л. 49 и об.). В могильнике у д. Первомайск, в мог. 8 слева у

тазовых костей скелета лежали три монетки князя Витовта (1392–1430). В могильнике у д. Апоновцы в мог. 15/1 В. А. Шукевич нашел мейсенский грош XV в. В могильнике у д. Воробьи в мог. 3 на груди скелета лежал пражский грош Вацлава III (IV)—1378–1419 гг.; в мог. 4 – на правом плече – монета Александра Ягеллончика (1501–1506 гг.) (Дело № 103/1890, л. 40–43). В могильнике у д. Дворчаны, в мог. 1/14 В. А. Шукевич под левым локтем скелета нашел половину литовской монеты (Дело № 90/1894, л. 28). В мог. у д. Кукли, в траншее 1, мог. 1 найдены 10 серебрянных денариев князя Витовта (1392–1430), в раскопе 1, мог. 1 – серебрянный денарий Великого княжества Литовского (Казимир Ягеллончик, 1440–1492 гг.), в раскопе 2, мог. 1 – 3 денария Казимира Ягеллончика (1440–1492 гг.). В могильнике у д. Вензовщина (Борок), в раскопе 12, мог. 4 в центре на груди скелета лежал пражский грош королевства Чехии Вацлава IV (1378–1419 гг.), в раскопе 14, мог. 3 – справа у черепа на куске кожи лежали 6 денариев князя Витовта (1392–1430 гг.).

Целые горшки в могилах мужчин почти не встречаются. Как исключение, в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) В. А. Шукевич в мог. 2/1892 на глубине 0,3 м слева по отношению к скелету, в заполнении могилы нашел горшок, который лежал вверх дном. На горшке имеется орнамент “елочка” (Дело № 63/1892, л. 14).

Рассмотрение инвентаря женских и мужских погребений показывает, что есть предметы общие для них. Это ножи, перстни, бусы, бубенчики, крестики, фибулы, пряжки, иголки, монеты, горшки.

Погребальный инвентарь в мужских захоронениях состоит из предметов,

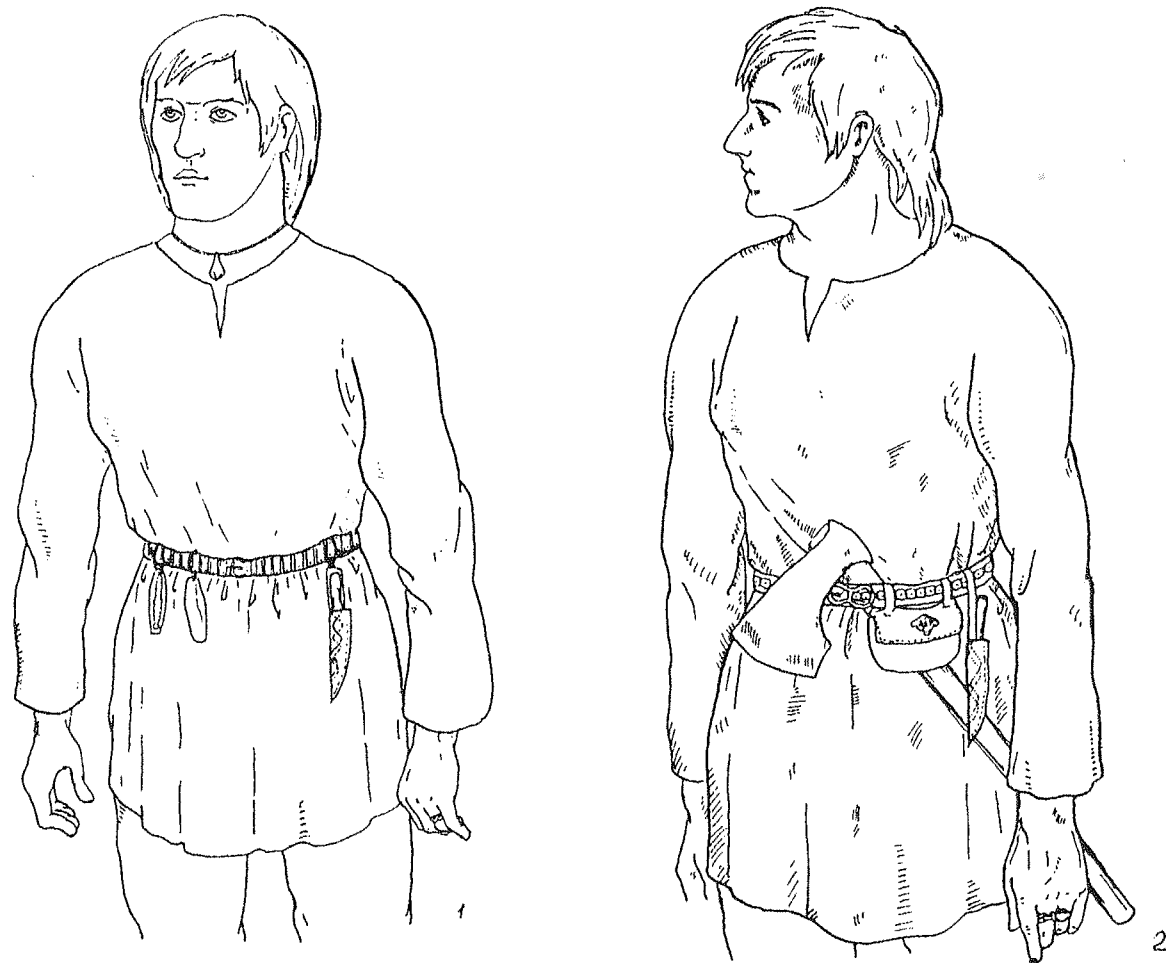

Рис. 52. 1 - Сельский мужской костюм XI - начала XIII в. по материалам каменного могильника у д. Пузели (раскопки В. А. Шукевича); 2 - сельский мужской костюм по материалам каменных могильников у д. Вензовщина (Борок и ур. Гончариха), Дворчаны, Пузели. Реконструкции.

которые выступают в разных сочетаниях. По-разному располагаются они и в отношении к умершему (см. приложение, таблица 12).

Рассмотренные выше прикладные предметы костюма позволяют более - менее правдоподобно реконструировать мужской костюм в период с XI по XVII вв. включительно.

В период с XI по конец XIII вв. он выглядел следующим образом. Одежда (рубашка и штаны) подпоясывалась кожаным ремнем, украшенным металлическими пластинками разной формы и размеров, выполненных из

бронзы, меди и железа и изредка покрытых серебром. Ремень закреплялся с помощью пряжки. К поясу на кольцах привешивались нож в кожаных ножнах, а также кресало и точильный брусок. Последние нередко находились в кожаном мешочке. Шею могли украшать (и оберегать) один, изредка - два бубенчика или стеклянные (или пастовые) бусины. На пальцах рук находились один - два перстня (рис. 52:1). В XIII в. кожаные мешочки начали украшать бронзовыми оковками, тем самым придавая им более богатый и красивый вид. В XIV

Фото 43. Реконструкция мужского лица по черепу выполнена И. В. Чаквиным и Л. Яцуком (раскоп 1, могила 1, д. Вензовщина (Борок)).

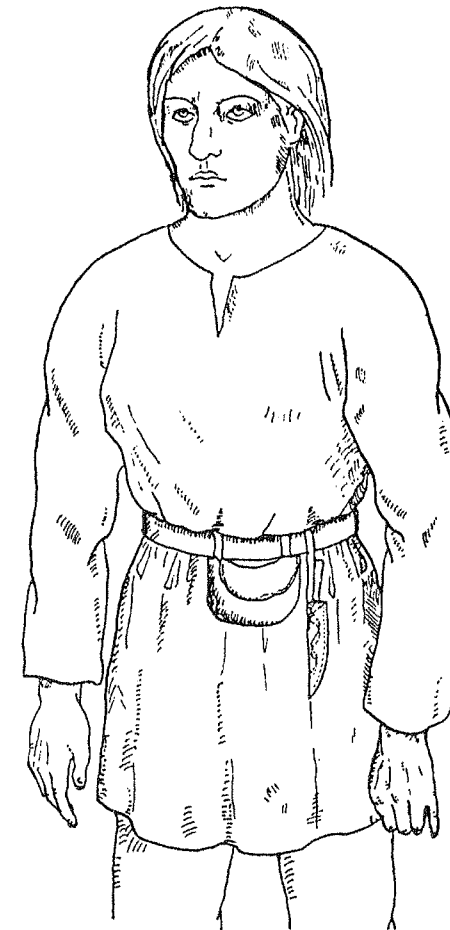

Рис. 53. Сельский мужской костюм XV - XVII вв. по материалам каменных могильников у д. Воробьи, Сырни, Первомайск (Дунич - Могилицы). Реконструкция.

в. бубенчики и бусы как амулеты - обереги в мужских костюмах выходят из пользования. В это время - XIII-XIV вв. - мужской костюм не перетерпел значительных изменений. Ремень по-прежнему украшали металлическими пластинками, крепили его пряжкой. К поясу привешивали кожаный мешочек-кошелек, украшенный бронзовой оковкой, нож в кожаных ножнах, за пояс засовывали топор (рис. 52:2) (фото 43).

В отдельных мужских погребениях у черепа находили значительное количество истлевшей ткани или кожи. Это дает основание полагать о том, что в XI в. и позднее существовал мужской головной убор, выполненный из ткани или кожи. В пользу такого вывода свидетельствует следующее. В раскопе 4, мог. 2 (Вензовщина (Борок)

головной убор из ткани с правой стороны был скреплен фибулой.

В конце XV в. перестают украшать ремни пластинками, а мешочки-кошельки - бронзовыми оковками. В XVI-XVII вв. одежда подпоясывалась кожаным ремнем, но железные пряжки уже почти не употребляли. Таким образом, начиная примерно с середины XVI в. в мужском костюме рассматриваемого населения полностью исчезают металлические предметы. К поясу привешивался кожаный (полотняный) мешочек и нож в кожаных ножнах (рис. 53).

Как и в женском костюме, исчезновение металлических украшений из мужского костюма объясняется, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, это христианизация населения, оставившего каменные могильники и запрет церкви языческих обрядов, одним из которых было украшение костюма металлом. Во-вторых, с развитием денежной системы в Великом Княжестве Литовском роль эквивалента ценностей вместо украшений начали выполнять деньги. Развитие денежной системы привело к тому, что расслоение общества пошло быстрее и украшения по причине дороговизны могли покупать только состоятельные люди. В-третьих, мода на металлические украшения могла пройти.

Инвентарь детских погребений

Для рассматриваемого населения инвентарь в детских могилах – явление редкое; он немногочисленный и довольно однообразный. В отчетах В. А. Шукевича имеются описания некоторых погребений с обозначением “детское” или “погребение девочки”. Например, в могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) в мог. 5 (1890 г.) был скелет девочки. На черепе находились 12 медных бляшек. На незначительном расстоянии от черепа лежали 2 бронзовых перстня: один плетеный большой, второй – гладкий, пластинчатый. Оба с заходящими концами (Дело № 103/1890, л. 22–23). В мог. 7 (1892 г.) этого же могильника находился скелет девочки. На черепе были бронзовые четырехугольные бляшки, вокруг обшитые двумя рядами маленьких стеклянных бусин. На левой руке был бронзовый браслет (Дело № 63/1892, л. 14). В могильнике

у д. Дворчаны в мог. 3/12 были два детских скелета, один около другого. Около одного из них найдены две бусины и кусок бронзового бубенчика, в мог. 8/31 – скелет девочки. На черепе были маленькие бляшки от головного убора; бусина и бронзовый браслет (Дело № 103/1890, л. 6).

К сожалению, в отчетах В. А. Шукевича нет известий о наличии или отсутствии инвентаря в погребениях мальчиков. Автором во время раскопок каменных могил замечено, что в погребениях совсем маленьких детей (поворожденных) инвентарь, как правило, отсутствовал. Такие погребения изучались в могильниках у д. Кукли, Вензовщина (Борок), Клепачи (оз. Бездонное), Минсвщина, Новоселки, Белица, Перевоз, Волча. В отдельных погребениях девочек примерно 5–7 лет и старше выявляли предметы инвентаря. Например, в могильнике у д. Вензовщина (Борок) в раскопе 8, мог. 6 на груди скелета найдены две бронзовые пуговицы. По обе стороны черепа были серьги в форме вопросительного знака (рис. 54:3–5).

Очень интересное налобное украшение найдено в этом могильнике в раскопе 13, мог. 1. На черепе были остатки кожаной шапочки наподобие плема. Спереди, на лобной части к этой шапочке была прикреплена спираль, сделанная из очень тонкой, не более 1 мм в диаметре, бронзовой проволоочки. На небольшом расстоянии одна от другой на эту спираль были надеты пластинчатые подвески ромбической формы с тисненым орнаментом. Причем, на трех углах этих больших подвесок с помощью маленьких колец были привешены маленькие подвески трапециевидной формы. В самом центре, под бронзовой спиралью находились нашитые на кожу квадратные серебряные с позолотой бляшки (рис.

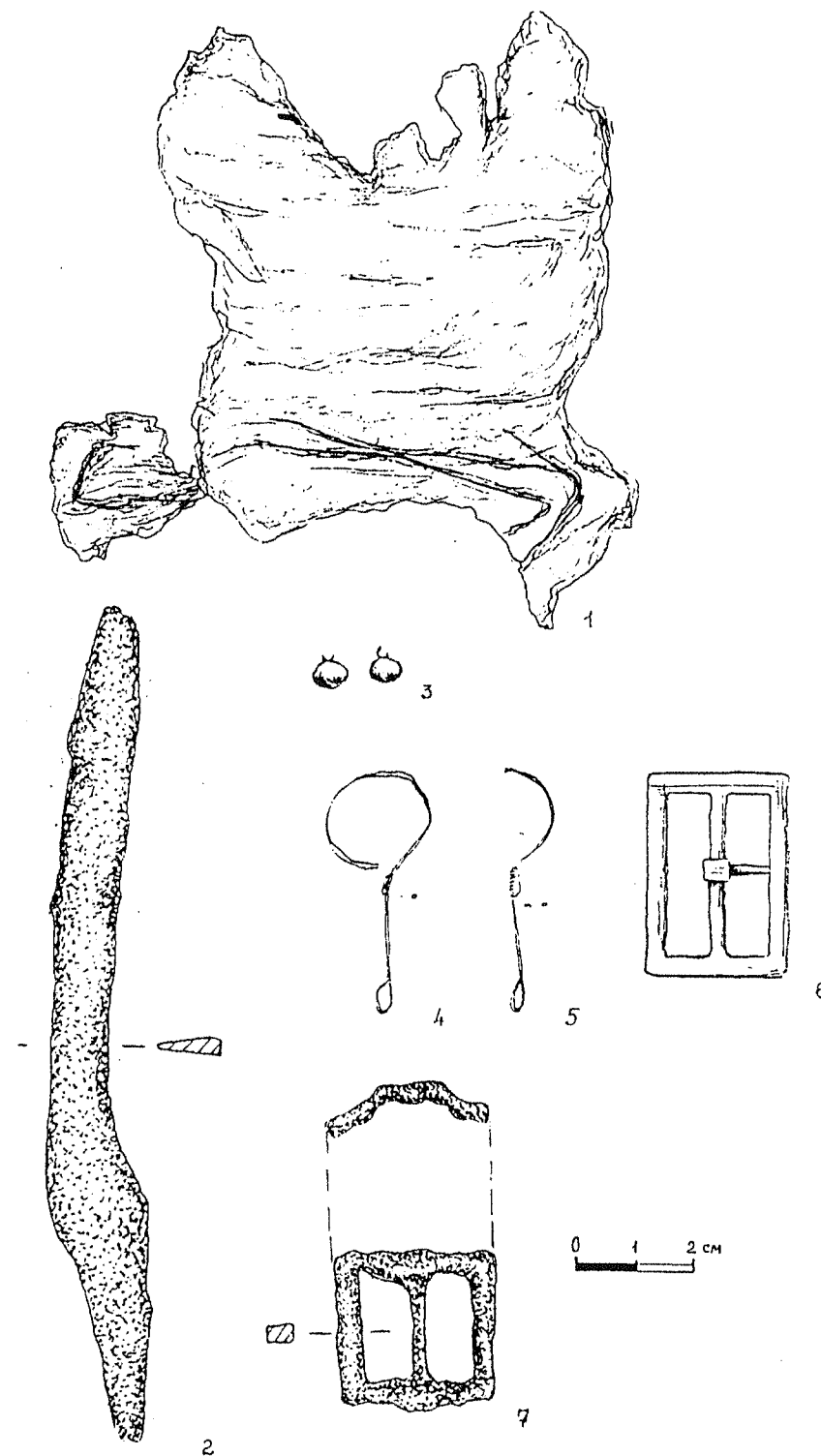

Рис. 54. Инвентарь детских погребений: 1–5 – д. Вензовщина (Борок): 1 – остатки кожаной шапочки, раскоп 13, мог. 1; 2 – нож, раскоп 13, мог. 2; 3 – пуговицы, раскоп 8, мог. 6; 4–5 – серьги в форме вопросительного знака, раскоп 8, мог. 6; 6 – пряжка, д. Клепачи (оз. Бездонное) раскоп 1, мог. 1; 7 – пряжка, д. Кукли, раскоп 1, мог. 6.

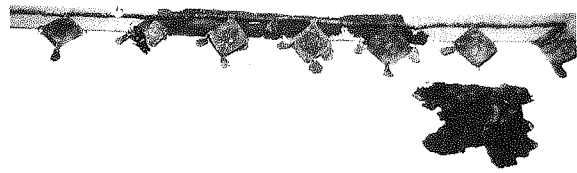

Фото 44. Погребальный инвентарь: бляшки от головного убора, фрагмент кожаной шапочки из раскопа 13, могилы 1 (д. Вензовщина (Борок)).

Фото 45. Погребальный инвентарь: перстни, перстнеобразные височные кольца из раскопа 13, могилы 1 (д. Вензовщина (Борок)).

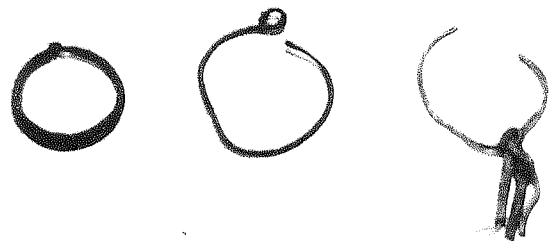

Фото 46. Погребальный инвентарь: 1 - перстень, 2 - височное кольцо, 3 - серьга из раскопа 1, могилы 4 (д. Кукли).

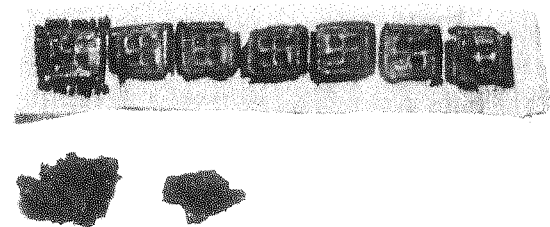

Фото 47. Погребальный инвентарь: бляшки от головного убора и бисер, кусочки кожи от шапочки из раскопа 1, могилы 8 (д. Кукли).

54:1, 55). По обе стороны черепа в шапочке располагались маленькие височные кольца (?), выполненные из проволоки. На левой руке были 2 перстня: 1 – бронзовый, пластинчатый с незапаянными концами, сверху оплетен тонкой бронзовой провололочкой; 2 – сплетенный из 4-х бронзовых провололочек. На правой руке – один перстень, такой же как и первый (фото 44–45). Под левой ладошкой было несколько черных маленьких бусин наподобие бисера (?). В виду того, что пластинчатые перстни и височные кольца подробно рассмотрены в параграфе 1 (“Инвентарь женских погребений”), мы не будем останавливаться на их характеристике. Внимание заслуживает налобное украшение и плетеные перстни. Подвески подобной формы были найдены в погребениях у оз. Обяляй в Литве (Urbanavičius V., Urbanavičienė S., 1988, p. 42, pav. 71:8, 11; p. 28, pav. 37:11; Urbanavičienė S., 1995, p. 182, pav. 32:1). Датируются XII–XIV вв., в древностях латгалов (Финно, 1987, с. 425, табл. CVI:19). Датируются X–XII вв. Аналогичные подвески, но без маленьких трапециевидных, были найдены в женских погребениях грунтового могильника у д. Рувина Дольна. Их носили вместе с бубенчиками, прикрепленными к головному убору по обе стороны головы, так что они свисали и находились в области шеи. Р. Одой отмечал, что они были широко распространены в древностях пруссов в период с XII по XIV вв. (Odoj R., 1956, рис. XXI:1–2). В. И. Кулаков относит эти подвески к находкам ятвяжского происхождения, датируемых XII–XIII вв. (Кулаков В., 1994, с. 30, рис. 16:2). Оплетенные провололочкой пластинчатые перстни также найдены

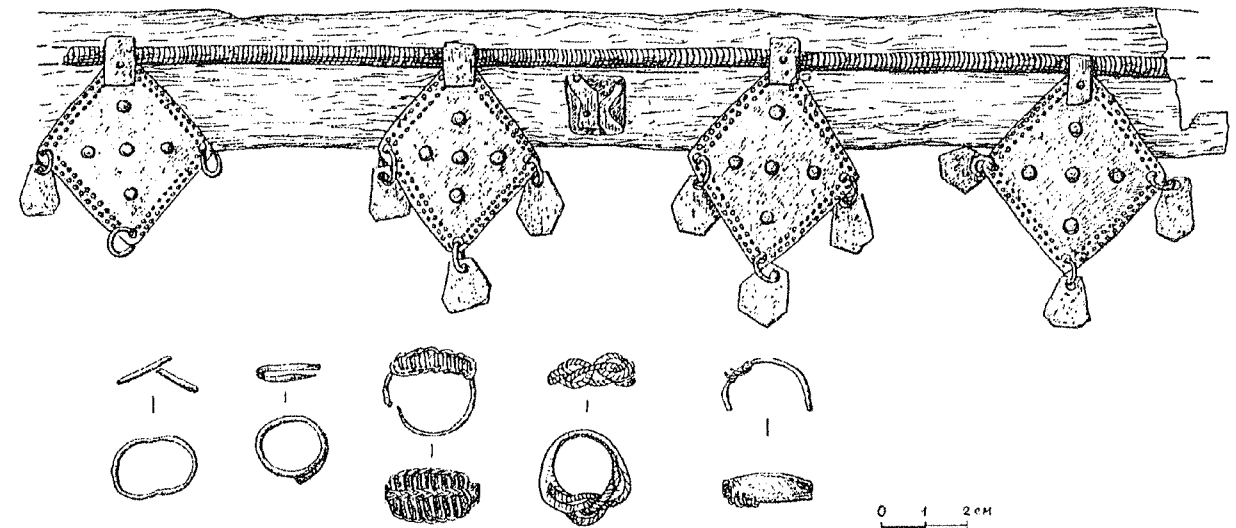

Рис. 55. Инвентарь погребения девочки, д. Вензовщина (Борок), раскоп 13, мог. 1: налобное украшение, перстнеобразные височные кольца, перстни.

в могильнике у д. Рувина Дольна. (Odoj R., 1956, s. 190, рис. 7, с. 192, рис. 10:4). Они были широко распространены в древностях пруссов. Таким образом, весь комплект украшений и погребение в целом можно датировать концом XII–началом XIII вв.

В могильнике у д. Кукли, в раскопе 1, мог. 4 с одной стороны черепа найдено височное кольцо с одним концом, отогнутым наружу и загнутым в кольцо, с другой стороны – серьга с тремя стержнями – привесками. На пальце обнаружен перстень, выполненный следующим образом. Тонкая бронзовая провололочка сверху оплетена другой бронзовой провололочкой (фото 46). Аналогичный перстень найден в могильнике у д. Вензовщина (Борок), раскоп 13, мог. 1. Комплект найденных предметов позволяет датировать погребение XIII–XIV вв. (рис. 56:2–4). В раскопе 1, мог. 8 на лобной части черепа выявлены бляшки (7 шт.) квадратной формы с изображением свастики (фото 47). Вокруг бляшки

были обшиты одним рядком бисера, такого же как и в раскопе 3, мог. 4 (женское погребение) (рис. 56:5; 57:2).

Из погребения девочки происходит и маленький бронзовый пластинчатый с заходящими концами, орнаментированный треугольниками браслет. Концы его сужаются (рис. 56:1). Он найден В. А. Шукевичем в могильнике у д. Дворчаны, датируется X–XII вв.

Погребальный инвентарь из могил мальчиков примерно 7–12 лет, как правило однообразный и очень незначительный (рис. 57:1). Так, в могильнике у д. Вензовщина (Борок), в раскопе 2, мог. 1 слева на груди скелета лежал маленький нож; в раскопе 5, мог. 2 – на уровне коленей – нож; в раскопе 6, мог. 15 – у левого бедра найдены фрагменты ножа; в раскопе 9, мог. 1 – справа на тазовых костях лежал железный нож; в раскопе 12, мог. 5 – слева у тазовых костей – нож и т. д. В раскопе 13, мог. 2 – у левого бедра лежал нож (рис. 54:2).

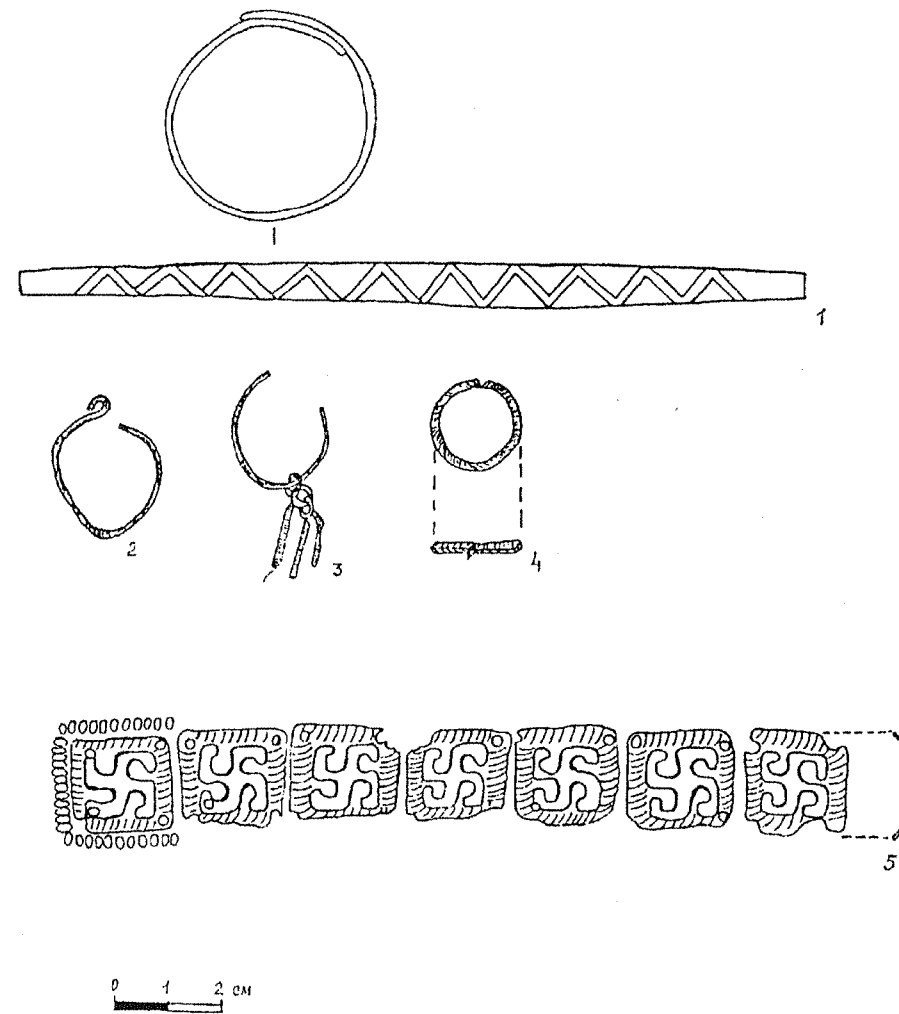

Рис. 56. Инвентарь детских погребений: 1 - д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича); 2-4 - д. Кукли, раскоп 1, мог. 4; 5 - д. Кукли, раскоп 1, мог. 8.

В могильнике у д. Кукли в раскопе 1, мог. 6 в центре на тазовых костях найдена маленькая железная пряжка (рис. 54:7).

В могильнике у д. Клепачи (оз. Бездонное), в раскопе 1, мог. 1 на поясе в центре выявили фрагмент пояса из ткани, расшитой медной проволокой и бронзовую пряжку (рис. 54:6).

Следует полагать, что у населения, оставившего каменные могильники, не было обычной помещать в погребения детей инвентарь.

Предметы вне комплексов. В коллекции погребельного инвентаря из раскопок В. А. Шукевича есть предметы, которые из-за отсутствия сведений трудно идентифицировать с выделенными группами погребений. В силу своей универсальности эти предметы могли находиться как в женских, так и в мужских погребениях.

Из могильника у д. Дворчаны происходит крестовидная булавка с цепедержателем (рис. 58). Крестовидные булавки были характерной застежкой глухой одежды в матери-

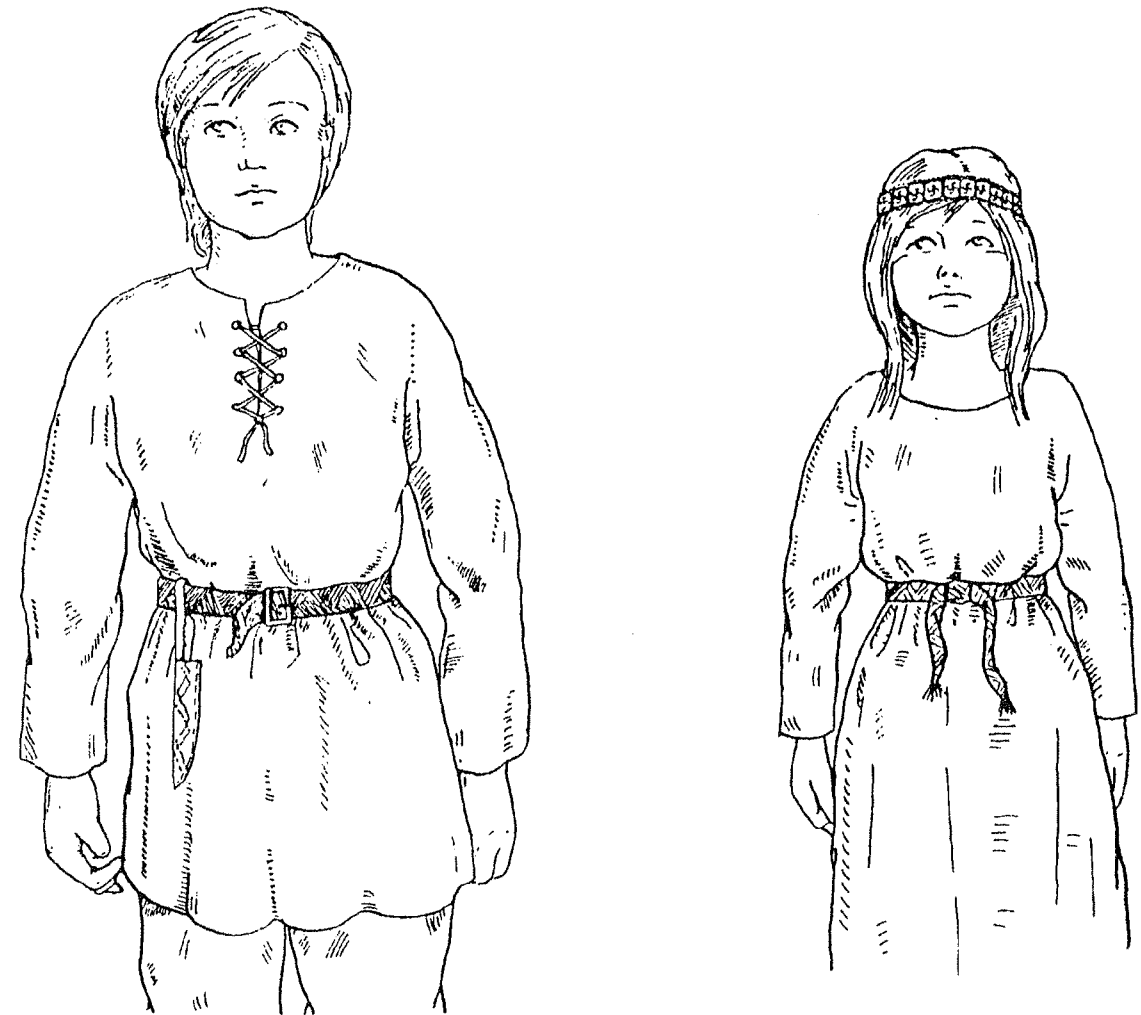

Рис. 57. 1 - Костюм мальчика XI-XVI вв. по материалам могильника у д. Вензовщина (Борок); 2 - костюм девочки XI - начала XIII вв. по материалам каменного могильника у д. Кукли. Реконструкции.

ковой Эстонии. Прототипами их были более ранние балтские булавки. Поздние варианты крестовидных булавок были в пользовании до XIII в. (Лаул С. К., 1986, с. 199). Крестовидные булавки были распространены в северной части Литовского Взморья у южных куршей. Часто такие булавки имели многочисленные подвески (Волкайте-Куликаускаене Р. К., 1986, с.

160). Они датируются X-XI вв. Из этого же могильника происходит и горшок из светло-желтой глины. Высота его 12 см. Под шейкой выполнена небольшая наклепная коса; а ниже - линейный орнамент (рис. 59). Аналогичная керамика найдена в городах Беларуси в слоях XII-XIII вв., в могильниках XIII-XIV вв. Литвы (Kuncienė O., 1979, p. 87, pav. 17:2).

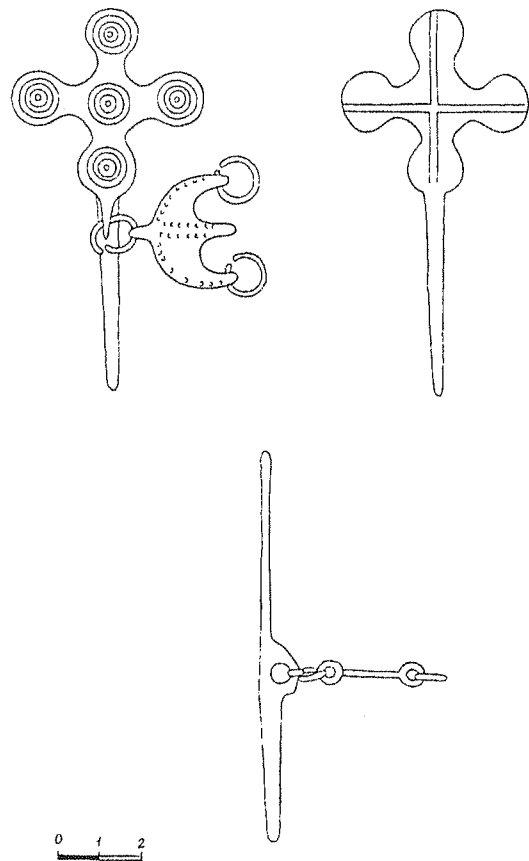

Рис. 58. Крестовидная булавка с цепедержателем, д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича).

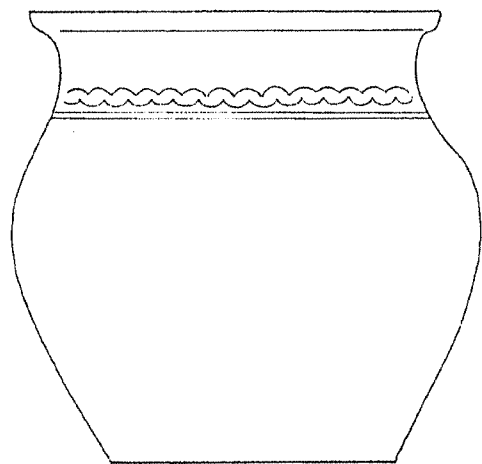

Рис. 59. Горшок X-XII вв., д. Дворчаны (раскопки В. А. Шукевича).

Внемогильный инвентарь

Под камнями кладок в слое гумуса, среди углей в отдельных могильниках найдены разные предметы, которые следует рассматривать как подарки умершим. Например, в могильнике у д. Дворчаны В. А. Шукевич в изголовье погребения 3/7 в кострище нашел 2 железных ножа, фрагмент каменного точильного бруска и 2 фрагмента от бронзовой фибулы или пряжки (Дело № 103/1890, л. 6). Под камнями кладки над могилой 3/12 этого же могильника исследователь выявил маленький бронзовый браслет (Дело № 90/1894, л. 6).

В могильнике у д. Вензовщина (Борок), в раскопе 4 найдена половина пряслица (рис. 60:1). В могильнике у д. Кукли, в раскопе 1, кв. 1 выявлена металлическая орнаментированная пластинка (возможно, деталь украшения конской упряжи) и бронзовая бляшка (рис. 61:1, 2); в кв. 10 – маленький железный ножик с перекрестьем из бронзы (рис. 61:3); в раскопе 2, кв. 1 – железный ножик (рис. 61:4); в кв. 5 – фрагмент лезвия ножа с деревянной рукояткой (рис. 61:5), в кв. 10 – поясное железное кольцо и двулезвийное овальное кресало (рис. 61:6, 7); в кв. 9 – маленький железный ножик с обломанным концом лезвия (рис. 61:8); в раскопе 5, кв. 1 – бронзовый бубенчик (рис. 61:9) (фото 48); в раскопе 6, кв. 3 – бронзовый пластинчатый перстень (рис. 61:10); в кв. 6 – еще один бронзовый перстень (рис. 61:11); в траншее 1, кв. 1 – железный нож (рис. 60:2).

В могильнике у д. Белица в шурфе 1, кв. 1 и 2 (на поверхности могилы) собрали бронзовую, выполненную из проволоки серьгу (с перевитьем), денарий Александра Ягеллончика (1501–

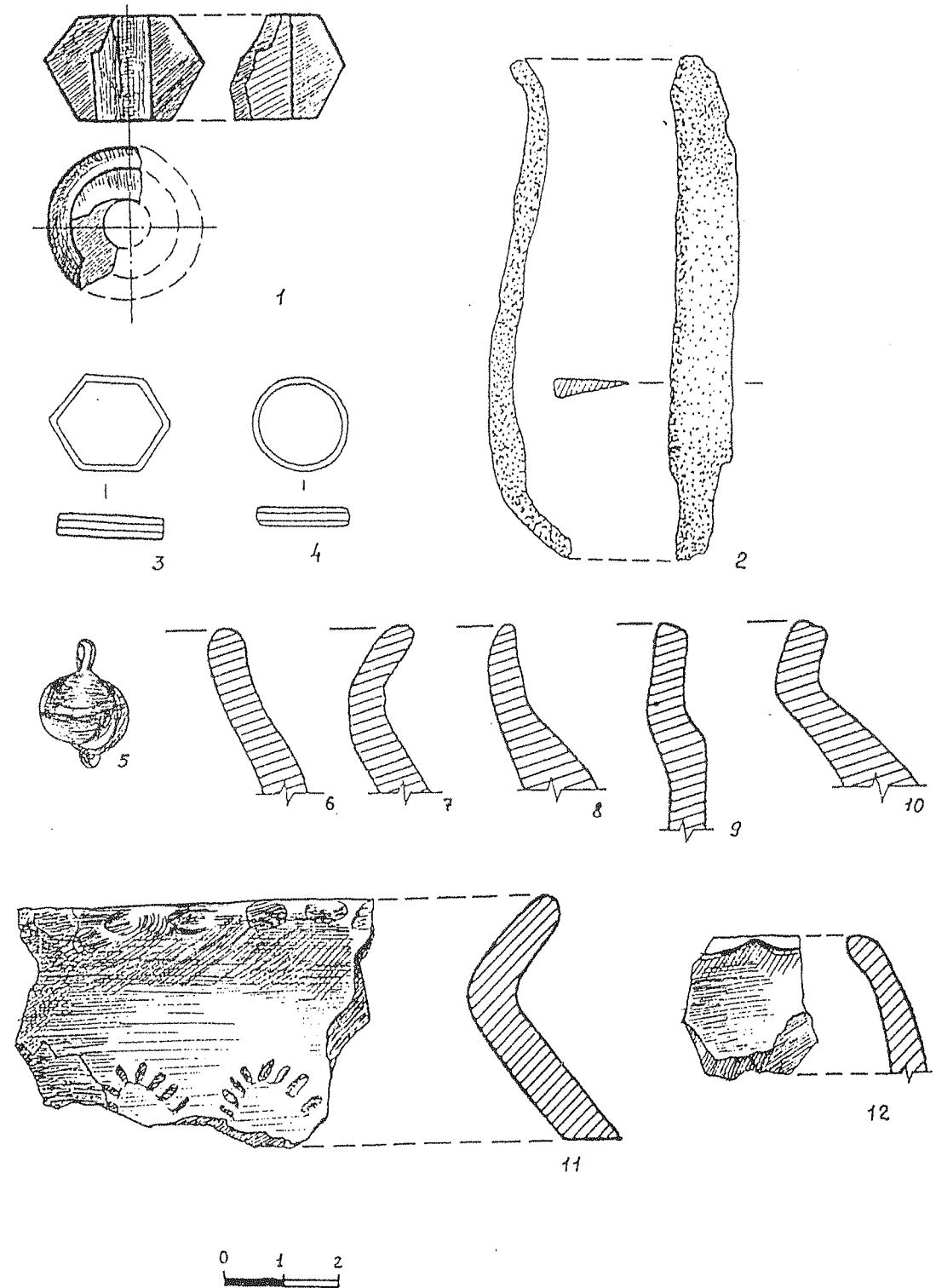

Рис. 60. Внемогильный инвентарь - 1, 6-12 - д. Вензовщина (Борок): 1 - раскоп 4, кв. 7; 6-10 - раскоп 4; 11 - раскоп 4, мог. 6; 12 - раскоп 5, мог. 2; 2 - д. Кукли, траншея 1, кв. 1; 3-4 - д. Минневицна, раскоп 1, кв. 1-4; 5 - д. Новоселки (Зельвенский район), раскоп 4, кв. 6.

Фото 48. Бронзовый бубенчик из раскопа 5, кв. 1 (д. Кукли).

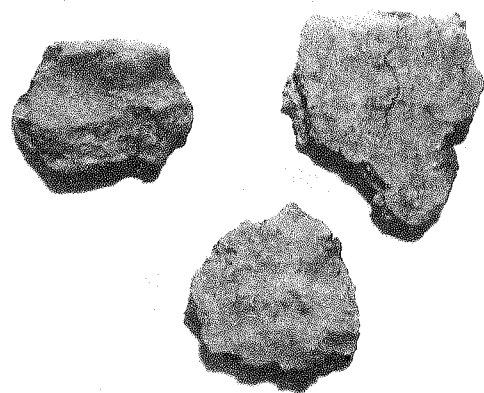

Фото 49. Венчик и стенки лепных горшков из раскопа 1, кв. 2 (д. Вензовщина (Борок)).

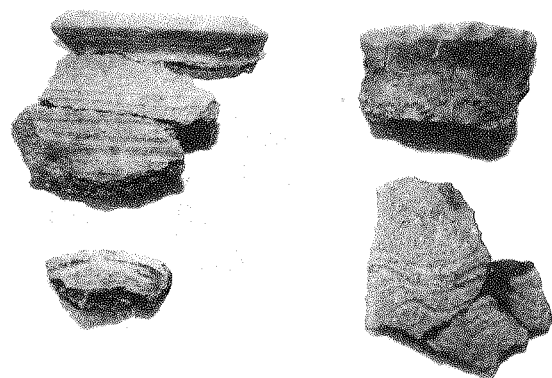

Фото 50. Фрагменты лепных и гончарных горшков из раскопа 4 (д. Вензовщина (Борок)).

1506 гг.), 4 ножа, железный пластинчатый предмет. В могильнике у д. Клепачи (оз. Бездонное) в раскопе 5, кв. 7, в кострище нашли сломанный медный перстень. В могильнике у д.

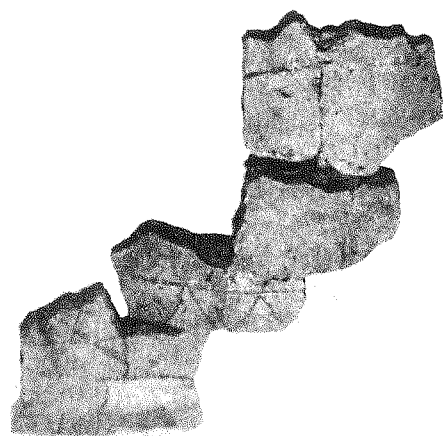

Фото 51. Фрагменты лепного горшка из раскопа 12, кв. 1 (д. Вензовщина (Борок)).

Новоселки (Зельвенский район) в раскопе 4, кв. 6 (на поверхности могилы) выявили бронзовый бубенчик (рис. 60:5). В могильнике у д. Миневщина в раскопе 1 (на перекрестье квадратов № 1-4) в днище от горшка были 2 медных перстня (рис. 60:3-4).

Но более всего под каменными кладками встречено фрагментов керамической посуды. Чаще всего они располагались в изголовье и, изредка – в центре или в ногах погребений. Подсчеты показывают, что нередко на одном погребении находились фрагменты от двух или трех разных горшков.

Весь собранный керамический материал из каменных могильников (который есть в нашем распоряжении) по технологии изготовления разделяется на две группы – лепный от руки и гончарный.

Лепная керамика выявлена в могильнике у д. Вензовщина (Борок). Она желтого цвета, в тесте примесь крупной дресвы и незначительное количество растительной. Тесто переменно плохо, рыхлое, обжиг недостаточный, керамика хрупкая. Поверхность горшков не заглажена. Венчики слабoproфилированные, слегка отогну-

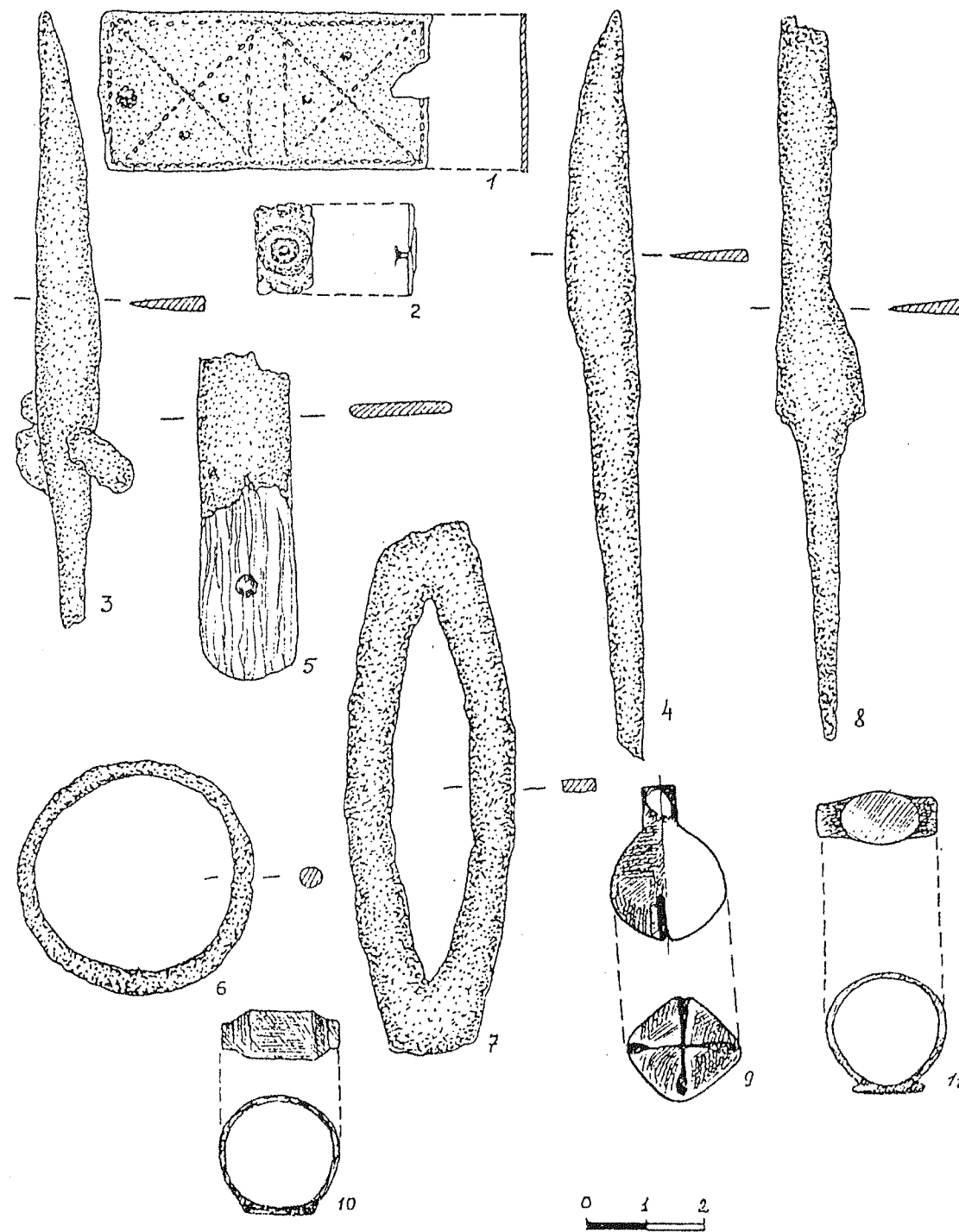

Рис. 61. Внемогильный инвентарь, д. Кукли: 1-2 - раскоп 1, кв. 1; 3, 6, 7 - раскоп 1, кв. 10; 4 - раскоп 2, кв. 1; 5 - раскоп 2, кв. 5; 8 - раскоп 2, кв. 9; 9 - раскоп 5, кв. 1; 10 - раскоп 6, кв. 3; 11 - раскоп 6, кв. 6.

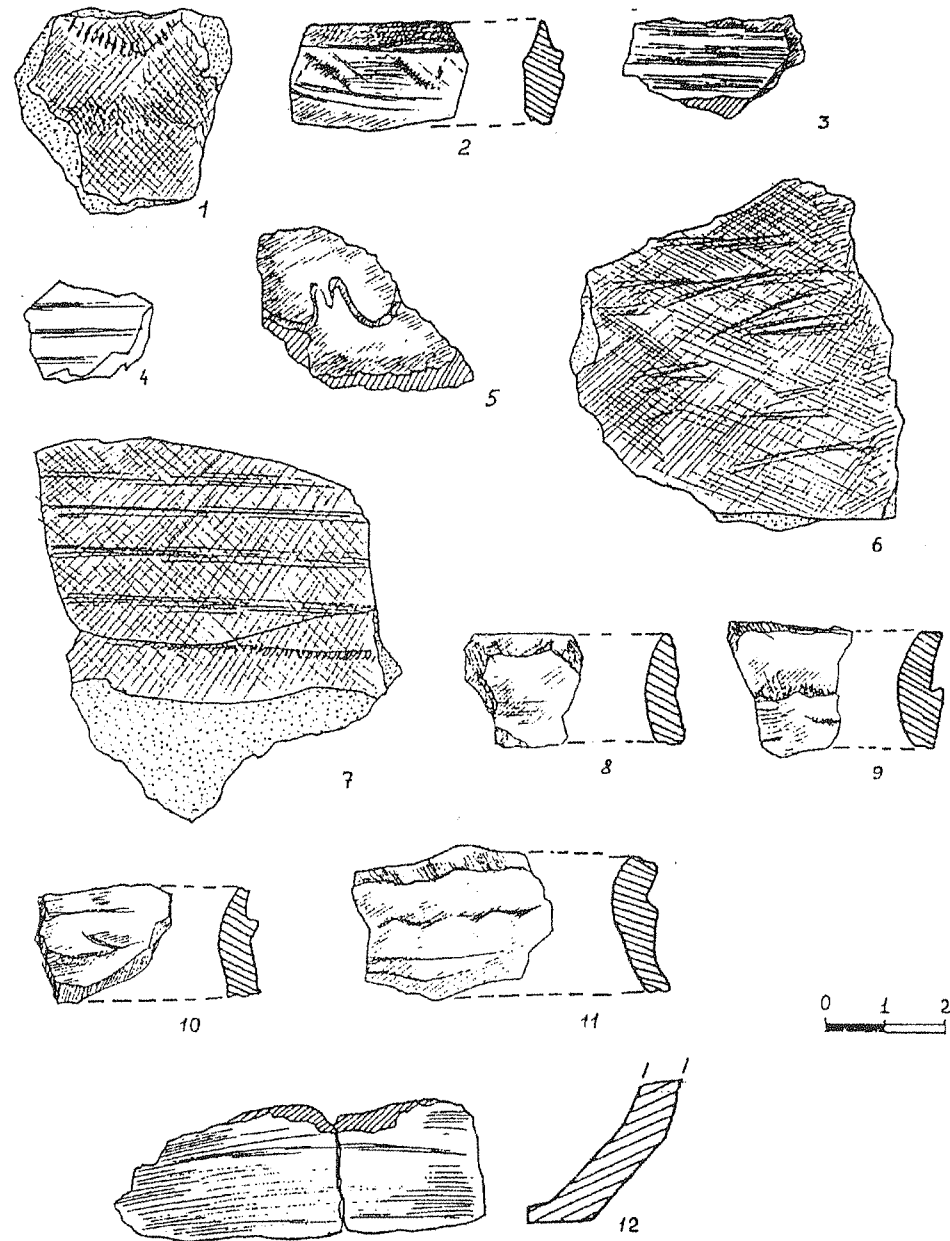

Рис. 62. Внемогильный инвентарь. Керамика: д. Вензовщина (Борок): 1 — раскоп 13, кв. 3; 2-4, 8-11 — раскоп 7; 5 — раскоп 18, кв. 1; 6 — раскоп 11, кв. 16; 7 — раскоп 13, кв. 4; 12 — раскоп 16, кв. 9.

тые, за редким исключением неорнаментированные (рис. 60:6-10) (фото 49-51). Аналогичная керамика известна из поселений западной Беларуси и юго-восточной Литвы, датируется третьей четвертью — концом I тысячелетия (Митрофанов А. Г., 1978,

с. 140-148, рис. 48-56). Такая керамика характерна для ятвяжских поселений на территории современной Польши (Kaminski A., 1956, s. 142, рис. 7).

В раскопе 4, мог. 6 (погребение по обряду трупосожжения?) выявили фрагменты лепных горшков, боль-

шинство из них аналогичны вышеописанным. Один венчик розовато-красного цвета с пальцевыми вмятинами по краю и штампованным орнаментом по плечу (рис. 60:11). Еще один венчик из этого же раскопа украшен пальцевыми вмятинами снаружи (рис. 60:12). В раскопе 13, в кв. 3 выявили фрагмент стенки, украшенной штампованным орнаментом (рис. 62:1). В раскопе 7 найден фрагмент стенки, украшенной штампованным орнаментом в виде треугольников (рис. 62:2). Аналогичная керамика, украшенная пальцевыми вмятинами и штампом, является характерной для средневековых памятников ятвягов в Сувалкии (Польша), начиная с V-VI вв. (Jaskanis D. i J., 1961, s. 48; Musianowicz K., Zawadzka B., 1961, s. 196 табл. XXXI:21, 22). Найдена она на поселениях X-XI вв. Мазовии (Materiały, 1976, s. 38, табл. VI:6, VII:1). Лепная керамика, украшенная штампом, выявлена во время раскопок в Гродно, а ранняя гончарная, также украшенная штампом известна из раскопок в Новогрудке, в слоях X-XI вв. (Воронин Н. Н., 1954, с. 41, рис. 15:11; Малевская М. В., 1972, с. 15, рис. 5:1, 2, 5).

Некоторые стенки горшков украшены однорядковым линейным и волнистым орнаментом; многорядной волной, многорядным линейным орнаментом; беспорядочными линиями (рис. 62:3-7). Несколько стенок украшены наlepным валиком, с нанесенными на него пальцевыми вмятинами (рис. 62:8-11). Как указывалось выше, этот орнамент очень характерен для ятвяжской керамической посуды Сувалкии. Найлены несколько фрагментов дниц горшков (рис. 62:12; 63:1-3); фрагменты крышек (рис. 63:4-7).

В могильнике у д. Новоселки (Зельвенский район) в раскопе 4

(погребение с трупосожжением) также найдены фрагменты лепных горшков; венчики, стенки, днища. Такая керамика была очень характерна для западных и центральных районов Беларуси в конце I тысячелетия.

Однако в подавляющем большинстве керамический материал представлен фрагментами гончарной посуды светло-желтого, розового и коричневатого цвета. Тесто плотное, с примесью песка и мелкой дресвы, обжиг равномерный, поверхность заглажена.

В связи с тем, что гончарный керамический материал представлен очень широко — XI-XVII вв., он будет рассматриваться в хронологической последовательности. Выделены 3 — типолого-хронологические группы керамики.

I. XI-XIII вв. Горшки. Тип I. Они имеют слегка вогнутый внутрь, прямой венчик, который снаружи украшен жгутом с пальцевыми вмятинами (Вензовщина (Борок), (рис. 64:1). Такая керамика является характерной для ятвяжских поселений Сувалкии.

Тип II. Горшки с резко отогнутым наружу венчиком, с рифлением по тулову — были очень характерными для XI в. (Вензовщина (Борок); (рис. 64:2). В Гродно они найдены в слое XI в. (Воронин Н. Н., 1954, с. 59, рис. 25:3), в Новогрудке в слое X-XI вв. (Гуревич Ф. Д., 1981, с. 13, рис. 6:1, с. 15), в Волковыске в слое второй половины XI — начала XII вв. (Зверуго Я. Г., 1975, с. 63, рис. 22:VII-8, с. 64, 70).

Тип III. Так называемые мазовецкие горшки с цилиндрическим горлом (Вензовщина (Борок), Косовщина); (рис. 64:3-8; 65; 66:1-2). Аналогичная керамика найдена в нижних, ранних слоях Новогрудка. Она более известна из поселений и погребальных памятников XI-XIII вв. Мазовии (Rauhut Ł., 1971, s. 599, табл. XXXIV:g).

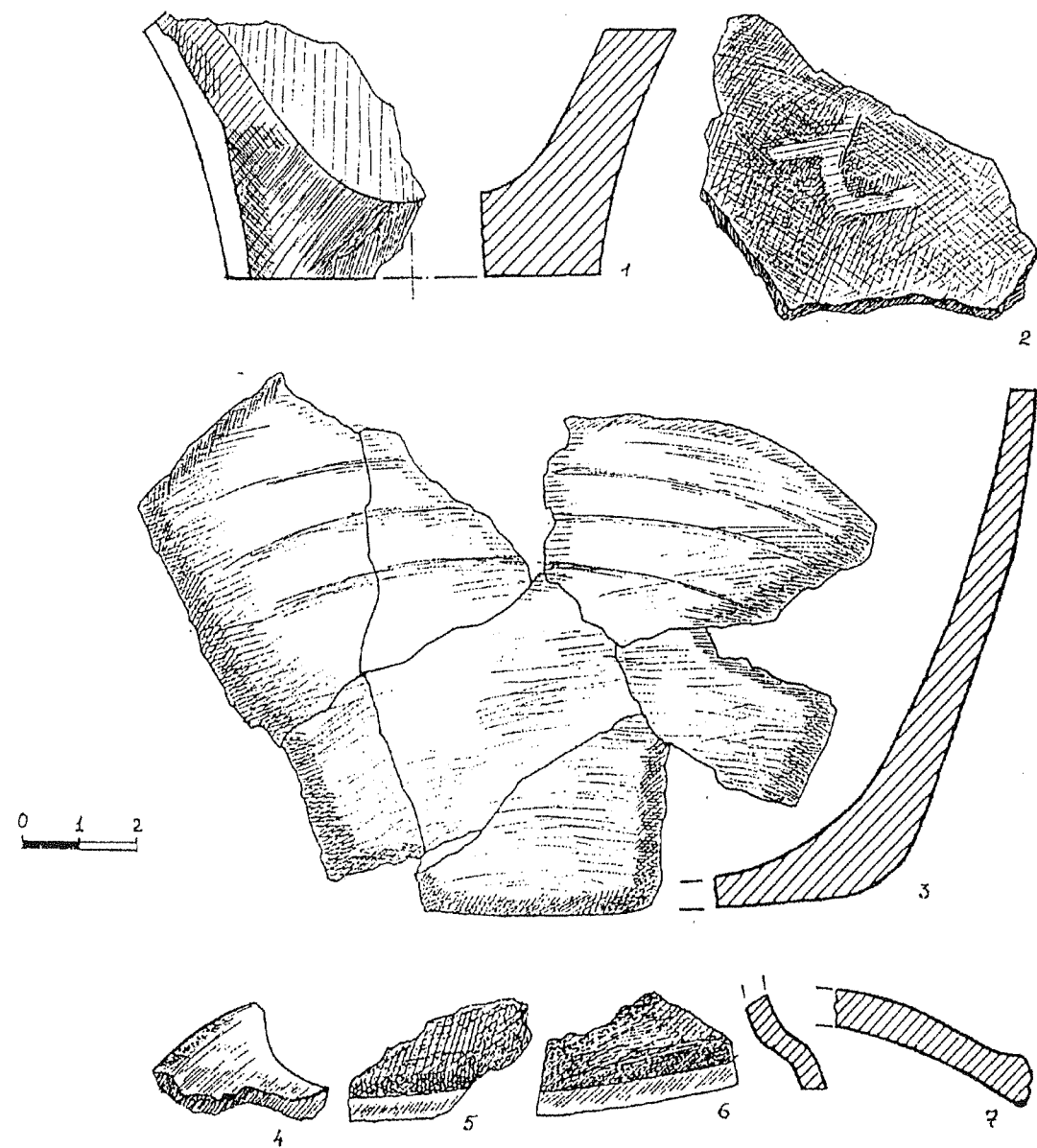

Рис. 63. Внемогильный инвентарь. Керамика; д. Вензовицна (Борок): 1 - раскоп 4, кв. 3; 2 - раскоп 4, кв. 7; 3 - раскоп 16, кв. 5; 4-6 - раскоп 16, кв. 16; 7 - раскоп 3, кв. 7-8.

Тип IV. Горшки этого типа имеют резко отогнутый край венчика (снаружи по краю его имеется выступ), поставленный на высокую шейку (рис. 64:9). Аналогичные горшки найдены в Волковыске в слоях второй половины XI – начала XII вв. (Зверуго Я. Г., 1975, с. 63, рис. 22:1Б), в погребальных памятниках Мазовии рубежа XII–XIII

и XIII вв. (Rauhut Ł., 1971, s. 615, табл. XL III:a).

Тип V. Горшки с плавно отогнутым венчиком, поставленным на невысокую шейку (рис. 64:10). Аналогичные горшки найдены на поселениях и в погребальных памятниках Польши (Sabalska M., 1975, s. 326:в), в Литве (Urbanavičius V., Urbanavičienė S., 1988,

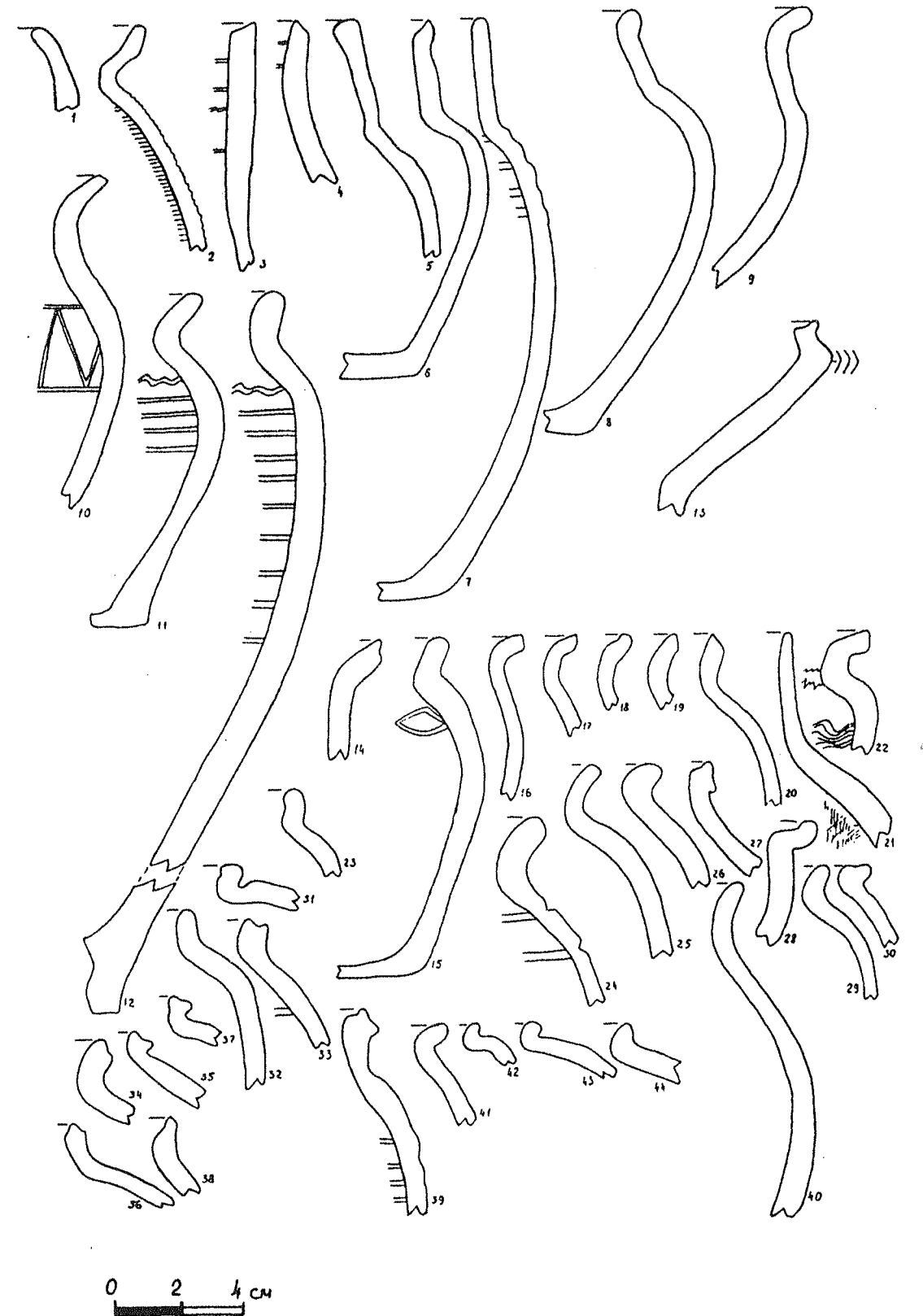

Рис. 64. Типология керамики из каменных могильников Беларуси. XI–XVII вв.

р. 22, раv. 25:7; Musianowicz K., 1968, s. 341, рис. 3:b, c). Датируются XI–XIII вв.

Тип VI, вариант А. Горшки с невысоким отогнутым паружу венчиком, поставленным прямо на тулово, плечико приподнято. Выполнена реконструкция горшка такого типа. Высота его 10 см, диаметр венчика 10,5 см, диаметр днища 7,5 см. По плечику нанесен волнистый орнамент, а по тулову – неровный линейный, который не достигает дна (рис. 64:11; 67:1). Аналогичные горшки найдены в Гродно в слое XI в. (Воронин Н. Н., 1954, с. 59, рис. 25:5).

Вариант Б. Горшки имеют невысокий почти прямой венчик, поставленный на тулово. Выполнена реконструкция одного такого горшка. Высота его 22,5 см, диаметр венчика 19 см, диаметр днища 8 см. Он продолговатой формы, сужается у дна. Под венчиком на тулове имеется волнистый орнамент, а ниже под ним – многорядный линейный, не достигающий днища (рис. 64:12; 67:2). Аналогичные горшки найдены в каменных могильниках Мазовии. Датируются X–XII вв. (Rauhut Ł., 1971, s. 615, табл. XIII:b), в Литве, на памятниках XI–XIII вв. (Musianowicz K., 1968, s. 341, рис. 3:a).

Кроме горшков был найден профиль миски светло – красного цвета (Вензовщина (ур. Гончариха) рис. 64:13; 68). Диаметр венчика 175 мм, диаметр днища – 90 мм, стенки 7–8 мм. Миска ребристая. По краю венчика и по ребру нанесен орнамент – надрезы. Аналогичные миски найдены в Гродно в нижних слоях (конец XI – начало XII вв.) (Воронин Н., 1954 с. 59, рис. 25:2). Но более они известны в поселениях и погребальных памятниках ятвягов Сувалкии начиная с V–VI вв. Например, такие миски известны из

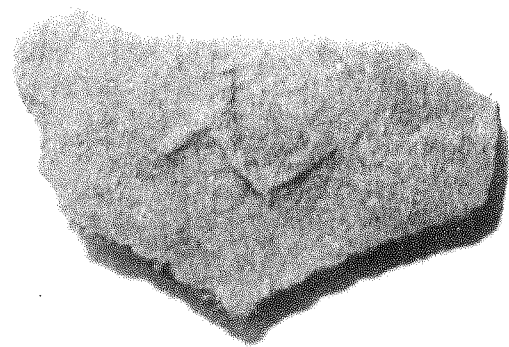

Рис. 52. Фрагмент днища с клеймом из раскопа 4 (д. Вензовщина (Борок).

раскопок поселения и городища в Осинках (Okulicz J., 1963, s. 199, рис. 9:h,i,c; s. 201, рис. 11:f,d; s. 204, рис. 17:d).

Кроме венчиков в коллекции имеются фрагменты днищ (рис. 63:1,3), на одном месте имеется клеймо (рис. 63:2) (фото 52). Найдены фрагменты крышек (рис. 63:4–7).

II. Вторая половина XIII – начало XVI вв. В каменных могилах этого периода выявлены фрагменты керамических горшков, часто украшенных однорядковым или двурядным волнистым орнаментом, или в сочетании этого орнамента и многорядных волн.

Тип I. Горшки со средневысоким, резко отогнутым наружу краем венчика. По наружному краю венчика есть выступ. Один фрагмент венчика такого горшка украшен под шейкой на тулове ногтевыми насечками, а чуть ниже – волнистым орнаментом (Пузелю) (рис. 64:14). Аналогичная керамика была распространена в Польше с XIII до начала XVI вв. (Musianowicz K., 1975, s. 368, табл. III:e).

Тип II. Горшки в форме банки с едва заметным ребром снаружи. По плечику – орнамент в виде двух

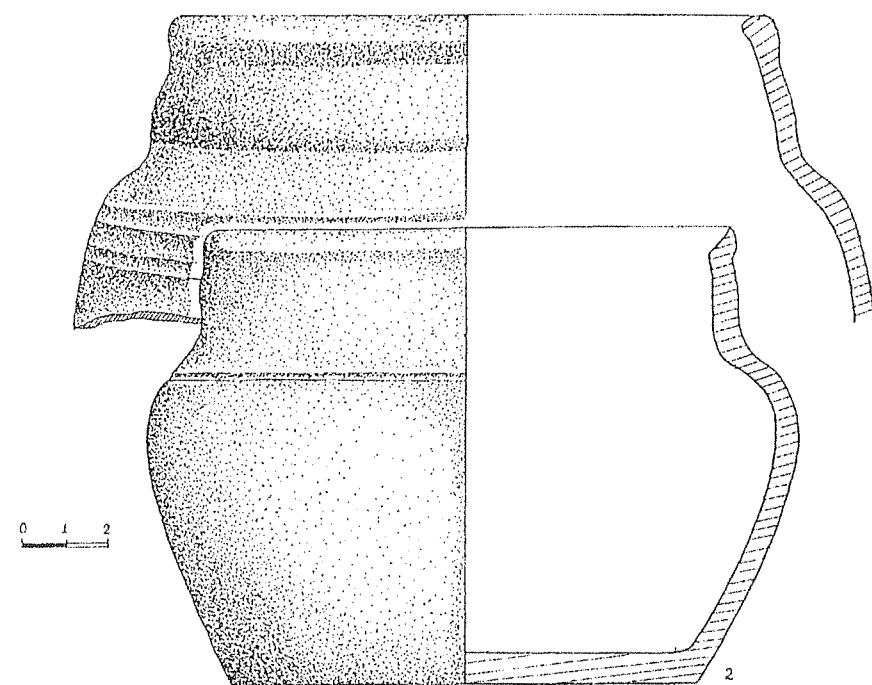

Рис. 65. Внешний инвентарь. Керамика, д. Косовщина: 1 – шурф 1, мог. 2; 2 – шурф 1, мог. 3.

перекрещивающихся волн, которые образуют ромбы. Венчик невысокий, слегка отогнут наружу (Кукли) (рис. 64:15). Аналогичные горшки выявлены в могильнике Саряй (Литва). Датируются XIII–XIV вв. (Kuncienė O., 1979, p. 91, раv. 22:8).

Тип III. Горшки с резко отогнутым наружу коротким венчиком, невысокая шейка плавно переходит в тулово, неорнаментированы (Кукли) (рис. 64:16–17). Аналогичная посуда выявлена в Польше. Датируется XIII–XVI вв. (Musianowicz K., 1975, s. 368, табл. III:n; s. 366, табл. I:j).

Тип IV. Горшки этого типа имеют слегка отогнутый венчик, который плавно переходит в тулово. В некоторых горшках на внутренней стороне венчика, по верху проходит неглубокий желобок под крышку (Кукли) (рис. 64:18–19). Аналогичная керамика найдена в Польше, в

древностях XIII–XVI вв. (Musianowicz K., 1975, s. 368, табл. III).

Тип V. Горшки с невысоким слегка отогнутым наружу венчиком, край которого косо срезан (Щурок) (рис. 64:20). Аналогичная керамика найдена в могильнике у д. Обяляй (Литва). Датируется XIII–XIV вв. (Urbanavičius V., Urbanavičienė S., 1988, p. 22, раv. 24:1, 25:2), в Польше в древностях XIII–XV вв. (Nowiński K., Buczek-Płachtowa B., 1970, s. 238, рис. 4; s. 241, рис. 5).

Тип VI. Горшки с высоким узким горлом, слегка расширенные в средней части и слегка сужаются у дна. Высокие, больших размеров. Поверхность их шершавая, покрытая штриховкой. Толщина венчика 0,5–0,7 см, а у днища толщина стенок составляет 1,2–1,3 см (Кукли) (рис. 64:21). Аналогий не найдено. По выявленным рядом перстням горшков можно

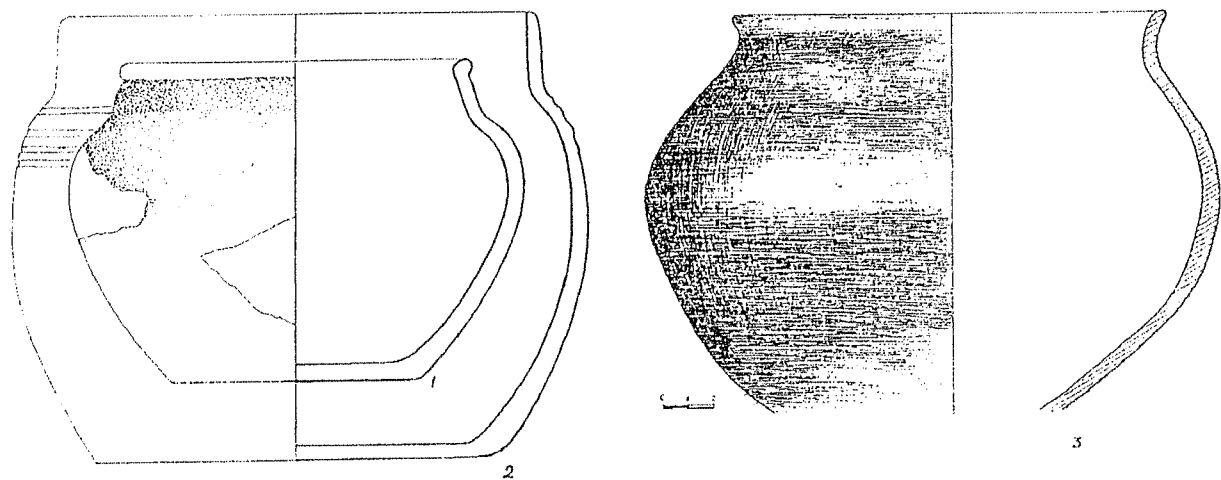

Рис. 66. Внемогильный инвентарь. Керамика, д. Косовщина: 1 - шурф 1, мог. 2; 2 - шурф 1, мог. 3; 3 - д. Новоселки (Зельвенский район), раскоп 2, мог. 6.

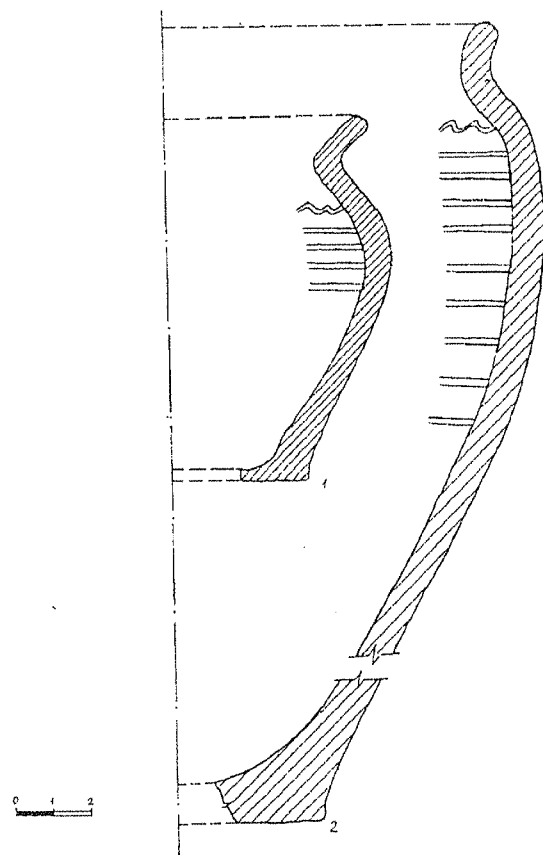

Рис. 67. Внемогильный инвентарь. Керамика, д. Вензовщина (Борок): 1 - раскоп 13, кв. 6-7; 2 - раскоп 4, кв. 8.

датировать концом XIV – началом XVI вв. Фрагменты аналогичного горшка выявлены в изголовьи одного из погребений конца XVIII в. у д. Коматово (Гродненский район).

Тип VII. Горшки с коротким, резко отогнутым наружу венчиком, невысокой шейкой и приподнятыми плечиками. По шейке и плечу украшен двумя рядками волнистого орнамента, а по тулову – многорядной волной (Воробьи) (рис. 64:22). А. Жаки отмечал, что орнамент в виде однорядковой и в особенности многорядной волны очень характерен для керамики Польши, начиная с X–XI и до XV вв. (Żaki A., 1954, s. 241, рис. 7; Musianowicz K., Zawadska B., 1961, s. 196, табл. XXXV:20). Аналогичная керамика найдена в памятниках XV в. Литвы, в Лидском замке в слое XV в. (Зданович Н. И., 1983, с. 98, рис. 25:VA, с. 99).

Тип VIII. Горшки с прямым, слегка загнутым внутрь венчиком, который переходит в тулово. На внутренней стороне его имеется желобок (Снежная) (рис. 64:23). Аналогичные горшки найдены в Лидском замке, в слое XIV

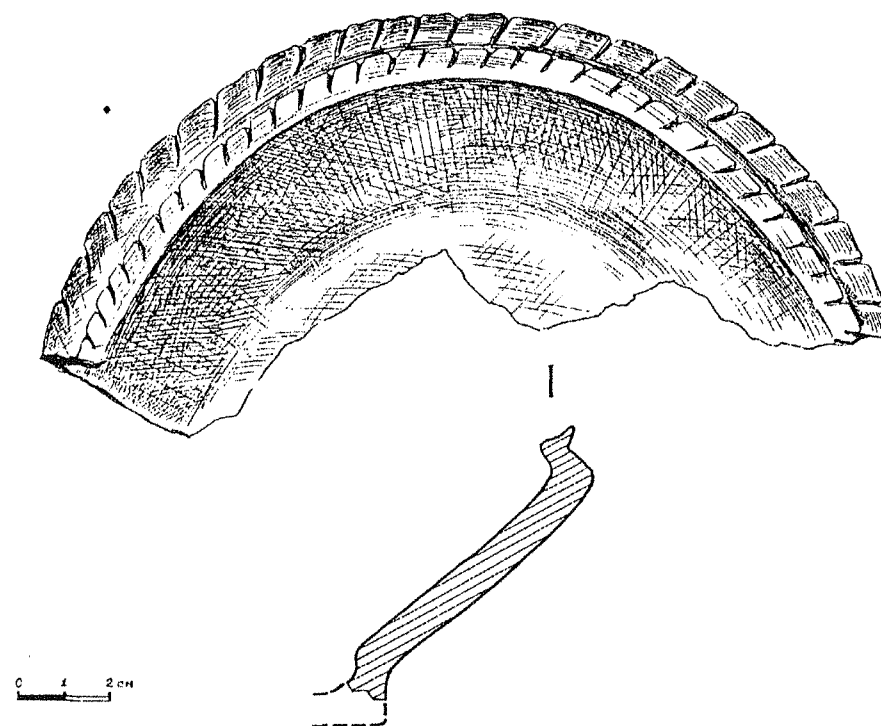

Рис. 68. Внемогильный инвентарь. Керамика, д. Вензовщина (ур. Гончариха), фрагмент миски (раскопки В. А. Шукевича).

в. на материке (Зданович Н. И., 1983, с. 98, рис. 25:IB).

Тип IX. Горшки с утолщенным округлым краем венчика слегка отогнутым наружу, с невысокой шейкой, которая переходит в тулово, украшен линейным орнаментом (Снежная) (рис. 64:24). Аналогичные горшки выявлены в могильнике Пагрибис (Литва), в погребальных памятниках XIV–XVI вв., на городищах этого же времени (Вайткунскене Л., 1988, с. 170, рис. 3:3, с. 171), в древностях XIII–XVI вв. Польши (Musianowicz K., 1975, s. 366, табл. I).

Тип X. Горшки с венчиками средней высоты, слегка отогнуты наружу (Белица) (рис. 64:25). Аналогичные горшки выявлены в древностях XIV–XVI вв. Литвы (Вайткунскене Л., 1988, с. 171, рис. 3:4), Польши (Musianowicz K., 1975, s. 366, табл. I).

Тип XI. Горшки с очень коротким утолщенным венчиком, слегка отогнутым наружу (Белица) (рис. 64:26). Аналогичные горшки найдены на территории Лидского замка в слоях XIV – первой половины XV вв. (Зданович Н. И., 1983, с. 98, рис. 25:IA), в древностях этого же времени Польши (Musianowicz K., 1975, s. 368, табл. III).

Тип XII. Горшки с маленьким, прямоугольной формы в разрезе венчиком, по внешнему краю которого имеется канавка, еще одна канавка проходит по верху венчика (Клепачи (оз. Бездонное) (рис. 64:27). Аналогичная керамика встречена в древностях XIV–XVI вв. Польши (Musianowicz K., 1975, s. 368, табл. III).

Тип XIII. Горшки с венчиком отогнутым наружу почти под прямым углом, в результате венчик по

Фото 53. Фрагмент венчика гончарного горшка из раскопа 1, кв.2 (д. Вензовицина (Борок).

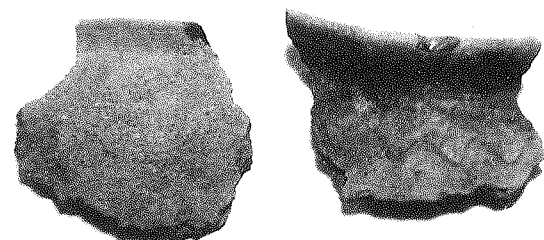

Фото 54. Венчики горшков из раскопа 2 (д. Вензовицина (Борок).

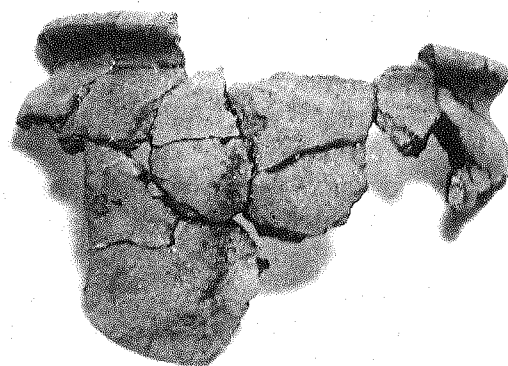

Фото 55. Часть горшка с прерывистой волной по плечку из раскопа 3, кв. 7-8 (д. Вензовицина (Борок).

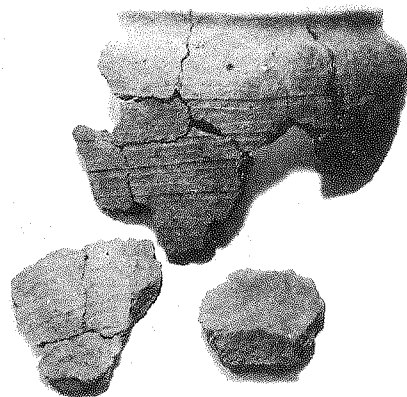

Фото 56. Профиль горшка с волнистым и линейным орнаментом из раскопа 4 (д. Вензовицина (Борок).

отношению к тулову располагается перпендикулярно (Клепахи (оз. Бездонное) (рис. 64:28). Аналогичная керамика встречается в древностях XIV–XVI вв. Польши (Musianowicz K., 1975, s. 368, табл. V, с. 370).

Тип XIV. Горшки с маленьким, слегка отогнутым венчиком, переходящим в тулово (Миневщина) (рис. 64:29). Аналогичная керамика найдена на территории Лидского замка, в древностях XIV–XVI вв. Литвы, Польши (Зданович Н. И., 1983, с. 98, рис. 25:VB; Вайткунскене Л., с. 171, рис. 3:1; Musianowicz K., 1975, s. 366, табл. I:a).

III. XV–XVII вв. Тип I. Горшки с коротким утолщенным верхом венчика, посаженным на тулово. По верху его проходит неглубокий желобок (Снежная) (рис. 64:30). Аналогичные горшки найдены в слоях XV–XVI вв. в Лидском замке в древностях XIV–XVI вв. Польши (Зданович Н. И., 1983, с. 98, рис. 25:IB, рис. 99; Musianowicz K., 1975, s. 368, табл. III:c).

Тип II. Горшки с коротким прямым венчиком, посаженным на тулово. По внутреннему краю венчика проходит желобок (Снежная) (рис. 64:31). Аналогичные горшки выявлены в

Лидском замке, в слоях XV–XVI вв. (Зданович Н. И., 1983, с. 98, рис. 25:IIA, с. 99).

Тип III. Горшки с очень коротким прямым венчиком, который непосредственно переходит в тулово (Белица) (рис. 64:32). Аналогичные горшки выявлены в Лидском замке, в слоях XV–XVI вв. (Зданович Н. И., 1983, с. 98, рис. 25:IIВ).

Тип IV. Горшки этого типа почти не имеют шейки, и на внутренней стороне венчика имеется канавка (Клепахи (оз. Бездонное) (рис. 64:33). Аналогичная керамика найдена в Мирском замке в слоях конца XV – начала XVI вв. Аналогичные горшки выявлены в Мирском замке, в слоях XV–XVI вв. (Зданович Н. И., 1988, с. 146, рис. 1, тип IIВ), в древностях Польши этого же периода.

Тип V. Горшки, венчики которых имеют косо срезанный край, покатые плечики, небольшую шейку или без неё (Новоселки, Зельвенский район) (рис. 64:34–37). Такая форма керамической посуды была широко распространена в западных районах Беларуси, в слоях XV–XVI вв. (напр., Гродно, Лидский и Мирский замки), в древностях XIV–XVI вв. Польши. (Зданович Н. И., 1983, с. 98, рис. 25:IB, B; III, IV:B; Musianowicz K., 1975, s. 368, табл. IV).

Тип VI. Горшки, у которых по внутреннему краю венчика проходит небольшой желобок. Шейка хорошо подчеркнута, почти прямая, средней величины. Изредка такие горшки были украшены многорядным линейным орнаментом (Новоселки (Зельвенский район) (рис. 64:38–39). Аналогичная керамика найдена в Лидском замке, в Заславле в слое XVI в.

Тип VII. Горшки, у которых S-видный профиль (Новоселки (Зельвен-

Фото 57. Профиль горшка из раскопа 13, кв. 6-7 (д. Вензовицина (Борок).

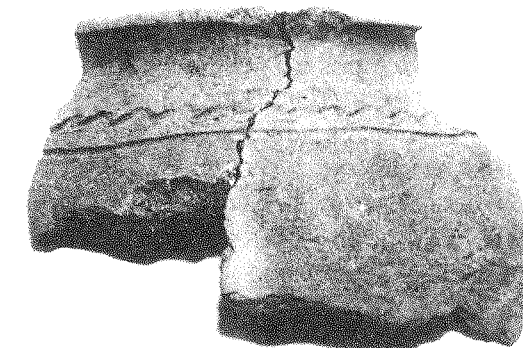

Фото 58. Фрагменты керамического горшка из раскопа 16, кв. 3 (д. Вензовицина (Борок).

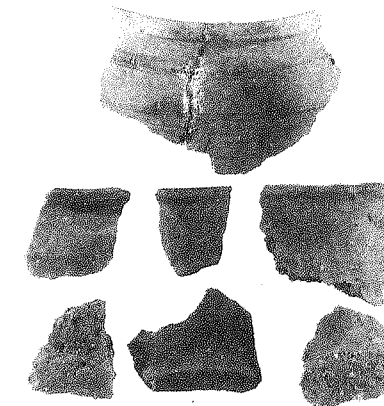

Рис. 59. Керамика из могильника у д. Новоселки Зельвенского района.

кий район) (рис. 64:40, 66:3). Посуда этой формы была широко распространена на территории Беларуси, Литвы (Вайткунскене Л., 1988, с. 171, рис. 3:1), Польши в XV–XVI вв.

Тип VIII. Горшки этого типа имеют очень короткий резко отогнутый наружу венчик, край которого срезан горизонтально (Миневщина) (рис. 64:41). Аналогичные горшки найдены в Лидском замке (Зданович Н. И., 1983, с. 98, рис. 25:IIIБ; Зданович Н. И., 1988, рис. 1:IIIВ) в слое первой половины XVI в., в Мирском замке в слое середины – второй половины XVI в.

Тип IX, вариант А. Горшки этого варианта имеют очень маленький венчик, посаженный на тулово. Край его срезан горизонтально. Плечики в этих горшках резко приподняты (Миневщина) (рис. 64:42–43). Аналогичная

керамика найдена в Лидском замке, в слое XVI в. (Труссов О. А., 1980, д. 5/68, кн. II).

Вариант Б. Горшки этого варианта по профилировке очень близки к горшкам варианта А, но отличаются от них оформлением верха венчика – он слегка заострен (Миневщина) (рис. 64:44). Аналогичная посуда найдена в Мирском замке в слое XVI в. (Зданович Н. И., 1988, с. 146, рис. 1:IIIВ).

Приведенный анализ керамической посуды, собранной под каменными кладками погребений, показывает основные его типы, которые были в пользовании в период с XI до XVII вв. (фото 53–59). Более глубокий, основательный анализ этой категории находок можно будет выполнить только после изучения поселений населения, оставившего эти памятники.

ГЛАВА V

ХРОНОЛОГИЯ КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ. ХАРАКТЕР И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ИНВЕНТАРЯ

Вопрос о хронологии каменных могильников Беларуси до последнего времени оставался нерешенным, хотя попытки хронологического членения этих древностей были предприняты В. А. Шукевичем (Szukiewicz W., 1898, s. 214–227) и автором (Квятковская А., 1986, с. 32–41).

Типологический анализ предметов погребального инвентаря и определение его датировок позволяют очертить хронологические рамки функционирования отдельных памятников. Для удобства и наглядности датировки найденных предметов погребального инвентаря представлены в таблице II (см. приложение). В таблице показано время появления и период использования отдельных категорий предметов. Особенно хорошо это видно на примере женских украшений. Например, зонные золотостеклянные бусы были в пользовании с X по начало XII вв.; височные кольца – от X до начала XIV вв.; серьги появляются во второй половине XIII в.; бляшки от головного убора – в начале XII в.; булавки типа “пус йенпи” в XIV в. и т. д.

Кроме того, хорошим хронологическим показателем при датировке погребений являются монеты. Поэтому на первом этапе определения хронологии каменных могильников мы будем опираться на датировки предметов могильного инвентаря, в основном, на

женские украшения и монеты. Керамический материал, в силу недостаточной изученности, пока не используется. Известно, что приемы изготовления и орнаментации горшков также подвергаются влиянию моды, однако в меньшей степени чем, например, украшения. Тем более, что речь идет о сельских погребальных памятниках, а для сельской культуры, в отличие от городской (и это подтверждают данные этнографии) присущ некоторый консерватизм культурных традиций. Таким образом, главным критерием в определении хронологии памятников является наличие или отсутствие отдельных типов украшений и монет в погребениях конкретных могильников. Так, например, в могильнике у д. Подрось найдены золотостеклянные бусы, но нет бляшек. В могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) в погребениях найдены бляшки от головных уборов, бусы, но среди них нет золотостеклянных. В могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха), Дворчаны, Подрось, Маркиняты и других, отсутствуют монеты и т. д. В таблице 12 (см. приложение) представлены данные о размещении и составе погребального инвентаря в отдельных погребениях и его датировки. Эти данные очень важны, так как показывают использование предметов одновременно, что дает возможность более